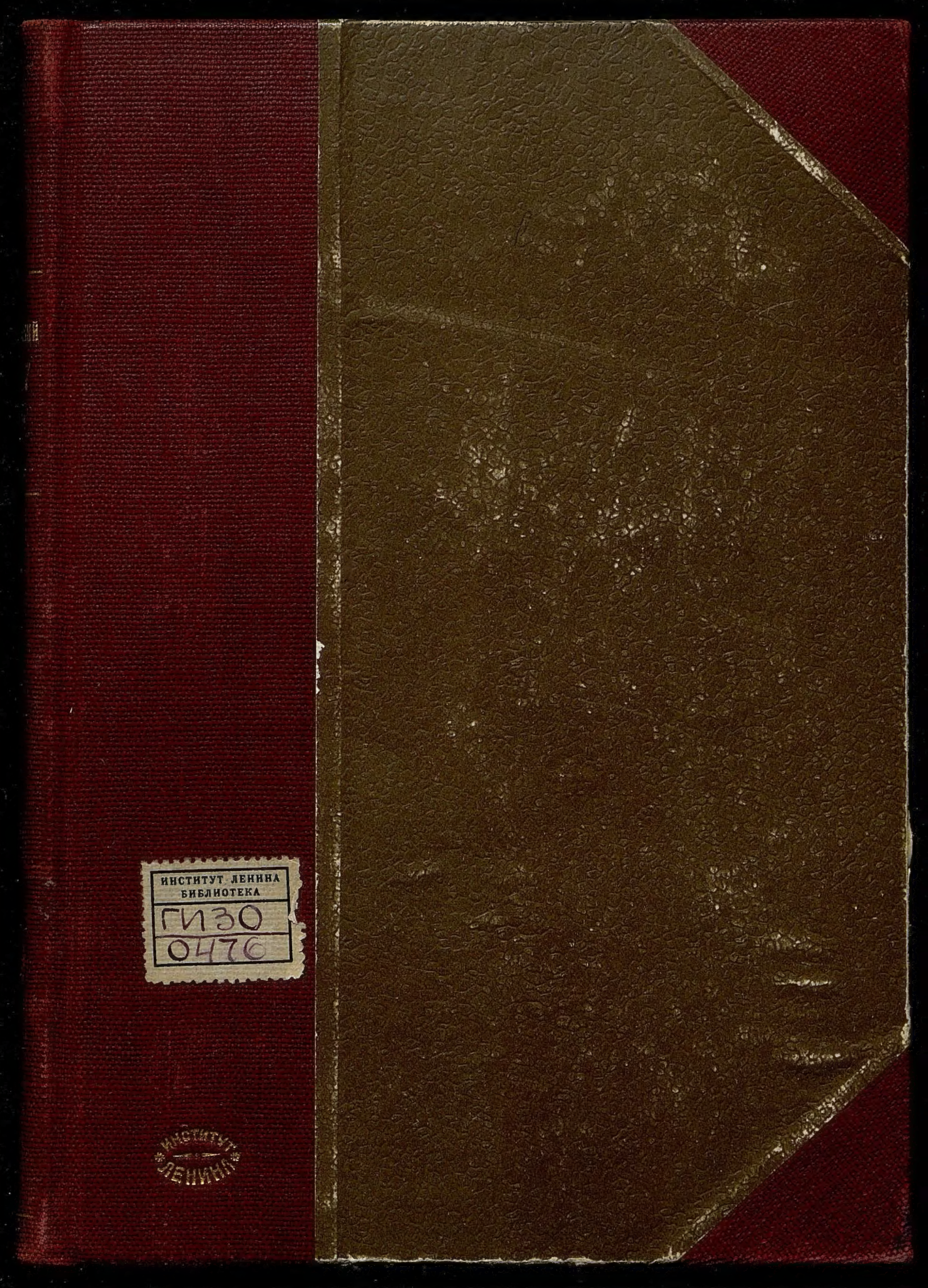

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ30
0476
ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

М. ОЛЬМИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММ. УН-ТА им. Я. СВЕРДЛОВА
МОСКВА — 1926

М. ОЛЬМИНСКИЙ

1917 ГОД

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТАТЕЙ ИЗ «ПРАВДЫ» и
«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОГО УН-ТА
имени Я. М. СВЕРДЛОВА — МОСКВА — 1926

Отпечатано в Гостипографии имени Карла Маркса в г. Твери. Тираж 2000 эк.
Главлит № 49562.

ОТ АВТОРА.

Близится десятилетие 1917 года. Одним из важнейших источников для изучения этого времени должны служить наши газеты того периода,—прежде всего «Правда», издававшаяся в Петербурге или Петрограде*) и «Социал-Демократ»—в Москве. Комплекты этих газет составляют библиографическую редкость. Необходимо переиздание их заранее, как были переизданы газеты «Вперед» и «Пролетарий» 1905 года. К сожалению, об этом ничего не слышно. Можно уже теперь опасаться, что если и будет приступлено к переизданию, то выпуск этих газет в свет запоздает к тому времени, когда понадобится пользоваться ими для подготовки к серьезным юбилейным изданиям по десятилетию.

Таким образом, для широкой писательской,—а тем более пропагандистской,—массы работников останется один путь изучения первоисточников: пользование собранием статей отдельных авторов, писавших в 1917 году.

Мартовская революция (по старому стилю—февральская) застала меня в Москве. Тотчас же был поднят вопрос о газете Московского Комитета. Я успел только написать статью для № 1 «Социал-Демократа», как был вызван в Петроград на работу в «Правде». Редакторами тогда были избраны т.т. Калинин, Молотов и Еремеев. Писал, кажется, только т. Еремеев. После приезда из Сибири т.т. Сталина, Каменева и Муранова, я вскоре вернулся в Москву для работы в «Социал-Демократе». Числился ли я редактором в той или иной газете,—этого не помню; но редакторскую работу вел.

В настоящее время вышли отдельными книжками статьи, печатавшиеся в этих газетах: Сталина—«На путях к Октябрю» и Бухарина «На подступах к Октябрю». Статьи т.т. Ленина, Зиновьева и Каменева вошли или должны были войти в собрание их сочинений. Предполагают выпустить, как они мне сообщали, свои статьи т. И. Скворцов (Степанов) и т. В. Бонч-Бруевич. Если будут выпущены сборники статей и других авто-

---

*) Так назывался раньше нынешний Ленинград.

ров, то все они вместе все же не дадут картины эпохи: будут утрачены голоса не профессиональных писателей,—голоса рабочих и солдат. Если не будут, как я выразил уже опасение, изданы газеты 1917 г. полностью, то для удобства пользования сборниками статей отдельных авторов я бы предложил принять за правило (при издании их) следующие однообразные начала:

1) Печатать все статьи и заметки (а не только избранные) автора, не допуская в них никаких переделок и сокращений; а в случае надобности делать примечания.

2) Не быть слишком ригористичным при выборе статей. Например, в сборнике т. Бухарина пропала вся кампания во время августовского совещания. Велась она совместно т.т. Бухариным, Осинским и Смирновым и проведена была блестяще. Неужели же эти статьи не попадут в сборники ни одного из этих авторов только потому, что статьи были без подписей?

3) Включать, по возможности, и более поздние статьи и речи автора *), если в них дело идет о событиях 1917 года.

4) Стиль должен быть однообразен в датах под статьями: сначала новый, а затем — старый. Книги т.т. Бухарина и Сталина в этом отношении изданы недостаточно внимательно, у Бухарина скачет стиль то старый впереди, то наоборот. А у Сталина в «Летописи событий»—только старый, без всяких указаний на то, принят ли новый или старый стиль **).

5) Давать все статьи 1917 г., не только дооктябрьские, но и пооктябрьские. Первые месяцы Советской власти не менее важны и характерны, чем «подступы» или «пути» к «октябрю», который мы празднуем в ноябре.

Остается отметить, что все эти сборники и собрания сочинений отдельных авторов годны только для использования их в качестве подспорья. Серьезным же историкам полагается верить только подлиннику или копии, заверенной авторитетным издательством. Бумага подлинников очень плохая,—и через несколько лет обратится в труху. Это соображение вновь возвращает нас к постановке вопроса о переиздании наиболее важных партийных газет 1917 года.

М. Ольминский.

---

*) В «Путях к октябрю» т. Бухарина нет речей его на VI с'езде,—даже нет его речи о текущем моменте.

**) Кроме того, не попал в «Летопись» день «Свержения самодержавия» и потому непонятно, почему именно мы отмечаем этот день, как праздник.

МАРТ

СТАТЬИ ИЗ «ПРАВДЫ» и «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА».

НАСТОРОЖЕ.

Революционное движение пролетариата и солдат уничтожило правящую шайку Николая Кровавого. Так говорят революционеры.

А что говорит о революции Временное Правительство? В радиотелеграмме, посланной «всем, всем, всем», рассказывается:

«28 февраля... волнение в войсках и населении приняло крайне тревожные размеры».

Радостный для народа под‘ем революции, таким образом, оказался «тревожным» для кн. Львовых и Родзянок. Смеем думать, что оно было «тревожным» и для министра Протопопова.

Далее говорится:

«В ближайшие дни волнения перебросились из столицы на окрестности, и опасность приняла угрожающие размеры».

Да, конечно, угрожающие для Николая Кровавого; а для восставшего народа не опасность приняла угрожающие размеры, а революция стала приближаться к победе.

«Серьезное осложнение» для Милюковых и Родзянок «создалось под‘емом общественного настроения и энергичной деятельностью левых политических организаций».

«Под‘ем общественного настроения» и «энергическую деятельность» левых Львовы-Родзянки считают не поддержкой себе, а «серьезным осложнением». Это—язык правительства Николая Романова.

Пролетарско-солдатская революция вынесла на гребень политической волны Львовых, Гучковых, Милюковых. Но они приняли на себя роль не руководителей, а ту роль, которой не

сумели выполнить министры павшего правительства. Это нужно твердо помнить рабочим, крестьянам и солдатам. Они должны знать, что если Временное Правительство и сделает что-либо для народа, так только поневоле, под давлением революции, или как они сами говорят, в случае «волнений», принимающих «тревожные» размеры, когда «опасность примет угрожающие размеры».

Задача Временного Правительства сводится к тому, чтобы дать рабочим и крестьянам как можно меньше. А задачи крестьян, солдат и рабочих—отвоевать от помещиков и капиталистов как можно больше. Значит ли это, что Временное Правительство решительно ничем не отличается от правительства Николая?

Конечно, нет. Временное Правительство сходно со старым правительством в том, что оно—правительство капиталистов и помещиков. А разница в том, что Временное Правительство прежде всего умнее Протопоповых и Штюрмеров *): оно понимает, что нельзя итти всегда напролом, что перед лицом волнений, «принимающих тревожные размеры», перед опасностью, принимающей «угрожающие размеры», необходимо уступать, чтоб успокоить, утихомирить «общественный под‘ем» и «левые партии».

Есть, конечно, и еще большие различия между правительствами кн. Львова и Протопопова, но для нас сейчас главное то, которое мы указали.

Итак, правительство кн. Львова—правительство помещиков и капиталистов. Оно стоит не за революцию, а против революции. Оно хочет дать народу не побольше, а как можно меньше,—лишь бы только утихомирить революцию. Но в то же время оно понимает, что революционному народу надо сделать уступки, что без уступки не обойдешься.

Что же из этого следует? Что должны делать рабочие и солдаты? Прежде всего, они должны взвесить, каким путем выгоднее итти сейчас. Желая получить все, можно и потерять все. По этому соображению социал-демократия всегда держится правила: врозь итти, вместе бить.

Итти во всем вместе и за одно с Временным Правительством народ не может. Но за одно с ним бить, бить сторон-

*) Царских министров.

ников Николая Романова, он должен. Бить, смещая старые власти от царя до стражника. Бить, освобождая политических и т. п. заключенных. Бить, осуществляя свободу организаций, слова, печати, собраний.

Но врозь итти. Члены Временного Правительства, кроме Керенского, все монархисты. Нужно итти против них, требуя республики. Временное Правительство хочет захвата чужих стран, порабощения других народов (Константинополя, поляков, армян, украинцев). А мы говорим, что каждый народ должен сам, свободно решать свою судьбу, и хотим скорее кончить войну.

В этих вопросах, а также в вопросе о земле, о сокращении рабочего дня, о запрещении сверхурочных работ и во многих других вопросах рабочей и крестьянской политики мы идем и будет «итти врозь», итти против Временного Правительства Львовых и Милюковых.

А каким способом мы будем бороться за свое—это будет зависеть от оценки момента. Здесь задача—не потерять все, требуя всего, но и не прозевать удобного случая, который может не повториться. Будем настороже!

20—7/III.

ПРОТИВ ДЕСПОТИЗМА.

В № 1 нашей газеты напечатан призыв вождей английской независимой рабочей партии, обращенной к русским рабочим. Англичане говорят, что они «твердо рассчитывают на помощь русских рабочих в деле свержения германского деспотизма».

По этому поводу необходимо высказаться.

Мы всей душой, всем сердцем ненавидим всякий деспотизм; мы ненавидим деспотизм Вильгельмов и Брианов, Ллойд-Джорджей и Фердинандов так же, как ненавидим деспотизм Романовых; мы ненавидим деспотическое обращение с Бельгией не меньше, чем деспотизм по отношению к полякам, армянам, евреям, грузинам, жителям английской Индии, туземцам французских и итальянских колоний, деспотизм американцев на Филиппинах, деспотизм японцев по отношению к Китаю, деспотизм буржуа-

зии по отношению к пролетариату во всем капиталистическом мире.

Не для того мы свергли деспотизм Романовых, чтобы спокойно и равнодушно относиться к деспотизму во всех других странах, к деспотизму во всяких видах и формах. Вопрос лишь в том, как наилучше бороться против деспотизма.

В Германии сейчас царит деспотизм Вильгельма. Во Франции, Англии, Италии на месте Вильгельма—Брианы, Гумберты, Ллойд-Джорджи. Везде попираются права рабочих. Везде одурманиваются мозги пролетариата.

Кем начата война? При цензуре Николая вина приписывалась, конечно, немцам. Но даже при этой цензуре проскочили в печати разоблачения П. Н. Милюкова (в Ежегоднике газеты «Речь» за 1915 г.). Из сообщений Милюкова видно, что тут и на другой стороне не все чисто.

С другой стороны, мы знаем, из-за чего ведется война и для кого ведется. Война ведется с обеих сторон для захвата чужих стран и городов, для завоевания рынков. Война ведется в интересах крупнейших капиталистов.

Как отражается война на населении? Во всех воюющих странах капиталисты наживают от войны неслыханные барыши, а народ изнуряется и голодает.

Что будет при победе той или другой стороны? При победе германцев и австрийцев широко разольется германский и австрийский деспотизм, а при победе другой стороны столь же широко разольется деспотизм итальянский, французский, английский, русский.

Или вы думаете, что можно будет покорить Константинополь и дать свободу туркам? Покорить армян против их воли и не держать их под игом деспотизма? Покорить поляков и Галицию и не душить всякую их попытку к свободе? Мы—враги германского деспотизма, как враги всякого деспотизма. Но каким образом свергнуть германский деспотизм?

Германия, как и Россия, Франция, Англия, ведет войну в интересах правительства и капиталистов. И нужно бить по коню, а не по оглобле,—нужно бить в первую голову германское правительство.

Нам возразят: войну поддерживает и германский рабочий. А разве в России, Англии, Франции мало рабочих, одураченных и обманутых при цензурных кандалах и ловкости буржуазных

политиков? И все же в Германии быстро растет среди рабочих левое течение, стремящееся к прекращению войны и к свержению деспотизма германских помещиков и буржуазии.

Победа революции в Германии принесет счастье германскому народу. Но и для русского, французского, английского, итальянского народов революция в Германии даст много. Она освободит нас от кошмарной, бесконечной, невыносимо-тяжелой войны. Она освободит Европу от германского деспотизма.

Что же нужно, чтобы в Германии скорее победила революция? Уж, конечно, не крики о войне до конца, не крики за покорения и завоевания, а напротив—ясно, твердо, открыто, искренне сказанное слово, что мы не хотим продолжать войну без конца, что мы не хотим навязывать никому деспотической воли каких бы то ни было победителей.

Революция в Германии сейчас может быть только пролетарской. Она будет направлена там не только против правительства, но и против буржуазии. Буржуазия других стран, из боязни пролетарской революции и у себя дома, удесятерит тогда свои воинственные крики против Германии; она постарается задушить пролетариат Германии, подобно тому, как союз европейских деспотов пытался задушить великую французскую революцию.

И мы спрашиваем английских, французских, итальянских товарищей: что вы будете тогда делать? По нашему убеждению, вы должны сейчас же начать борьбу против неизбежной коалиции (союза) буржуазии всех стран. Буржуазному строю, ввергшему Европу в эту войну, вы должны противопоставить победоносный пролетарский строй, который один только может привести к прекращению войн и к братству всех народов.

Это и будет прямой, верный и единственный путь для борьбы против германского и против всякого вообще деспотизма.

21—8/III.

РЕСПУБЛИКА ИЛИ МОНАРХИЯ?

Политическая власть вырвана из рук династии Романовых. Что дальше? Какое государственное устройство нам нужно?

Николай Романов—человек ничтожный. И такой человек мог стоять во главе ста пятидесяти миллионов людей. Вся мразь и грязь земли русской текла во дворец, чтобы выйти от-

туда к народу во всеоружии власти, в блестящих мундирах, с правом расхищать без конца народное богатство. Как могла Россия жить при таком позоре? Как могло все это случиться?

Причина одна—наследственная монархия. Сын царя (монарха), каким бы он ни был негодяем, становится верховным правителем только потому, что он—сын своего отца. При монархии страна и народ переходят от отца к сыну точно так же, как в крестьянском хозяйстве переходят по наследству земля, лошадь, собаки, свиньи.

К собакам и свиньям приравнен народ при монархическом устройстве. Понятно, что монархи (цари, короли) смотрят на народ, как на скот, и безжалостно отправляют его на бойню, когда сочтут нужным. Понятно и то, что люди честные сторонятся монархии.

Монархи всегда принадлежат к числу самых богатых людей в стране. Только крупнейшие помещики и капиталисты имеют свободный доступ во дворец. Они окружают монарха сплоченной шайкой, влияют на него, держат его в своих руках угрозой убийства. И в России было не мало случаев убийства царей, не вполне повиновавшихся дворянам (Павел I, Петр III и другие).

Чтобы сделать монарха менее вредным для себя, буржуазия придумала конституционную монархию с министрами, ответственными перед парламентом (у нас — перед Государственной Думой). В конституционной монархии распоряжения монарха без подписи министра считаются не имеющими силы. За подпись незаконного приказа короля или царя отвечают министры. Но, все же за монархом остается всегда большая власть. Он назначает и повышает в должность офицеров и чиновников. Распоряжается огромными деньгами. А сверх того часто он же решает по своей воле и вопрос о войне.

Конституционная монархия—средина между самодержавием и республикой, между свободой и рабством. Полусвобода и полурабство. Самодержавие—полное рабство народа; и за него стоят крупнейшие помещики - крепостники. Конституционная монархия—полурабство для народа; и за нее стоит преимущественно высшая буржуазия, извлекающая доход из полурабского, чужого, наемного труда.

А рабочий люд, пролетариат и крестьянство должны стоять за полную свободу, которая возможна только при рес-

публике. В республике глава государства выбирается на короткий срок, от 4 до 7 лет (можно и меньше и больше). После срока он становится опять простым гражданином. Поэтому он вынужден держаться закона. Он стремится подчиниться народу, чтобы его выбрали на новый срок. Около него не может так тесно сплотиться шайка паразитов и угнетателей, как около наследственных монархов.

То, что происходило в России при дворе Николая Кровавого, творится и при всех дворах всех монархов. Только делается это более скрытно и не так глупо, как делалось у нас. Кого бы ни избрали в цари на место Николая Романова, —все равно это будет означать возврат к старому порядку, только не в такой глупой и наглой, но зато в более опасной форме.

Теперь читателю ясно, почему мы должны считать и считаем всякого монархиста врагом народа, врагом свободы, врагом революции. Сейчас в России нет царя, и мы должны голову свою положить за то, чтобы его больше никогда и не было.

21—8/III.

ХИЩНИКИ.

В одной из петербургских газет недели две тому назад была помещена заметка, что 53 русских акционерных коммерческих банка в течение 10 месяцев 1916 года получили 192.589.000 руб. прибыли. Считая в той же пропорции, за год прибыль должна составить 232.000.000 руб. Вот кому нужна война! Вот где одна из причин современной дороговизны!

Затеяв беспримерную в мире международную бойню, погубившую уже миллионы человеческих жизней, искалечившую несколько миллионов жизней пролетариев, крестьян и вообще демократии, хищники международного капитала создали себе таким образом золотое поле наживы.

Мы не знаем, попадут ли в руки международных империалистов, дельцов финансового капитала, новые рынки сбыта, новые колонии для эксплоатации. Мы не знаем, получат ли русские империалисты Константинополь, Малую Азию, Персию, английские, немецкие колонии, новые азиатские территории,

или же наоборот—германские акулы капитала захватят земли «союзников». Как и чем кончится война, мы не знаем. Но мы можем сказать, что все они — капиталисты «коалиции» и центральных держав, равно как и капиталисты «нейтральные», уже теперь туго набили себе карманы, собирая обильный золотой посев.

Предприятия, работающие «на оборону», дают миллионные доходы,—прибыль, равную затраченному капиталу; склады и хранилища, принадлежащие банкам, ломятся от товаров, припрятанных до выяснения «хорошей кон'юнктуры».

И все эти прибыли идут за счет трудовой демократии, крестьян и рабочих, для которых единственно отменены те крохи прав, охранявших их жизнь и здоровье, которые называются законами об охране труда.

Война создает для международных хищников особо благоприятные условия и сулит им в будущем еще большие выгоды. Неудивительно поэтому, что международным лозунгом капиталистов является лозунг: «война до победы».

21—8/III.

ТАКТИКА РЕВОЛЮЦИИ *).

После победы революции 27 февраля рабочие по доброй воле предоставили собранию старейшин Гос. Думы избрать временную власть: так появился Исполнительный Комитет Гос. Думы. Подобная тактика до известной степени об'яснима обстоятельствами момента: у рабочих в то время могло не иметься на примете необходимых лиц.

Но этот факт был чреват последствиями огромной важности. В нем таилась опасность утраты рабочей демократией самостоятельных политических позиций. При выборе революционных комиссаров, когда у рабочих уже была полная возможность указать собственных кандидатов, они снова сбыли с рук дело революции на этот раз сознательно, и комиссарами ока-

---

*) Статья эта написана не мною, а стариком Ник. Алексеевичем Чердынцевым, сотрудником «Правды» 1912-14 гг., подписывавшимся там фамилиями «Чер» или «Дынцев». Мне же принадлежало только редактирование. Статья была напечатана в качестве передовой без подписи. Это первая статья, открывшая полемику против соглашательского Совета Раб. и Солд. Депутатов за переход власти к Советам. Она не встретила

зались исключительно члены Гос. Думы чуждых рабочим направлений. Это уже не уступка обстоятельствам момента, так как в Совете С. и Р. Депутатов нашлись товарищи, которые указывали, как опасно брать кандидатов не из собственной среды. Но рабочие не убедились их советом. Дальше неизбежно последовала и третья ступень возраставшей революционной скромности рабочих.

Состав Временного Правительства целиком образовался из представителей буржуазии и землевладельцев, не только членов Гос. Думы, но и элементов со стороны. И депутаты *) утвердили его. Таким образом, разгромив монархию, они сознательно и добровольно сдали власть привилегированным классам.

За это монархист Милюков назвал их поведение благоразумным. Еще бы! Но что же оставили рабочие себе? Что завоевали революцией? Контроль над Временным Правительством? Что даст он им? Очевидно же, что буржуазия даже под контролем рабочих не может взять на себя выполнение пролетарских программ, и рабочие не вправе рассчитывать загребать жар чужими руками по примеру буржуазии, а должны действовать сами.

Революция есть, прежде всего, захват победителем политической власти и организации ее на соответственно новых началах. Рабочие должны были взять власть в собственные руки в полном об'еме, когда это было так легко сделать, чтобы плодами их революционных трудов не воспользовались привилегированные классы. Этого-то и не было сделано.

осуждения среди товарищей до приезда из Сибири новых товарищей,— также и факт протеста против «революционной скромности, проявленной рабочими в данном случае».

С № 8 «Правды» переменился состав редакции «Правды», и в первом же номере было заявлено, что «было бы политической ошибкой сейчас ставить вопрос о смене Временного Правительства». А в № 15 «Правды» статья Авилова (вскоре вышедшего из нашей партии) в первом абзаце говорит о «первых заявлениях» «Правды», «неудачно выраженных». См. некоторые подробности об этом в книге т. Шляпникова—«Семнадцатый год. Книга вторая». Стр. 170—188. Госиздат. 1925 г. Ср. также Ленина—«О задачах пролетариата в данной революции», особенно тезисы 3 и 4-й на стр. 18 «Собрания сочинений», том XIV, часть I, Госиздат 1921 г.

*) Т.-е. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Но у рабочих остаются еще две позиции, укрепившись на которых, они без новой революции могут вернуть кое-что из сданного добровольно и утраченного. Позиции эти—демократическая республика и прекращение войны.

Республика—дело Учредительного Собрания. Контр-революция заинтересована в том, чтобы оттянуть его созыв возможно дольше, когда остынут революционные страсти и сорганизуется анти-республиканское течение в провинции. Интересы рабочих, наоборот, требуют скорейшего его созыва, чтобы в мае—июне вошел в силу новый основной закон, устанавливающий республиканские формы правления. Потому что, только опираясь на демократическую республику, рабочая и крестьянская демократия сможет явиться политической силой в государственном масштабе, к которой она стремится. На Совете Р. и С. Депутатов поэтому лежит прямая обязанность немедленно приступить к действиям, составить проект республиканской конституции, наказ Учредительному Собранию, избирательный закон, разослать по всей стране комиссаров для скорейшего подготовления населения к выборам.

Правящие классы неспособны окончить настоящую войну, благодаря путанице капиталистических интересов, которую они создали до войны и усложнили войной. Только рабочие и солдаты воюющих стран могут положить ей конец революционным путем и заключить мир на условиях, установленных без участия официальных сфер. Поэтому на Совете Р. и С. Депутатов лежит другой долг: немедленно приступить к попытке завязать сношения с рабочими и солдатами всех воюющих стран, и прежде всего с немецкими, в целях прекратить войну на разумных условиях.

Если рабочие откажутся и от этих позиций, то это будет означать, что они совершили революцию лишь ради кое-какой буржуазной свободы, не больше. Товарищи, вы должны это понять!

Революционная скромность, проявленная рабочими в данном случае, беспримерна в истории пролетарской борьбы. Никогда и нигде рабочие не сдавали власти привилегированным классам добровольно. Ее всегда вырывали у них путем обмана или насилия.

22—9/III.

ГДЕ ВЗЯТЬ ДЕНЕГ?

Новое правительство постановило выпустить новых два миллиарда бумажных денег. Возможно, что без этого нельзя было обойтись. Но двух миллиардов хватит на один-два месяца. А дальше что?

Вся буржуазная печать и буржуазная наука признает, что каждый новый выпуск бумажных денег увеличивает дороговизну. Старое правительство справедливо обвиняли в том, что оно печатает бумажки вместо обложения налогами имущих классов. Неужели и дальше останется по старому?

Буржуазия на все лады кричит: «все для войны!» и добавляет: «осталось сделать последнее усилие для победы». Мы предлагаем ей: «сделайте же и вы сами последнее усилие, отдайте все для войны!»

От войны народ страдает, а буржуазия получила неслыханные барыши. Поэтому мы предлагаем единовременно обратить целиком на нужды войны все доходы, полученные за 1916 год:

1) всеми акционерными и другими торговыми и промышленными предприятиями, получавшими дохода более 3.000 руб.;

2) всеми домовладельцами,—что получено ими от сдачи помещений в наем, если доход более 3.000 руб.;

3) всеми землевладельцами, получившими дохода более 3.000 руб.;

4) всеми частными железными дорогами, банками и банкирскими конторами;

5) всеми вкладчиками в банки и держателями процентных бумаг.

Владельцы имуществ и бумаг от такого единовременного налога не разорятся; они только покажут, что их лозунг «все для войны» говорится ими не для обмана народа.

22—9/III.

РАССТРЕЛЯТЬ?

Революция еще не закончена, а реакционеры уже поднимают голову. Вчера напечатана в газетах телеграмма Н. Н. Романова, который неизвестно по какому праву продолжает име-

новать себя «Николаем Николаевичем» (без фамилии) и «верховным главнокомандующим».

Подчиняясь на словах Временному Правительству, этот отпрыск дома Романовых озабочен не осуществлением свободы, а напротив, одним лишь «поддержанием дисциплины», и не только на фронте, но и в «тыловых районах армии». И далее, языком министров Николая Кровавого, этот ставленник отставного царя отдаёт приказы кн. Львову, стоящему во главе Временного Правительства.

— «Я уверен,—приказывает Романов Львову,—что и вы с своей стороны сделаете все зависящее от правительства для обеспечения победы, восстановив полнейший повсеместно порядок и деятельность заводов и всех вообще учреждений, работающих для нужд армии и флота».

Уместно ли главе правительства, поставленного революцией, получать такие приказы? Уместно ли терпеть молча такое издевательство над собою? Неужели кн. Львов признает себя нуждающимся в таких указаниях?

От своего верховного главнокомандующего не отстает и и начальник штаба—ген. Алексеев. В своем распоряжении он пишет:

«Из Великих Лук на Полоцк едет депутация в 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов».

Вся Россия теперь обезоруживает жандармов. Но Алексеев обратился к Родзянке. Родзянко ответил, будто «никаких депутаций не посылалось». И Алексеев приказывает:

«При появлении где-либо подобных самозванных делегаций таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать их и по возможности тут же назначать полевой суд, приговор которого приводить немедленно в исполнение».

Алексеев и Н. Н. Романов—друзья и ставленники отставного царя. И они идут по его стопам: опять военно-полевые суды и расстрелы для революционеров. И нас хотят уверить, будто такие господа дадут России свободу.

Нет! Не свободу они дадут, а военно-полевые суды, виселицы и расстрелы! Чего же смотрят Гучков и кн. Львов? Неужели они думают, что у Романова и Алексеева не найдется веревки и для них? Разве простят Романовы свои теперешние

огорчения? Как понять, что Временное Правительство терпит на высших должностях таких явных, таких наглых реакциоров?

22—9/III.

ПРЕСТУПНОЕ ПОКУШЕНИЕ.

Временное Правительство не спешит освободить революционную армию от родственников отставного царя и от генералов, приказывающих расстреливать революционеров. За то Временное Правительство торопится закрепить армию приведением ее к присяге на верность. Верность не свободе, не народу, а Временному Правительству.

Не назначив еще срок созыва Учредительного Собрания, правительство требует верности ему войск «впредь до установновления образа правления волею народа при посредстве Учредительного Собрания».

Если Временному Правительству вздумается отложить созыв Учредительного Собрания на какой ему угодно долгий срок,—армия, принявшая присягу, должна подчиниться.

Если Временное Правительство захочет оказать вооруженной рукой давление на Учредительное Собрание,—армия, принявшая присягу, должна будет выступить против Учредительного Собрания.

Если Временное Правительство пожелает разогнать Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, заточить по тюрьмам членов этих Советов,—армия, принявшая присягу, должна повиноваться.

Если Временное Правительство пошлет ген. Алексеева расстрелять на месте всех членов Советов Рабочих и Солдатских Депутатов,—армия, принявшая присягу, должна произвести расстрел.

Такова явная, несомненная, решительная цель приведения армии к той присяге, которую придумало Временное Правительство. А для самого себя Временное Правительство не признает никакой присяги. Оно может и вовсе не созывать Учредительного Собрания,—и никто не посмеет назвать его клятвопреступником.

Опубликованный текст присяги—явное, преступное покушение Временного Правительства на права народа, на свободу, добытую революцией. Никого из реакционеров такая присяга не свяжет,—они принесут хоть десять присяг, а делать будут по своему. Не свяжет она и революционеров.

Присяга направлена к тому, чтобы Временное Правительство могло направить несознательную массу против Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, когда оно сочтет это нужным. Советы Рабочих и Солдатских Депутатов должны немедледно об'явить:

Свобода в опасности!

Отношение к присяге должно быть единодушно и проведено организованно, чрез обязательное для всей армии постановление Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

23—10/III.

ЕДИНЕНИЕ.

Единением народа свергнута старая власть. Рабочие и солдаты своею кровью освятили освобождение России от многовекового рабства.

Но революция не закончена. Мы живем под лозунгом «вместе бить». Для своего партийного дела—каждая партия сама по себе. Для общего дела—все заодно. Тем с большей энергией должны мы протестовать и бороться против всякого извращения правды, против науськивания и натравливания на борцов за свободу. И поэтому мы считаем себя обязанными обратить внимание на следующие провокаторские писания одной газеты, которая прикидывается стоящей за единение:

«Должно быть сохранено единение, страна должна поддержать и укрепить власть, создавшуюся мгновенно, в час бури и разрушения, силою событий, почином Гос. Думы. Другого выхода не может быть. Всякий раскол, всякое отпадение — измена долгу перед родиной, нож, занесенный над нею. Фанатизм слеп, а сейчас нужно острое зрение. Страсть безответственна, а теперь требуется прежде всего и больше всего сознания ответственности перед народом за его будущую судьбу. Временное Правительство зовет к единению и работе. Тот, кто остался бы глух к этому призыву, не был бы достоин назваться сыном своей родины».

Итак, победоносный ход революции для газеты был только «часом бури и разрушения», а не часом созидания свободы. История начинается для нее лишь с момента выступления Гос. Думы. Далее—говорится о страсти, о фанатизме. Это—условный

язык либералов, когда они говорят о социал-демократии и пролетариате; они говорят на условном языке и уже натравляют, науськивают буржуазию: дескать люди «страсти» и «фанатизма»—это—«изменники долгу перед родиной» и «недостойны называться сынами своей родины». Для военного времени обвинение в измене—вещь очень серьезная? Кто же бросает нам это обвинение? Это—газета »Речь», орган П. Н. Милюкова.

Того самого Милюкова, который разослал по Европе знаменитую радиотелеграмму. А кто известил по телефону английского посла, будто регентом назначен Михаил? Кому мог поверить английский посол?

Итак, с одной стороны, какая-то темная личность, которой однако считает возможным верить английский посол, передает, что кто-то уже назначил регентом Михаила. С другой—призыв к единению и в то же время—науськивание против «фанатиков».

А с третьей... газета «Речь» усиленно рекламирует Романовых, рассказывая об их заслугах перед наукой, об их уме, мужестве и благородстве (№ 56 от 7 марта).

Под флагом «единения» «Речь» подготовляет восстановление (реставрацию) Романовых и науськивает против солдат и рабочих, стоящих за республику. Такова тактика Милюкова.

23—10/III.

ВТОРОЕ НАПАДЕНИЕ.

В чем смысл современного политического момента? В том что в России сейчас три главных политических течения.

Первое—реакционеры. Они разбиты, но не уничтожены. Они начнут собирать силы, как только пройдет первое впечатление революции, ошеломившей их.

Второе—об'единившиеся представители крупного капитала и крупных помещиков. За ними идет часть средней и мелкой буржуазии. Их представителем является Временное Правительство.

Третье—демократия, т. е. пролетариат и крестьянство. Их сила заключается в Советах Рабочих и Солдатских Депутатов.

Только временно, только на самый короткий срок, в исключительных обстоятельствах, могут политически выступить за одно рабочий с капиталистом, мелкий крестьянин с крупным

помещиком. Затем их дороги сейчас же разойдутся. Точно также неизбежно разойдутся дороги Временного Правительства и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Они уже расходятся. Нападение идет со стороны Временного Правительства. Идет быстрым шагом. Вчера мы указывали, как форма присяги, принятая Временным Правительством, направлена против Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Сегодня произведено второе нападение. Конечно, нападение под флагом единения. Военный и морской министр в приказе от 9 марта призывает:

«Об‘единяйтесь все около Временного Правительства, веря, что оно положит все силы на вашу защиту».

Это значит: оставьте Совет Р. и С. Депутатов! Не верьте ему!

Дальше Гучков говорит:

«В столице отдельные группы продолжают сеять раздор, связывая решения Временного Правительства и препятствуя их проведению в жизнь».

Кто сеет? Кто препятствует? Это о вас идет речь, товарищи, члены Совета Р. и С. Депутатов.

Почему же Гучков не называет вас прямо? Потому что он еще боится вас, потому что вы еще имеете силу «препятствовать», потому что за вас—рабочие и петербургский гарнизон. Но когда вас сочтут не способными «препятствовать», и решат разогнать или расстрелять, то будут говорить не об «отдельных группах», а назовут вас прямо и ясно.

За кого же считает вас Гучков? Он говорит:

«Не слушайте сеющих рознь. Много немецких шпионов, скрываясь под серой солдатской шинелью, мутят и волнуют вашу среду».

Это вас, товарищи солдаты, это вас, товарищи и рабочие, члены Совета Р. и С. Депутатов, обеславливает Гучков на весь свет.

Будтье настороже!

24—11/III.

ОТРЕЗВЛЕНИЕ.

Два с половиной года подряд, под цензурой старого правительства, вся буржуазная печать без исключения отравляла сознание народа национальной ненавистью, разжиганием завоевательных аппетитов и всяческой ложью.

Министр Милюков еще продолжает твердить о завоеваниях, называя завоевание Турции «ликвидацией» ее, а завоевание части Австрии «освобождением». Но, повидимому, даже и Милюков начинает отрекаться от своих планов завоевания восточной и части западной Пруссии, Познани и Силезии.

Другие буржуазные органы идут дальше. «День», раньше агитировавший всячески за продолжение войны без конца, вчера определенно высказался за скорейшее заключение мира. Сегодня по вопросу о войне высказались «Биржевые Ведомости», которые раньше проповедывали «возглавление Россией», то есть завоевание всех балканских государств.

«Биржевые Ведомости» передают, как оценивается русская революция в Германии. И диву даешься: куда девалось ненавистничество по отношению к германцам, которым пропитана была вся газета при цензуре!

По словам газеты, в Германии, как и в России, буржуазия прежде всего взглянула на революцию с точки зрения грабительской завоевательной политики. Разница в том, что русская буржуазия надеялась на усиление грабительских настроений, а германская—на их ослабление.

Все это естественно и не ново. А ново то, что говорят «Биржевые Ведомости» дальше. Они рассказывают:

> «... Перед прогрессивной, а особенно демократической Германией встает чрезвычайно сложная задача: по своим склонностям, по всем своим политическим и социальным тяготениям, она не может не сочувствовать самоосвобождающемуся и самоутверждающемуся на развалинах царизма русскому народу. Есть зрелища святые, перед которыми не может не обнажить головы даже враг. К этим зрелищам принадлежит русская революция».

А давно ли, при цензуре, все газеты трубили, что германцы все сплошь варвары, для которых нет ничего святого?

В Дании социалистические газеты высказывают уверенность, что русская революция вызовет глубокую перемену во взглядах германских социал-демократов (очевидно, правой части их). «Биржевые Ведомости» по этому случаю вспоминают, что еще в

1915 году германские с.-д. пытались войти в сношение с с.-д. вражеских стран, и добавляют:

> «Либкнехт, жестоко осужденный за прокламацию с лозунгом «Долой войну», как известно, не одинок. В рейхстаге имеется «фракция 18-ти» Гаазе-Ледебура, которая не остановилась перед тем, чтобы отклонить военные кредиты. В недавней конференции с.-д. групп... мирные течения германского с.-д. меньшинства нашли себе весьма рельефное выражение... Конференция требовала «воздействия народных масс на правительство», указывая при этом, что «эти усилия должны носить международный характер, для чего необходимо сплочение международной демократии».

Приводятся и другие факты стремления части германского народа закончить войну вопреки желаниям Вильгельма. Статья заканчивается следующими строками:

> «Правда, доколе в Германии будут владычествовать Гогенцолерн, а в Австрии Габсбург, до тех пор демократические домогательства будут там оставаться гласом вопиющего в пустыне».

Совершенно верно! И наша задача—создать такие условия, при которых германские и австрийские демократы с наибольшей силой могли бы обрушиться на Гогенцоллернов и Габсбургов. Но, конечно, не криками о завоевании Германии, Австрии и Турции возможно помочь созданию этих условий. В заключение «Биржевые Ведомости» говорят:

> «Все-таки воспитательное значение на германские массы русская революция будет иметь громадное и несомненное, и научит их считаться единственно со своей волей, и не с волей Вильгельма».

И это верно.

Нам так редко приходится отмечать проблески трезвого, не ослепленного завоевательной жадностью, отношения к войне со стороны буржуазной печати, что мы сочли приятным долгом отметить и вчерашнюю передовицу «Дня», и сегодняшнюю—«Биржевых Ведомостей».

Мы только боимся, что Милюков об‘явит «День» и «Биржевые Ведомости» провокаторскими газетами, вдохновляемыми «из самого темного источника».

24—11/III.

О СМЫСЛЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Буржуазный профессор М. Туган-Барановский напечатал в «Биржевых Ведомостях» статью «Смысл русской революции». Он сравнивает ее с революцией турецкой и находит глубокое различие. В Турции солдаты были лишь послушными исполнителями воли офицеров. А у нас,—говорит он,—

«Те гвардейские полки, которые 27-го февраля опрокинули русский трон, пришли без своих офицеров или, если и с офицерами, то лишь с небольшой частью их. Во главе этих полков стояли не генералы, а толпы рабочих, которые начали восстание и увлекли за собою солдат.

Вот здесь-то мы и нащупываем отличительную черту русской революции: турецкая революция была всецело политической; р у с с к а я—была или, в е р н е е, б у д е т с о ц и а л ь н о й.

В этом и заключается глубокий, всемирно исторический смысл русской революции, который нужно определенно признать и понять. В России произошла великая социальная революция, которая пока находится лишь в первых фазисах своего развития.

Пока закончился лишь первый акт всемирно исторической драмы: пал политический строй, делавший невозможным свободное обнаружение воли русского народа. Русский народ стал повелителем своей судьбы и получил возможность властно сказать свое слово. Этого слова он еще не сказал, но скажет на Учредительном Собрании, в котором голоса будут принадлежать представителям народных интересов. Не буду говорить о том, что скажет народ. Мне важно пока сделать ясным, что русская революция, несмотря на свое внешнее сходство с военным восстанием, имеет свои глубокие социальные корни.

Ибо не армия, а рабочие начали восстание. Не генералы, а солдаты пошли к Гос. Думе. Солдаты же поддержали рабочих не потому, что они послушно выполняли приказания своих офицеров, а потому, что они сознавали себя народом не в том смысле, чтобы они почувствовали себя такими же русскими людьми, как и офицеры, а в том смысле, что они почувствовали свою кровную связь с рабочими, как с классом таких же трудящихся людей, как и они сами.

Таково социальное происхождение русской революции и в этом ее характерная черта. Вот почему у нас сразу возникло две власти—Временное Правительство, выбранное Гос. Думой, и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Солдатские Депутаты в этом Совете, в сущности,—не что иное, как крестьянские депутаты. Крестьяне и рабочие—вот два социальных класса, которые сделали русскую революцию.

И то обстоятельство, что, произведя революцию, солдаты и рабочие не передали власти в руки Временного Правительства, но

сохранили ее в своих руках, с полной очевидностью показывает, что цели революции в глазах ее творцов пока еще далеко не достигнуты. В глазах трудящихся классов революция еще только начинается.

Хорошо это, или дурно, но это так!»

Статья не закончена: не видно отношения автора к дальнейшему ходу революции. Мне хотелось бы приделать конец к этой статье, но не в виде статьи, а в виде речи Туган-Барановского на закрытом (не публичном) собрании заводчиков-фабрикантов и политических вождей буржуазии. Может быть меня упрекнут в излишнем оптимизме по отношению к кадетскому профессору. Но мне кажется, что он все же мог бы сказать:

«Господа! Я назвал русскую революцию социальной. В сущности, всякая революция—революция социальная, так как означает перемещение силы влияния от одного класса к другому. Не смешивайте социальную революцию с революцией социалистической. Социализма для России не ждет от этой революции ни одна из наших социалистических партий. Не говорю уже, например, о меньшевиках: вы сами знаете, какие они милые и покладистые люди. Но даже, если обратиться к писаниям самых твердолобых, самых—чорт их дери!—обалделых большевиков из «Правды», то и там вы не найдете ничего, грозящего нам уничтожением частной собственности, крушением капитализма в России. Эти большевики в первом же номере газеты опубликовали часть своей программы-минимум, где говорится о мерах к охране наемных рабочих от обнищания и вырождения. Следовательно они признают, что революция не уничтожит работы по найму, не сметет капитализма, не разрушит частной собственности на орудия производства.

«Вас может быть смущает их требование конфискации помещичьих земель? Но и тут нет ничего подрывающего капитализм. Я знаком с литературой большевиков. Их цель—уничтожить не только все остатки крепостничества, но и самую его опору,—класс крупных помещиков-феодалов. Большевики хотят сейчас не уничтожения капитализма в сельском хозяйстве, а освобождения этого хозяйства от всех пут крепостного права (феодализма). Вас удивит, господа, но я все же решаюсь сказать это: мне кажется, что осуществление лозунга большевиков явится лишь завершением того дела, которое было начато реформой 19 февраля 1861 года. И бояться нам здесь нечего.

Правда, конфискация феодальных земель и проведение в жизнь мер, которые, как говорят социал-демократы, должны спасти пролетариат от вырождения, заденут и нас, сильно заденут. Мы здесь говорим в своем тесном кругу и можем быть откровенны. Мы можем признаться самим себе, что деспотизм бывшего государя не висел в воздухе: мы сами питали этот деспотизм, он был лишь отражением нашего отношения к своим рабочим.

Разве у нас не царил такой же произвол? Разве мы не прибегали к помощи охранных отделений при конфликтах с рабочими? Мы хотим правового строя в государстве,—и мы должны ввести такой же строй в своих предприятиях. Это будет большая бытовая ломка.

Но будет и ломка экономическая. Нам придется сильно увеличить издержки производства, издержки на рабочую силу. Но это увеличение даст нам сильного высококультурного рабочего на смену рабочего изможденного, малограмотного, слабосильного. А разве эксплоатация труда высококультурного рабочего, при правильной постановке дела, может повести к уменьшению доходности наших предприятий? Совершенно наоборот!

Далее, господа! Уничтожение крепостнических и полицейских пут и передача феодальных земель крестьянству создаст такой колоссальный под‘ем культурных потребностей, личных и хозяйственных, образует такой необозримый внутренний рынок, что перед ним всякие там Константинополь, Персия, Армения, Буковина плевка не будут стоить. И если потребуется увеличить расход на рабочую силу втрое, впятеро,—наша промышленность не только выдержит, но и расцветет так, как и не снилось германским, английским, японским империалистам.

Таким образом, в наших же интересах—пойти при первой возможности навстречу народному желанию скорее ликвидировать войну без всяких завоеваний.

Конечно, господа, мы не сдадим рабочим всех позиций без боя, по первому их заявлению. Нет! Мы будем отстаивать шаг за шагом и самодержавие предпринимателя в своем предприятии, и возможно низкий уровень заработной платы. Но для этой борьбы мы должны использовать лишь нашу экономическую силу организованного капитала, не допуская дела до кровопролития. На забастовку мы будем, когда нужно, отвечать локау-

том, а не пулеметом. Бить не дубьем, а рублем. Я кончил господа!» (Жидкие апплодисменты).

Гучков. Пусть верны все те перспективы, которые нарисовал перед нами уважаемый докладчик. И все же я не согласен бить только рублем. Напомню о моем покойном друге Столыпине и о том, что кадеты называли тогда «столыпинским галстуком»,—о смертных казнях, о виселицах. Несомненно, что они спасли наше положение на десять лет. Ошибка Протопопова состояла в том, что он слишком понадеялся на пулеметы и не обеспечил себя артиллерией. В 1905 году адмирал Дубасов был решительнее, и мы спасли Москву (рукоплескания в той же мере, как и Туган-Барановскому).

Милюков. Докладчик предлагает бить только рублем и забывает о более тонких, но верных средствах: о постановке умеренной рабочей печати и о пускании в ход слухов о провокации.

Коновалов. Относительно борьбы путем обвинения в провокации я не согласен с уважаемым Павлом Николаевичем: это средство скоро притупляется и легко может обратиться против нас самих. И во многих, во мне в том числе, оно возбуждает чувство брезгливости. Но тонкие культурные средства борьбы, вообще говоря, действительно необходимы. Мы уже имеем прекрасный опыт с рабочими группами военно-промышленных комитетов. Разработку плана этого метода борьбы я охотно принял бы на себя (голоса: Просим!).

Собрание закрывается. Милюков говорит, ни к кому не обращаясь: «а все-таки насчет провокации... использовать необходимо».

Все это—наша выдумка, фантазия.

А все-таки интересно было бы знать конец недописанной статьи проф. Туган-Барановского.

25—12/III.

О ЗЕМЛЕ.

Вторая великая Российская революция, как и первая, начертала на своих знаменах не только политические требования, но и экономические, т. е. 8-ми часовой рабочий день и конфискацию помещичьих земель.

Р. С.-Д. Р. П. в годы жестокого торжества царизма выставляла эти требования и в нелегальных прокламациях и в легальных газетах—в «Звезде» и «Правдах». «Звезда» и «Правда» до момента их закрытия неустанно писали, что основные требования пролетариата и крестьянства это «три кита». Первый «кит» демократическая республика; второй—8-ми часовой рабочий день; и третий «кит»—передача помещичьей, монастырской и проч. земли в руки народа.

После революции 1905 года, когда дикий помещик восторжествовал, 3-ья помещичья Государственная Дума поддержала правительство Николая Романова в его земельной реформе. Выделением из общины по Столыпинскому закону господствующие классы имели в виду поссорить между собой крестьянство, и, воспользовавшись раздором между крестьянами, сохранить свои помещичьи земли.

Время шло, крестьяне голодали. Во время войны крестьянское хозяйство еще больше развалилось. Но помещики и буржуазия, оглушенные звоном металла от военных прибылей и не думали о крестьянском хозяйстве.

Но вот вспыхнула вторая революция, и вопрос о земле встал перед господствующими классами во весь рост. Буржуазия и помещики задумались. Новая правительственная партия, партия кадетов, снова из пыльных архивов вытащила на обсуждение вопрос, как бы и тут не обидеть того, у кого и так всего много.

По сообщениям газет, Центральный Комитет партии кадетов решил, что, как только соберется с‘езд их партии, то они и решат на этом с‘езде, как бы совсем не лишиться земли помещикам. А если уже от помещиков народ решит отобрать землю, то де не даром бы отобрали землю, а пусть разоренный народ заплатит помещику. Эту сделку они называют справедливой и после войны они обещают крестьянам продать свои земли.

Понятно, крестьяне кровно заинтересованы получить земли даром, а не путем купли их у помещиков. Народ столько пролил крови, народ так разорен, что не может быть и речи о покупке. Земельный вопрос может быть разрешен только революционным путем. И крестьяне должны вместе с рабочим классом решить земельный вопрос так же, как и 8-ми часовой рабочий день, т. е. через революцию.

25—12/III.

ГДЕ ВЗЯТЬ ДЕНЕГ?

Новая власть страшно нуждается в деньгах. И преступно было бы сейчас пренебрегать малейшим источником средств. Особенно, когда эти средства тратятся на заведомых врагов революции.

Поэтому необходимо:

Первое. Уничтожить министерство императорского двора со всеми его учреждениями.

Второе. Немедленно упразднить удельное ведомство. Его доходы—не менее 100 миллионов рублей в год. Они шли на содержание царской фамилии. Теперь нет царя, нет значит и царской фамилии.

Конфискация удельных земель (их миллионы десятин) была решена еще в 1906 году первой Госуд. Думой. Говорят, что из-за этого и поспешили тогда разогнать думу. Временное Правительство не должно ждать с этим вопросом до созыва Учредительного Собрания.

Третье. Немедленно уничтожить учреждение «Кабинет его величества». Доходы этого учреждения предназначены были на прикармливание царской челяди. У него—целые огромные уезды земли в Сибири и в его пользу были обложены, кажется, все сибирские золотые прииски. Все доходы «Кабинета» должны быть безвозвратно обращены на нужды государства, как и все имущества.

Четвертое. Боясь революции, русские цари более ста лет прикапливали деньги и хранили их в английском банке. Эти деньги крались царями у народа. Если оставить их Романовым, то они будут всегда служить фондом для подкупа убийц, погромщиков, монархических интриганов. Эти деньги—одна из причин, почему Николая Романова нельзя сейчас выпускать заграницу. Денег у царей в английском банке—не один миллиард рублей. Они могли бы сейчас послужить для платежей русского правительства заграницей.

Пятое. В царских дворцах накоплено несметное количество золота и серебра. Это нужно все перевести в Госуд. Банк. Также и бриллианты. Многое можно перечеканить в монету. Вещи, представляющие художественную ценность, можно бы продать с аукциона по повышенной цене.

Шестое. В городах—квартирный голод. Не хватает места для лазаретов, школ, казарм. А громадные здания, иногда целые кварталы, заняты ненужными учреждениями дворцового ведомства,—конюшенными, экипажными, прачечными. Все это нужно использовать для общественных нужд.

Седьмое. Нужно использовать Зимний дворец и бесчисленные другие дворцы, городские и загородные.

Восьмое. Нужно обратить внимание на пенсии и аренды, выдаваемые из казны. Например, по царским законам человек, пробывший министром хоть один денек, уже на всю жизнь сохранял министерское жалованье. Мы знаем, что теперь бывших министров не меньше, чем собак на свалке. Нужно немедленно прекратить пенсии бывшим министрам и пересмотреть другие, наиболее крупные, пенсии.

Девятое. По царскому закону на всякого ребенка царской фамилии,—будь хоть десятая вода на киселе,—выдавалось из казны по многу тысяч,—тысяч двести в год. Теперь нет царской фамилии, и эти выдачи—незаконны.

Десятое. При царской власти жалованье самым высшим чиновникам и командирам представляло собою не оплату труда, а грабеж казны. Это нужно прекратить немедленно.

25—12/III.

СМЕШНАЯ ПРЕТЕНЗИЯ.

В травле против «Правды» сейчас ничем не брезгают. Спрашивают даже, почему в «Правде» называют «Петербург» а не «Петроград»?

Больше двухсот лет Петербург назывался Петербургом. Затем Николай II пожелал показать свой патриотизм и перекрестил Петербург в Петроград. Этим он не победил немцев и не спас себя. Цену его патриотизма узнала вся Россия.

Должны ли мы итти по его стопам? Должны ли исполнять всякую его бесполезную затею? Будем ли мы говорить «Петроград» или «Петербург»,—от этого для России ничего не прибудет и не убудет. Поэтому мы и предоставляем каждому говорить, как он хочет, и не считаем нужным кричать караул при слове «Петербург».

Комитет нашей организации более 25 лет назывался «Петербургским» и не желает менять свое имя в угоду Николаю II. Стоит ли из-за этого затевать историю? Неужели нет сейчас более серьезного дела для защитников свободы?

27—14/III.

СИЛА СОБЫТИЙ.

События развиваются быстро. Важно проследить положение «Правды» и вообще революционной социал-демократии в ходе этих событий.

Минувшей осенью в Петрограде возникло крупное пролетарское движение. Это был раскат грома перед февральской революционной грозой. А вся буржуазия кричала тогда, что это—провокация.

Когда восстание свергло Николая II, буржуазия хотела возвести на трон Алексея. Мы требовали Учредительного Собрания и республики. Был случай в Москве, когда красная милиция арестовала за это нашего агитатора. Не прошло двух недель,—и центральный комитет буржуазной партии, партии министра Милюкова, уже об'явил себя за демократическую республику.

Как только разразилась революция, мы потребовали осуществления 8-ми часового рабочего дня. Против нас восстала вся буржуазная печать и «Рабочая Газета» *). А теперь 8-ми часовой рабочий день уже проводится в жизнь.

Мы заговорили о конфискации помещичьих земель,—опять поднялись крики против нас. А теперь уже и кадетская партия вспомнила, что у нее в программе стоит земельный вопрос. Главная разница между кадетами и нами остается лишь та, что мы хотим передать помещичью землю крестьянам бесплатно, а кадеты хотят вознаградить Романовых, Воейковых, Шереметьевых, Шуваловых и Балашовых. Вопрос поставлен. А спор решит сам народ.

Больше всего криков против нас идет теперь вокруг вопроса о войне.

Мы указали, что дяде бывшего царя Николаю Романову и ген. Алексееву не место теперь быть во главе революционной

---

*) Меньшевистская.

армии. И Николай Романов уже смещен. А относительно Алексеева узнаем через недельку-другую.

Далее, мы указали, что Временное Правительство должно отказаться от завоевательных планов бывшего царя, чтобы скорее была закончена мировая бойня. Опять крики против нас! А между тем новое французское правительство уже об'явило, что отказывается от завоевательных планов. Не сегодня-завтра то же самое должно будет об'явить и наше Временное Правительство. Останется одна Англия,—но и ей придется последовать за Францией и Россией.

Что касается других наших требований по поводу войны, то мы говорим всем, кричащим на нас и негодующим на нас:

— Обождите недельку! Через неделю вы сами будете думать совсем не то, что думаете теперь, и скажете: а ведь с войной-то вышло то же, что и с демократической республикой и с 8-ми часовым рабочим днем, и с вопросом о земле.

Такова сила событий. Она за нас.

27—14/III.

О ПРОВОКАТОРЕ ЧЕРНОМАЗОВЕ.

Черномазов появился в старой «Правде» в мае 1913 года на втором году существования газеты. Раньше он сидел в тюрьме в Баку по соц.-дем. делу и приехал с серьезными рекомендациями.

Люди, работавшие в «Правде», постоянно арестовывались полицией. Поэтому всегда было трудно найти человека, который бы все свое рабочее время согласился отдавать газете. Сначала Черномазова поместили на второстепенную должность, но после новых арестов пришлось дать ему и редакторскую работу. Но единоличным редактором он никогда не был. Вскоре (в июне) он был арестован и недели через две освобожден. Возможно, что именно в это время он и стал провокатором.

Черномазовым были очень многие недовольны, постоянно упрекали его за конфискации и за полемику. *) Из-заграницы шли непрерывные протесты против Черномазовской полемики.

---

*) Т. е. на то, что Черномазов, сознательно выпускал сплошь такие номера газеты, которые неминуемо влекли ее конфискацию,—и за грубость полемики с меньшевиками.

И в Питере постоянно шел разговор, чтобы сместить Черномазова. Но как только намечался подходящий человек для замены, как только он начинал работать в «Правде»,—его арестовывали и высылали.

В ноябре того же 1913 года я не смог дольше терпеть и заявил, что не буду больше ходить в «Правду», пока там Черномазов. То же сделали и многие другие сотрудники. Это было не правильно с нашей стороны. Меня скоро уговорили *) опять ходить в «Правду».

В это-то время у меня и стали возникать подозрения: не провокатор ли Черномазов? Всегда тяжело подозревать в этом человека, который считается товарищем. А еще тяжелее—высказать свои подозрения.

Но вскоре уже я не счел возможным молчать, и оказалось, что также подозревали Черномазова, но не решались заговорить, и некоторые другие товарищи. Тогда я, хоть и болел в то время, предложил себя для замены Черномазова. Это было в воскресенье; а в понедельник Черномазова, без об'яснения причин, попросили уйти вон. Он сказал:

— Значит, увольняюсь по третьему пункту?—и вышел.

Это было около 1 февраля 1914 г., больше трех лет назад.

У нас было внутреннее убеждение в провокаторстве Черномазова, но улик не было. Поэтому и говорить о нем приходилось осторожно. Я говорил знакомым людям:—провокатор Черномазов или нет, я не знаю. Но если бы он был провокатором, то вел бы себя именно так, как он вел.

После удаления из «Правды» Черномазов поступил секретарем в больничную кассу. Подозрения против него все увеличивались; но все же ему удавалось кое-куда втираться.

Меня лично все-таки временами мучили сомнения: можно ли было так поступать против Черномазова, не судивши его? Теперь эти сомнения рассеялись.

По поводу проникновения в «Правду» Черномазова я думаю еще вот что. Такая газета, как «Правда», должна была вызвать со стороны охранки чрезвычайные усилия овладеть ею. Провокации следовало ожидать неизбежно. И все-таки охранке не удалось загубить «Правду» по ее плану, а провокатор был раз-

---

*) Тов. Ленин письмом ко мне.

гадан и удален. И приходится сказать про охранку: «не так был страшен чорт: задушить «Правду» правительство всегда могло, а разрушить ее изнутри не удалось».

Черномазов был удален из «Правды» больше трех лет назад. Тем не менее вся буржуазная печать теперь подняла против «Правды» травлю, как будто Черномазов работал и в теперешней «Правде». Травля явно недобросовестная.

Ведь одновременно с Черномазовым распубликован и ликвидатор Абросимов, который работал до последних дней. Однако, никто не кричит, что рабочая группа военнопромышленного комитета была провокаторская.

Раньше был разоблачен Азеф, член центрального комитета партии социалистов-революционеров. И тогда не кричали, что эта партия—провокаторская.

В теперешней травле против «Правды» Черномазов—только предлог. Не будь Черномазова и провокации, придумали бы что-нибудь другое. Истинная же причина в том, что «Правда» стремится довести революцию до конца и добиться того, чтобы рабочие и крестьяне получили бы от революции не только политическое, но и экономическое улучшение жизни. А буржуазия не хочет этого. *)

27—14/III.

---

*) Эта статья была напечатана в № 8 «Правды» от 14 (27) марта за моей подписью. В том же номере появились статьи за подписями М. Муранова, К. Сталина, Вл. Бонч-Бруевича и стихи Демьяна Бедного. А в № 10 «Правды» был опубликован список сотрудников,—в том числе: А. Бадаев, В. Величкина, И. Гладнев, А. Званов (Молотов), Артем М-ич (Гертик), Н. Г. Полетаев, Гр. И. Петровский, Самойлов, Медведев (К. Ст. Еремеев), Ю. Каменев, П. Ф. Куделли, М. Ильина, А. Ильина, Н. Ленин, Г. Зиновьев, А. Беленин (Шляпников), З. Лилина, Гневич (Фаберкевич), М. Калинин. До № 8 все статьи «Правды» были анонимны.

Кампанию против «Правды», как газеты будто бы провокаторской, открыл в буржуазной газете «День» за своей подписью меньшевик или бундовец (фамилии не помню); мне передавали, будто этот господин потом вошел в ряды Р. К. П. (б.) и стал «товарищем». Следовало бы выяснить этот факт. (М. Ольминский. 1925 г., декабрь).

УСТУПКА ЗА УСТУПКОЙ.

Центральный Комитет кадетской партии постановил об‘явить свою партию республиканской. Окончательно этот вопрос будет решен с‘ездом.

Сегодня в «Речи» напечатана по этому вопросу большая статья, из которой приводим часть. «Речь» говорит:

«В настоящее время историческая и политическая обстановка резко изменилась. Она не имеет ничего общего с тем, что было в 1905 году. В России нет более царской власти. Вся полнота государственной власти, впредь до созыва Учредительного Собрания, перешла к Временному Правительству, возникшему по почину Думы и могущему существовать только при условии поддержки со стороны широких народных масс. Династия, недавно праздновавшая свое трехсотлетие, сошла с престола и, надо думать, навсегда покинула историческую сцену. Выродившаяся духовно и физически, она потеряла всякое обаяние. С недобрыми чувствами провожает ее в мрак забвения освободившийся народ. Минувшие двенадцать лет были для идеи царской власти сплошным и всенародным самоубийством. Более, чем его злейшие враги, отрекшийся император содействовал тому, что идея эта неспособна об‘единять и вдохновлять людей.

Если это так, то вывод ясен. Если в 1905 г. было бы доктринерством для партии настаивать на требовании республики, то таким же доктринерством было бы теперь цепляться за идею конституционной монархии. Мало того. Пусть с чисто теоретической стороны есть полная возможность аргументировать в пользу иных преимуществ твердо укрепившегося монархического строя; пусть пример Англии служит доказательством того, что этот строй может быть широко популярным в народе, а «первый джентльмен Англии» *) пользоваться уважением и большим нравственным авторитетом— все это не имеет отношения к создавшемуся у нас положению и не может подорвать несомненные выводы, из него вытекающие.

Ведь, теперь речь шла бы не о сохранении монархии, а о реставрации ее. Сейчас в России фактически осуществлена и продлится до решения Учредительного Собрания республика. Несомненно, что одно это обстоятельство само по себе еще углубит народное сознание, постепенно отрывая его от старой психологии и старых фетишей. Утраченное династией обаяние к ней не может вернуться. Раскрывающиеся с каждым днем факты прошлого кладут все новые пятна на пережитое прошлое. О создании новой династии при нынешних условиях едва ли кто решится заговорить. И переход России к республиканскому строю, фактически начавшийся 3 марта, может безболезненно и без всяких новых потрясений быть доведен до своего логического конца».

---

*) Так назывался король в Англии.

Редакция «Речи» думает, что партийная «полемика» обвинит кадетов в оппортунизме по случаю перехода их на сторону демократической республики. Нам кажется, что в данном случае вопрос об оппортунизме мало интересен. Мы привели выписку из «Речи» лишь для того, чтобы показать, что переход кадетов к республике необходимо целиком приписать победе революции, и чтобы зафиксировать эту победу.

Мы думаем, что и раньше в кадетской партии были или могли быть люди, лишь поневоле мирившиеся с монархией. Теперь этим людям открылся простор борьбы за республику. Часть партии, может быть, поведет ту же борьбу по своей партийной обязанности. Во всяком случае открытый переход кадетов на сторону республики усилит позицию республиканцев.

Революция завоевала кадетов для республики. Кадеты помогут нам завоевать республику для народа. Но это, конечно, только в том случае, если революция и впредь так же будет давить на либералов, как она давила на них до сих пор. Слабее обстоит дело с 8-ми часовым рабочим днем. «Речь» была, конечно, против его введения. Теперь она старается утешить буржуазию: в сущности ведь, говорит она, дело сводится к тому, чтобы считать сверхурочными и оплачивать по повышенному тарифу часы работы сверх восьми.

На самом деле, конечно, это не одно и то же. Но не будем спорить. А подчеркнем лишь, что и в этом вопросе кадеты волей неволей вынуждены итти на примирение с нашими требованиями, с требованиями революции.

По вопросу о земле, как мы уже говорили вчера, буржуазная кадетская партия не прочь уступить революции,—конечно, с оговоркой о «справедливой оценке» помещичьих земель.

Наконец, и по вопросу об аннексиях (завоеваниях) «Речь», как говорится, «дрогнула». Она еще печатает статью В. Вернадского в защиту завоеваний. Но куда девался недавний пыл наших империалистов!

В. Вернадский повторяет старые фразы о «железной силе» экономических интересов, которая требует захвата—Россией проливов. Но не решается уже кричать о разделе Турции, а только недоуменно спрашивает:

— Как решается этот вопрос в формуле «мир без аннексий»?

Не станем поучать В. Вернадского. Через неделю-другую он сам найдет решение, как пользоваться свободным плаванием

через проливы, не завоевывая чужих стран. И в этом вопросе революция окажется великолепной учительницей.

Давление революционной демократии—единственная гарантия, «уступчивость» либералов. Они проклинают тех, кто резко ставит вопрос об интересах народа, но уступают требованиям революции. А это и требуется.

28—15/III

ДВА ЛАГЕРЯ.

Неизбежный вопрос об экономических завоеваниях пролетариата в ходе революции разбил петербургскую печать на два лагеря. Один лагерь требует скорейшего осуществления тех улучшений в рабочей жизни, какие возможно сделать; из них главное—8-ми часовой рабочий день. Такова позиция «Правды». В нашем лагере—«Известия Совета Р. и С. Депутатов». Совет провел соглашение с петербургским обществом фабрикантов и заводчиков о немедленном введении 8-ми часового рабочего дня. «Известия» требуют от Врем. Правительства приказа (декрета) о распространении 8-ми часового дня на всю Россию.

В противоположном лагере находятся все буржуазные газеты и «Рабочая Газета»*). Они не желают поднимать экономические вопросы, не желают немедленной борьбы за 8-ми часовой рабочий день.

Открыла поход «Рабочая Газета». Она решительно стояла против перехода к борьбе за 8-ми часовой рабочий день. Другие буржуазные газеты ругательски ругают «Правду» и хвалят «Рабочую Газету».

«Биржевые Ведомости» пишут: **)

> «Нисколько не отвлекая рабочих от пропаганды 8-ми часового рабочего дня, «Рабочая Газета» совершенно правильно размежевывает две цели революции—политическую и экономическую, и признает, что для второй еще не время, пока политическая борьба со старым порядком не закончена».

«День» сочувственно перепечатывает часть статьи «Рабочей Газеты» и указывает, что эта газета «подчеркивает момент планомерности, как необходимое условие для успешной борьбы рабочих за улучшение экономического своего положения».

---

*) Меньшевистская.

**) Буржуазная газета.

Наконец, «Речь» говорит: *)

«Рабочая Газета» справедливо предостерегает против распыления борьбы. Поводом для этого послужило постановление Совета Р. и С. Депутатов об установлении 8-ми часового рабочего дня».

Одним словом, «Рабочая Газета» угодила всем буржуазным газетам, всей буржуазии. Видно, что «Рабочая Газета» попала в точку и пользуется среди буржуазии большим успехом.

29—16/III.

СОРВАЛОСЬ!

До революции между охранными отделениями и капиталистами всегда наблюдалась тесная связь. При конфликтах с рабочими обращение капиталистов за помощью к полиции считалось делом обычным и нормальным. А когда была задушена революция 1905 года, капиталисты до того разосмелились, что даже не грозили обращением к полиции, а попросту заявляли:

— Я вас арестую.

Об этом постоянно появлялись сообщения в рабочей печати. Они были до того часты, что дали мне повод напечатать в журнале «Просвещение» статью под заглавием: «Я вас арестую».

Теперь нет охранок. А капиталисты жертвуют на революцию. Значит ли это, что исчезла классовая противоположность интересов пролетариата и капитала? Конечно, нет. И, конечно, капиталисты принимают и будут принимать новые меры для охраны своих интересов.

Пример свободной, республиканской Америки показывает, что капиталисты не брезгуют и там устройством своего рода охранных отделений и организацией целых отрядов провокаторов, в виде частных предприятий (например, знаменитого агентства Пинкертона).

Но при свободном политическом строе одним этим не обойдешься. И капиталисты прибегают к более тонким способам борьбы. Одним из этих способов является подкуп газет и подкуп виднейших деятелей рабочего движения, вплоть до приглашения их в министры.

Про подкупность газет в Европе и Америке у нас много писалось. А русские газеты считались наиболее честными. Эта

---

*) Буржуазная газета.

честность, однако, в значительной степени об'яснялась тем, что русский капитал при старом режиме имел достаточную охрану и не хотел тратить лишних денег на газеты.

Но еще до революции положение стало изменяться. Шатался старый строй, а капиталисты спешили основывать большие газеты, не жалея средств. Крупная промышленность сосредоточена в руках банков, и банки отваливали миллионы рублей на основание своих газет. Так на наших глазах недавно возникла газета «Русская Воля». Раньше возникла газета «День», которая никогда не могла об'яснить, на какие деньги она издается.

Теперь обе эти газеты очень пригодились капиталу. Нет охранки; рушилась отвратительная система провокаторства, но свежа еще память о нем. И буржуазная пресса решила использовать провокацию на новый лад.

На прошлой неделе стало известно, что арестован провокатор Черномазов, одно время работавший в старой «Правде» и удаленный из нее более трех лет назад. О том, что Черномазов удален из «Правды», сказано было в самой записи охранного отделения, сделанной до революции. А нынешняя «Правда» возникла после революции. Было ясно, что в записи речь шла о старой «Правде», закрытой еще до войны.

Все это так было очевидно, что казалось бы и говорить нечего. Но травля началась. Дело изобразили в таком виде, будто Черномазов писал и в теперешней «Правде», до самого дня своего ареста. Другие газеты подхватили. К сожалению, не осталась совсем в стороне и «Речь», от которой можно было ожидать больше политической выдержки.

«Правде» на этот раз не стоило большого труда разоблачить всю лживость буржуазной прессы. И на другой же день после опубликования письма тов. Муранова, более приличные газеты, даже буржуазные, сняли вопрос с очереди. Сегодня только в банковских газетах «Дне» и «Русской Воле» находим отзвук травли.

Повидимому, травля против газеты «Правда», поднятая в связи с Черномазовым, должна кончиться. Но наши читатели должны запомнить этот случай. Они должны знать, что и впредь против их газеты будет распространяться буржуазией всякая ложь, всяческая клевета. Но, наученная горьким опытом, банковская и вообще буржуазная печать будет действовать более

осторожно, более хитро; зато и более систематически,—изо дня в день. Тратить время на опровержение всякой лжи и каждой клеветы будет значить целиком отдать нашу газету на разбор этой грязи.

Нам остается только с презрением проходить мимо клеветнических походов против нас. К этому мы призываем и наших читателей.

29—16/III.

ЗАДАЧИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

На приеме депутации от Семеновского полка Родзянко заявил от имени Гос. Думы:

— Если Учредительное Собрание постановит, чтобы земля отошла ко всему народу, то это будет исполнено без всякого сопротивления.

Конфискация удельных, кабинетских, монастырских и помещичьих земель была задолго до революции нашим лозунгом,—лозунгом революционной социал-демократии. И как только явилась возможность высказать публично этот лозунг, мы заговорили о земле наряду с тем, как заговорили о демократической республике.

Вслед за нами и кадетская партия вспомнила, что у нее в программе стоит вопрос об отчуждении помещичьей земли «по справедливой оценке».

Теперь заговорил о земле и Родзянко. Заговорил, впрочем, не сам, а потому, что его спросили. И из его ответа не видно, что он сам думает: нужно это или не нужно? Самое нежелание дать точный ответ показывает, что Родзянко думает, что лучше бы оставить землю у помещиков. Он и сам крупный помещик.

Таким образом, в ответе Родзянко важным остается лишь указание, что по его мнению земельный вопрос должен быть поставлен и решен Учредительным Собранием.

Не будем сейчас говорить о том, кем и когда лучше решить этот вопрос. Укажем лишь, что, может быть, действительно, придется его решать Учредительному Собранию. Из этого следуют два вывода.

Во-первых, из этого следует, что и по предложению Государственной Думы, от лица которой говорил Родзянко, задача

нашего Учредительного Собрания будет много шире, чем это обыкновенно бывает.

Обыкновенно Учредительное Собрание созывается, главным образом, для решения вопроса о государственном устройстве, как, например: быть ли республике или монархии, одной или двум законодательным палатам, какое должно быть избирательное право и так далее. Родзянко расширил задачу предстоящего Учредительного Собрания, дополнил ее вопросом о земле. Этим он открывает дорогу и дальнейшему расширению. Не только вопросы, касающиеся земли, но и другие главнейшие вопросы экономической жизни и социального законодательства придется Учредительному Собранию поставить на свое разрешение.

В том числе, конечно, и вопросы законодательства о рабочих,—о длине рабочего дня, о детском и женском труде, об охране детства и материнства, о фабричной инспекции, о рабочем страховании и т. д.

Таким образом, должно получить осуществление требований нашей социал-демократической программы. В ней перечислены необходимые преобразования политические, земельные и в области рабочей жизни, какие возможны при капитализме, и сказано:

«С своей стороны Российская Социал-демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом».

Наша задача заключается в том, чтобы уже на Учредительном Собрании добиваться решения всех вопросов нашей программы-минимум, которая перечисляет требования пролетариата при капитализме.

Выборы в Учредительное Собрание получают, таким образом, необычайно-важное значение. К ним необходимо начать сейчас же готовиться. Победим ли мы при выборах, и как велика будет наша победа—это будет всецело зависить от нашей организованности вообще и от нашей энергии сейчас и во время избирательной кампании.

Старое правительство свергнуто—это только половина дела. Вторая половина, и самая серьезная—впереди.

30—17/III.

ЧТО В ГЕРМАНИИ?

Вечером 3 марта по Москве разнесся слух, что в Берлине произошла революция, и что император Вильгельм арестован. Это было бы для нас радость не меньшая, чем радость русской революции. Это означало бы конец войне. Однако, как ни хотелось бы нам верить этому слуху, мы не верим: слишком скоро!

Мы знаем, что в Германии за последнее время быстро росло революционное движение пролетариата. Усиливалось не по дням, а по часам влияние революционной социал-демократии; изменники социал-демократии, помогавшие германскому правительству вести войну, быстро теряли уважение и влияние. Особенно сильно и быстро росло революционное настроение в Берлине, в столице Германии.

Русская революция, конечно, должна воодушевить германский революционный пролетариат, должна усилить его влияние. Ведь в Германии все время пугали революционеров русскими, совершенно так же, как у нас пугают и пугали немцами. Германская революционная социал-демократия не поддавалась этому затуманиванию и все время вела агитацию против войны; она знает, что и в России пролетариат не хотел и не хочет войны и завоеваний. Правительство Вильгельма и германская буржуазия все время, как и у нас, обманывали народ: у нас твердили, что виновники войны немцы, а в Германии,—что виновники войны русские.

Правда в том, что правительство и капиталисты обоих сторон хотели войны, хотели полакомиться чужим добром и половить рыбы в мутной воде. При таких условиях революция в Германии становится так же неизбежной, как неизбежна была революция в России. Правда, Вильгельм хитрее, а потому опаснее, зловреднее, чем Николай. И буржуазия в Германии будет, вероятно, стоять за Вильгельма. Но зато пролетариат в Германии многочисленнее и сильнее, чем в России, более сознателен, более организован.

Поэтому и революция в Германии будет не такой, как в России. В России буржуазия и пролетариат временно об'единились для борьбы против крепостнической бюрократии. А в Германии назрела революция пролетариата против буржуазии. Иначе сказать: в России революция открыла путь к власти для буржуазии,

а в Германии она поведет к свержению господства буржуазии.

Тогда настанет для русского пролетариата момент чрезвычайной важности. Нужно помнить, что если буржуазия разных стран и не прочь иногда подраться между собой, то перед лицом пролетариата она всегда солидарна и действует во всех странах заодно. Если в Германии произойдет пролетарская революция, то буржуазия русская, французская, английская постараются поскорее задушить ее и усилить крики о необходимости полной, окончательной, скорой победы.

Российскому пролетариату нужно быть чутким и осторожным. Мы не доверяем слуху, что Вильгельм арестован, что пролетарская революция в Германии разразилась так скоро, вслед за русской революцией. Слишком великое счастье было бы это для всех народов.

Но что пролетарская революция в Германии близка и неизбежна, что русская революция ускорит ее час—это мы знаем, знаем наверно. Будем настороже.

20—7/III. (Ст. из «Соц.-Дем.»).

АПРЕЛЬ

СТАТЬИ ИЗ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА».

ИЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ.

Стихли уличные столкновения. Выбита уже и полиция с чердаков и с крыш, откуда она вчера, в бессильной злобе, поливала из пулеметов мирных прохожих, женщин и детей. Людно и как-будто мирно-празднично было на улицах в день моего приезда в Петербург, в понедельник 6 марта.

Но достаточно было заговорить с первым знакомым чтобы сразу почувствовать, что здесь—не Москва. Революционные дни в Москве—это была праздничная прогулка; это было использование революции, уже совершившейся в Питере. А Петербург пережил действительно революционные, боевые дни.

Редко кто не был там под обстрелом, на волосок от смерти. Одни рассказывают, как шли с солдатами разбивать тюрьму. Другие—как попали под пулеметный огонь. Иные—как у них на крыше засела полиция; другие—как выводили на Неву, расстреливали и спускали в прорубь полицейских, захваченных с пулеметами.

Бой кончен, но всюду чувствуется нервная настороженность. Случись в Москве возврат к старому,—и участники «революционных» дней рисковали попасть в тюрьму, в ссылку. А случись то же в Петербурге—и не миновать там массовых расстрелов и виселиц. Реакция показала после 1905 года, как она безгранично жестока, мстительна и злопамятна.

Нервная настороженность петербургского населения сказалась массой тревожных слухов и экстренной мерой общего характера, а именно—постановлением Совета Рабочих и Солдатских Депутатов о запрещении выводить из Петербурга войска, участвовавшие в революции.

Это постановление было первым актом недоверия солдат и рабочих по отношению к Временному Правительству. А тревожные слухи о контр-революции возникали именно в связи с предполагаемой попыткой Временного Правительства сменить состав петербургского гарнизона.

6 марта мне пришлось присутствовать на заседании Петербургского Комитета нашей партии. Обсуждение текущих дел было прервано появлением делегации от пулеметного полка. Это—один из самых надежных революционных полков. Но его постоянная стоянка—в Ораниенбауме, в 35 верстах от Петербурга. Продолжительное пребывание на временной квартире как бы на бивуаке, было сопряжено с большими неудобствами; и отсутствие занятий грозило, по признанию самих солдат, внести деморализацию. После продолжительного и всестороннего обсуждения вопроса Петербургский комитет вынес постановление о том, что с его стороны не встречается препятствий к выводу из Петербурга частей гарнизона в ближайшие окрестности, в места постоянной стоянки, но с тем, чтобы эти части явились в Петербург по первому сигналу.

Позже в этом смысле вынес постановление и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Это был, так сказать, первый акт революционной демобилизации, ограниченной весьма тесными рамками. А к ограничению этих рамок, к готовности встретить контр-революцию во всеоружии, поводы были.

У власти стояло Временное Правительство. Как оно относилось к революции? Это стало известно из радиотелеграммы, только что напечатанной во всех газетах и адресованной:

«Всем, всем, всем!».

Всем, всему миру спешило Временное Правительство поведать о том, что произошло в Петербурге,—поведать, надо было думать, радостную весть о победоносной революции. Но вовсе не радостно звучали слова радиотелеграммы.

28 февраля—день революционного под'ема. А радиотелеграмма рассказывает, что в этом день «волнение в войсках и населении приняло крайне тревожные размеры». Таким образом, крайнюю тревогу в душу Гучковых и Милюковых внесло то, что сулило радость победы революционному Петербургу. Невольно думалось, что подобную же «тревогу» переживали в этот день и Щегловитовы, и Протопоповы. *)

*) Царские министры.

Далее в радиотелеграмме говорилось: «В ближайшие дни волнения перебросились из столицы на окрестности, и опасность приняла угрожающие размеры».

И еще:

«Серьезное осложнение создалось под‘емом общественного настроения и энергичной деятельностью левых политических организаций».

Кто мог говорить о революции таким языком? Сторонники старого порядка или деятели революции? Сомнений, казалось, не было: радиотелеграмма исходила от Временного Правительства, а ее язык был языком слуг Николая Романова.

Через несколько дней Временное Правительство отреклось от этой телеграммы. Как было об‘явлено в «Вестнике Временного Правительства», радиотелеграмма была продиктована единолично Милюковым. Но это раз‘яснение пришло слишком поздно, да и по существу не являлось вполне удовлетворительным: если не все Временное Правительство в полном составе, то один из его членов, г. Милюков, как оказывается, смотрит на революцию глазами Протопопова и Щегловитова.

Но еще раньше опубликования радиотелеграммы было известно, что деятели либерального блока пытались свести революцию к замене Николая Романова Алексеем Романовым, с регентством Михаила Романова. А во главе армии появился вновь верховный главнокомандующий Ник. Никол. Романов.

Под угрозой нависшей контр-революции среди партийных работников обнаружилось разногласие в вопросе об отношении к Временному Правительству. Мнение меньшинства нашло себе выражение в резолюции Петербургского Областного Бюро Центрального Комитета. В ней сказано:

> «Теперешнее Временное Правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений. Задачей революционной демократии является создание временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)».

Эта резолюция, ставившая как бы на ближайшую очередь вопрос о свержении Временного Правительства, не встретила сочувствия большинства партийных работников. Противовесом ей явилась резолюция Петербургского Комитета, в те дни более влиятельного и более обширного по количеству членов.

В этой резолюции указано, что Петербургский Комитет «не противодействует власти Временного Правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и об‘являет о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного Правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархический образ правления».

Бороться против попыток восстановлять монархию—это совсем не то, что призывать к немедленному свержению Временного Правительства.

Обе резолюции были напечатаны в партийной газете «Правда». Там же появился ряд статей, развивающих точку зрения не Бюро, а Комитета, а также несколько статей, подвергавших резкой критике отдельные действия Временного Правительства.

В статье «Настороже» («Правда» № 2) указывалось, что итти во всем вместе с Временным Правительством мы не можем. Заодно с ним мы идем против реакционеров. Но все члены Временного Правительства (кроме Керенского)—монархисты, и приходится итти против них, требуя республики (в то время кадеты еще не высказались за республику).

Далее, Временное Правительство стремится к захвату чужих стран и к порабощению других народов, а мы говорим, что каждый народ волен сам решать свою судьбу. Точно также приходится итти против Временного Правительства и при решении вопросов о земле, о длине рабочего дня, о сверхурочных работах, и при решении многих других вопросов рабочей и крестьянской жизни. Каким образом во всех этих случаях придется бороться—это будет зависеть от оценки момента. А пока—нужно быть настороже.

В статье «Временное Правительство и революционная социал-демократия» (№ 8) отмечается, что Временное Правительство, порожденное революцией, гораздо умереннее тех сил, которые привели его к власти. Создали революцию рабочие и крестьяне (солдаты), а власть перешла в руки либеральной буржуазии. В своем развитии революция приведет к диктатуре пролетариата и крестьянства. Временное Правительство идет вперед лишь под давлением революционного народа, упираясь и против своей воли. Поэтому нужно критиковать и разоблачать его политику. Но главную энергию мы должны сейчас на-

править на организацию пролетариата. Ставить теперь же вопрос о смене Временного Правительства было бы политической ошибкой.

Разоблачать политику правительства пришлось очень скоро. Оно, видимо, тяготится существованием Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, которые стоят настраже революции; а в Петербурге Совет пользуется большим влиянием, большей силой, чем правительство. И первой задачей Временного Правительства стало ослабить Совет, вырвать армию из под его влияния. Первым шагом для этой цели должна была служить формула присяги, согласно которой члены армии должны были подчиняться исключительно приказам Временного Правительства; этим самым они призывались не слушать Совета Рабочих и Солдатских депутатов при столкновении Совета с Временным Правительством. Газета «Правда» первая обратила на это внимание. Вслед затем и Совет Рабочих и Солдатских Депутатов отверг присягу, предложенную Временным Правительством.

Вслед затем Гучков издал приказ с требованием, чтобы воинские чины об'единились вокруг Временного Правительства, с умолчанием о Совете Депутатов.

Эти шаги Временного Правительства являлись замаскированным походом против С. Р. и С. Д., вносили раз'единение и тревогу. Вновь воскресло опасение близкой контр-революции.

Решительное столкновение произошло по вопросу о судьбе бывшего царя. Все члены Временного Правительства, не исключая и Керенского, спешили удалить Николая Романова заграницу, подвергая этим русскую свободу постоянной опасности заговоров со стороны монархистов. С. Р. и С. Д. решительно воспротивился этой контр-революционной попытке. Он потребовал ареста отставного царя.

Оказалось, что в этом вопросе Петербургский гарнизон целиком стоит на стороне Совета Депутатов. Бывшего царя пришлось запереть в одном из дворцов Царского села. А Временное Правительство убедилось, что военная сила в Петербурге не в его руках, и притихло. На долго-ли?

7/IV—25/III.

ДОРОГО ОБОЙДУТСЯ.

Война всех измучила. Некому обрабатывать поля. Некому работать в мастерских. Не хватает хлеба, обуви, одежды. Все рабочие и крестьяне хотят мира. Не какого попало мира, конечно. Но ни кто из народа не хочет затягивать войны понапрасну.

Революция в России отзывается уже и в других странах. В Германии раньше большинство социал-демократов подавало голос за то, чтобы дать своему правительству денег на войну. А теперь они уже отказываются дать денег. Заговорил против войны и народ в Австрии.

И в Германии и в Австрии народ начал подниматься против своих правительств. У правительств там остается против революции одно главное средство—запугивать народ вражеским нашествием. Напротив, чтобы революция скорее там разразилась, мы должны твердо решить и всем об'явить, что не хотим никаких завоеваний. Это и сделал питерский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в своем воззвании к народам всего мира.

В ответ на это министр Милюков поспешил об'явить, что целью войны у Временного Правительства, как и у Николая II, является захват Константинополя, Армении и многих австрийских земель.

Этим Милюков дал опору правительствам Германии, Австрии и Турции для запугивания своих народов; для борьбы против революциии, Милюков усиливает правительство Вильгельма и, можно сказать, спасает его трон. Милюков увеличивает силу сопротивления германцев, австрийцев и турок.

Дорого обойдутся русскому народу и русской армии слова Милюкова.

10/IV—28/III.

ПОТЕРЯЛИ РАВНОВЕСИЕ.

В «Речи» недавно, кажется, Д. Философов посмеялся над времяпровождением питерского обывателя: утром, едва проснувшись, обыватель спешит просмотреть соц.-дем. газету «Правда» и затем звонит во все телефоны об ужасах, какие он вычитал.

Повидимому, тоже происходит и в Москве. Только вместо «Правда» здесь газета «Социал-Демократ». А в числе ужасающихся обывателей—газета «Русские Ведомости». Редакция этой газеты, славившейся раньше своей корректностью и спокойствием, совсем потеряла равновесие и ежедневно «звонит» своим читателям об ужасах, вычитанных в «Социал-Демократе».

Сегодня очередной ужас—фраза о том, что русская буржуазия стремится к «новому завоеванию» Польши, Курляндии, Литовского края.

«Итак,—восклицает наша московская обывательница,—возвращение Польши, Литвы и Курляндии на языке «Социал-Демократа» тоже именуется захватом. Когда Германия что-нибудь отнимает, это не захват, а когда мы стремимся вернуть отнятое у нас насильственно, это становится захватом. До подобного цинизма и «Социал-Демократ» договаривается впервые».

Бедная обывательница! Она все еще живет в понятиях времен очаковских и покорения Крыма, когда народы «отнимались» и «возвращались»! Она не может себе представить, как это народам может быть предоставлено самим решать свою судьбу. Ей совсем непонятно вчерашнее заявление Временного Правительства о признании права народов на самоопределение.

Мы не очень большие поклонники Временного Правительства; но по сравнению с редакцией газеты «Московская обывательница» оно все же на целую голову выше, на целый век ушло вперед.

Ведь это оно, Временное Правительство, об'явило о свободе Польши. А «Московская обывательница» кричит караул и требует «вернуть нам отнятое у нас насильственно».

«Московская обывательница» не может мыслить мир иначе, как в виде разделения на господ, которые владеют, и рабов, которыми владеют.

Бедная старушка! Какие страсти, какие «металлы» и «жупелы» приходится ей выслушивать после революции,—даже от Временного Правительства! А уж после прочтения «Социал-Демократа» ей совсем невозможно обойтись без валерияновых капель.

12/IV—30/III.

ГДЕ ДОЛЖЕН СЛУЖИТЬ СОЛДАТ.

При старом порядке солдат загонялся в чужие губернии. Это делалось на случай усмирения крестьян и рабочих: в чужих легче заставить стрелять. Теперь это должно измениться. Солдат должен служить в своей губернии и уезде, и только излишек или специалисты могут быть отправлены в чужие места. Сразу, конечно, старого не исправишь. Но подумать можно сейчас же. Много солдат получают отпуска; нельзя ли их, при этом, перечислять в те части, которые стоят на их родине.

Это важно и для семьи и для предстоящих сельских работ; в праздник человек присмотрел бы за хозяйством, побывал бы в семье. А при уборке, когда день кормит год, мог бы легко быть на своем поле, без вреда службе. Много сократился бы лишний расход на поездки и передвижение войск.

Нужно во всех солдатских комитетах обсудить, как это все лучше сделать, не нарушая порядка.

13/IV—31/III.

ЧТО НАТВОРИЛИ ПРОВОКАТОРЫ.

В своей злобе и ненависти против революционного пролетариата буржуазные газеты совсем потеряли рассудок. Сейчас постепенно публикуются фамилии провокаторов, и буржуазная печать стремится уверить, будто деятельность партии пролетариата направлялась провокаторами.

Посмотрите какая получается бессмыслица при этом.

Когда осенью 1916 г. и теперь в феврале питерский пролетариат собирался выйти на улицу, вся буржуазная печать кричала, что это провокация. Но рабочие выступили, солдаты присоединились—и царский трон пал. Выходит, что революцию в России произвели провокаторы.

Когда победила революция, крайние левые дали лозунг республики, а буржуазия хотела спасти престол для Алексея Романова. Теперь кадеты за республику. Выходит, что они стали республиканцами только по вине провокаторов.

Мы крайние левые, подняли вопросы о земле для крестьян и о 8-ми часовом дне для рабочих. Теперь необходимость

решения этих вопросов признал и с'езд кадетской партии. Выходит, что кадеты действуют по наущению провокаторов.

Мы, требовали, чтобы Временное Правительство отказалось от царской завоевательной политики. Нас об'явили за это германскими шпионами и провокаторами. Теперь Временное Правительство заявило, что оно отказывается от завоевательных планов. Значит, Временное Правительство—тоже шпионское и провокаторское.

Вот к каким выводам приводит агитация против нас буржуазных писак, оглупевших от злобы против пролетариата.

По поводу этой агитации мы хотели бы сказать два слова по адресу социалистов-революционеров и меньшевиков. Они не только не протестуют против травли, поднятой против нас буржуазной продажной печатью но, например, газета «Вперед» еще подливает масла в огонь. Подумали ли они, что делают? Думают ли, что если буржуазия расправится с нами, то потом не обрушится на них? Неужели их ничему не научил опыт 1848 и 1871 годов во Франции? Неужели бесследно прошла и полоса реакции после 1905 года?

Буржуазия действует по правилу: «разделяй и властвуй». Сегодня она старается задушить нас; а если ей это удастся, то завтра с неменьшей злобой обрушится она на меньшевиков и социалистов-революционеров.

14—I/IV

ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ.

В погромной «суворинской газете» «Время» напечатано следующее сообщение из Петрограда:

> «Запасный батальон гвардейского петроградского полка в полном составе с ружьями вошел на территорию Путиловского завода и командир батальона обратился к рабочим Путиловского завода с речью, в которой, между прочим, сказал: «Товарищи-рабочие, мы вам протягиваем руку и просим вас работать на оборону и снабдить армию снарядами в достаточном количестве, а поэтому просим работать не 8 часов, а как можно больше. Если же вы протянутую руку нашу не примите, то мы придем в другой раз и в другом настроении».

Это было 27 марта, а 29 марта делегат от рабочих Путиловского завода явился в военное министерство и доложил, что собрание рабочих решило работать в три смены все 24 часа

в сутки беспрерывно. Об этом решении рабочих Путиловского завода доложено послам союзных с нами держав.

Суворинские газеты часто лгут, может быть и это известие неверно. Главный интерес здесь в том, что газета «Время» обнаружила истинную цель всей травли, поднятой буржуазией против рабочих. Эта цель—расколоть революционные силы, забрать солдат в свои руки и устраивать вновь ленские расстрелы, как устраивало их старое правительство.

Обратите на это внимание, товарищи-солдаты и товарищи-рабочие. Помните, что у буржуазии в руках огромная сила лжи в лице тысяч продажных газет. Что у сыновей буржуазии пропасть свободного времени, чтобы агитировать по казармам.

А главное, товарищи-солдаты, помните, что если сегодня придушат рабочих, то завтра начнут и вас возвращать к старому порядку, какой был при царе.

Товарищи-рабочие! И вы помните, что для вас было бы самоубийством теперь засесть по домам. Организуйтесь! идите к солдатам, раз'ясняйте им положение дела и поведение буржуазии!

Обратите внимание еще вот на что. Как сказано в газете «Время», о случае на Путиловском заводе «доложено послам союзных держав». С послами сносится Временное Правительство. Сносится, а не «докладывает». Докладывают по начальству. А разве послы являются начальством для нашего Временного Правительства? Разве Россия уже завоевана союзниками и обращена в их колонию?

Пока, как будто, еще нет. Но газета «Время» обнаружила, в каком положении она хотела бы видеть дело. Ей нужно, чтоб русское правительство не сносилось с послами союзников, а «докладывало им». Откуда являются у буржуазной печати такие желания?

Догадайтесь!

14—1/IV.

СВОЯ ГАЗЕТА.

Приближается 22 апреля,—праздник рабочей печати. Этот праздник—результат того под'ема, который пережил в 1912 году пролетариат после ленского расстрела.

Не только забастовки, демонстрации и протесты были вызваны ленским расстрелом, но и творческая, организационная

работа пролетариата. Одним из плодов ее было создание первой ежедневной рабочей газеты,—своей собственной газеты рабочих организаций.

И раньше бывали в России газеты, которые называли себя «рабочими» и издавались для рабочих. Но они возникали не в результате деятельности рабочих и не были для рабочих своими, их собственными газетами. Это очень большая разница.

Освобождение рабочего класса может быть делом только самих рабочих. Газета—великое орудие борьбы за освобождение. И она должна быть делом самих рабочих. Рабочая газета должна создаваться на средства рабочих. Только в этом случае рабочие могут сказать:

—Это—наша газета; она—наше орудие для борьбы против капитала.

Если же газета создается на средства капиталистов, то как бы она не рекламировала себя, как бы не старалась угодить рабочим,—она все же останется частным капиталистическим предприятием. Она для рабочих останется чужой газетой, кто бы ни был в числе ее редакторов и сотрудников. Ведь у рабочих не будет возможности влиять на такую газету организационно,—не будет возможности сменить редакцию или удалить вредных сотрудников.

Если газета основана на средства, данные капиталистами, то и редакция, и сотрудники ее всегда будут чувствовать свою зависимость от капиталистов. Их опорой будет не организация пролетариата, а капиталист, дающий деньги. Поэтому, какие бы хорошие писатели ни стояли во главе этой газеты, они не могут быть стойкими верными до конца защитниками интересов пролетариата.

Чтобы защищать интересы рабочих безбоязненно и без фальши, редакция газеты и ее сотрудники должны всякую минуту помнить, что они отвечают только перед пролетариатом, только перед пролетарской организацией. Тем и отличалась созданная в 1912 году рабочая газета «Правда», что она создана была только на рабочие деньги, поддерживалась только сборами среди рабочих и руководилась только рабочими организациями.

Русский пролетариат политически вырос, возмужал. Лет 10 или 15 назад он еще мог довольствоваться газетами, которые создавались для него чужими руками, на чужие средства, без

его руководства. Теперь русский пролетариат уже не поверит никаким благодетелям из буржуазного или буржуазно-интеллигентского лагеря.

Пролетариат и теперь нуждается в образованных людях. Но раньше он говорил им:

— Сделайте милость!

А теперь говорит:

— Поступайте ко мне на службу.

Вот в этом и заключается та резкая грань, которая лежит между своей собственной печатью пролетариата и той печатью, которая преподносилась и будет преподноситься ему из буржуазно-интеллигентского лагеря, получающего деньги от капиталистов. Эту грань провело 4 апреля 1912 г.,—и этой гранью явилась газета «Правда».

Рабочие не раз говорили бывало:—Другие газеты ведутся лучше, чем «Правда». Но они—чужие, а «Правда»—наша. Мы любим «Правду», как любим своего бледного, слабого ребенка, как дитя пролетариата. А эти сытые, краснощекие, хорошо приодетые дети,—это дети наших эксплоататоров. Мы не променяем на них наших детей. Точно также не променяем мы и нашей «Правды» ни на какую чужую газету.

Революция принесла пролетариату свободу организаций. Будут расти в числе и газеты пролетариата. И будет становиться все теснее связь между пролетарскими организациями и их собственными газетами. Пролетариат будет всегда помнить день 22 апреля,—день появления первого номера первой ежедневной газеты, созданной рабочими.

19—6/IV

ДРУЗЬЯ НИКОЛАЯ КРОВАВОГО.

Имеется очень и очень много вопросов рабочей и крестьянской жизни, о которых сейчас должна бы говорить наша газета: вопрос о хлебе, о земле, о рабочем дне, о заработной плате и многие другие. А между тем нам опять приходится говорить о внешней политике и о войне. Говорить приходится поневоле, потому что сейчас и хлеб, и земля, и свободы слишком связаны с политикой.

Вчера мы уже сообщили, что для французского и английского правительства Николай остается верным другом. А если

Николай им друг, то разве могут они считать своим другом русский народ, восставший против Николая?

Вспомним, что Николай послал многие тысячи русских солдат во Францию и в Салоники. Эти солдаты, эти наши товарищи, находятся сейчас не среди свободного русского народа, а в распоряжении верных друзей Николая. Что с ними теперь? Знают ли они правду о России?

Вспомним еще, как Временное Правительство хотело как можно скорее отправить Николая заграницу, к его верным друзьям. Вспомним, как и министр Керенский высказывался за это. Керенский мог быть во всем этом слепым орудием. Но какой план мог быть у тех, кто втайне верховодил в этом деле? Ведь приехавши к своим «друзьям», Николай имел бы под рукою не знающих всей правды русских солдат, чтобы во главе их, при содействии своих союзников, вторгнуться в Россию!

Посмотрите дальше. Вчера вы прочли, что на русско-шведской границе хозяйничают англичане. Как они попали туда? Разве Швеция и Россия уже являются английскими колониями? Сегодня—новое известие в том же роде. Напечатана телеграмма о том, как отнеслась в Англии буржуазия к австрийскому предложению о заключении мира.

— Мы были бы изумлены,—говорит влиятельная английская буржуазная газета,—если бы это предложение произвело впечатление на русское правительство.

Мы были бы изумлены,—это на простом, откровенном языке означает: «не смей!»

Не смей слушать никаких предложений о заключении мира, потому что английская буржуазия не осуществила еще своих завоевательных планов. Таков смысл этого заявления верных друзей Николая.

И опять приходится поставить вопрос: может ли русский народ считать себя народом, окончательно свободным от царского ига и от владычества империалистической буржуазии, когда верные друзья Николая распоряжаются на русской границе, когда они распоряжаются русскими солдатами, завезенными во Францию, когда остаются в силе неизвестные народу тайные договоры, заключенные Николаем с его верными друзьями?

21—8/IV.

ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

В воскресенье, 9 апреля и во вторник, 11 апреля, наша газета «Социал-Демократ» не могла выйти в свет, потому что мы не могли найти, где купить бумаги. Наши читатели должны обратить на этот случай самое серьезное внимание.

Что значит свобода печати на словах, если на деле рабочие не имеют возможности читать свою газету? Было бы грубой ошибкой думать, что препятствиями на пути рабочей печати могли и могут быть только полиция, да цензура. Буржуазия имеет возможность душить рабочую печать и без полиции и без цензуры.

Для печатания газеты нужны типография и бумага; а для рассылки ее—почта. В буржуазном обществе типографское дело и бумажное производство находятся в руках капиталистов, а почта—в руках буржуазного правительства. На почве бумажной, типографской и почтовой и получается возможность душить рабочую печать. Душить или организованно, или путем конкуренции.

И бумажные фабриканты, и владельцы типографий об'единены в свои хозяйские союзы. Эти союзы тесно связаны с другими хозяйскими организациями и находятся в зависимости от банков. И всегда возможно ожидать, что путем организованного давления на отдельных бумажных фабрикантов и типографов, рабочая печать будет задушена. Того же самого можно бывает достигнуть путем конкуренции. Буржуазные редакции имеют в своем распоряжении миллионные капиталы. Они могут перекупить типографию, где печатается рабочая газета, скупить всю бумагу и так далее.

По всем этим причинам пролетариату мало добиться путем революции свободы печати. Приходится ежедневно, ежечасно думать о спасении своей рабочей печати от натиска капиталистов.

То, что произошло с газетой «Социал-Демократ» 9 и 11 апреля, не случайность, а только первое предостережение. Это может повториться и будет повторяться, но уже не на два дня, а может быть на две недели, два месяца, два года. Каким же способом могут бороться рабочие за спасение своей печати?

Прежде всего, нужно прочно поставить газету на ноги в денежном отношении. Необходимо, чтобы газета могла запа-

саться бумагой надолго и заключить контракты с типографией на долгий срок. Для этого нужны деньги, много денег, и рабочие никогда не должны прекращать сборов на свою рабочую печать.

Петроградские рабочие поняли это еще в 1912—1914 годах, во времена старой «Правды». А московские рабочие, к сожалению, до сих пор плохо понимают и думают, что газета сама собой может жить, без их поддержки. После революции питерские рабочие набрали в фонд «Правды» уже более двадцати тысяч рублей. А сколько набрали московские? Сочтите-ка!

Во-вторых, необходимо постоянно агитировать в пользу своей газеты и демонстрировать свою связь с нею, чтобы вся буржуазия постоянно видела, что рабочая газета является не предприятием кучки лиц, оторванных от рабочих, а делом организованной рабочей массы. Нужны митинги для поддержки рабочей печати, демонстрации, резолюции, приветствия.

И в этом отношении даже организованные наши товарищи в Москве и в Московской области делают очень мало. Они, повидимому, смотрят так: основали мы свою газету, в роде как лавочку открыли, и кончено дело: нам остается только без всякой заботы получать из лавочки товар-газету. Разве так действовали питерские рабочие во времена старой «Правды» и действуют теперь?

Приостановка «Социал-Демократа» 9 и 11 апреля должна побудить всех организованных рабочих Москвы и Московской области немедленно же поставить на очередь вопрос о спасении газеты, о постоянных сборах на нее и о подготовке к дню рабочей печати 22 апреля, чтобы в этот день особенно сильно показать свою сознательность и готовность защищать свою газету от гибели.

Но и этого всего сейчас мало, в виду революционного времени и недостатка товаров,—в том числе и бумаги,—из-за войны. У буржуазных газет огромные, излишние запасы бумаги. Как реквизируют теперь для нужд населения припасы и обувь у спекулянтов, точно также должна, в случае нужды, производиться и реквизиция бумаги для газеты, являющейся органом массовой пролетарской организации. А чтобы добиться права на реквизицию, рабочие должны выдвинуть лозунг:

«В тот день, когда рабочая газета не может появиться за отсутствием бумаги, не должна появиться на свет ни одна буржуазная газета».

Тяжесть борьбы за осуществление этого лозунга в первую голову падет на товарищей-печатников. Но их должны будут поддержать в этом все другие профессиональные и политические рабочие организации.

27—14/IV

КТО ЛУЧШЕ?

Продолжают публиковаться списки провокаторов. Казалось бы, в этом деле должно и можно было бы проявить партийное беспристрастие. К сожалению, этого не наблюдается. Имена провокаторов, проникавших в организации большевиков, сопровождаются длиннейшими подробностями, а о провокаторах других партий говорится коротко и глухо.

Для примера возьмите список, опубликованный в Москве 13 апреля, и сравните, сколько сказано о Поскребухине (№ 56) и об Усове (№ 58). Получается впечатление, будто с.-д. «большевистские» организации,—и только они одни,—были насквозь пропитаны провокаторами.

Эта тенденциозность списков особенно бросается в глаза в связи с газетной травлей против нас именно на почве провокации. Вспомним поход петроградской буржуазной печати против рабочей газеты «Правда» в связи с именем провокатора Черномазова. А между тем Черномазов еще три года назад был заподозрен в провокации и удален из редакции «Правды».

Что касается московских провокаторов, то опять-таки многие из них были заподозрены и обезврежены задолго до революции,—например, Поскребухин еще в 1915 году, Адриан Николаев в 1916 году; о подозрениях против Лобова я, живя в Петрограде, слышал еще в 1914 году, и так далее.

Публикуемые списки провокаторов дают совершенно извращенное представление о роли и силе провокации в наших дореволюционных партийных организациях. А в связи с походом буржуазной печати против нас приходится сказать:

— С уничтожением охранных отделений использование провокации для борьбы против с.-д. не прекратилось, а только приняло другую форму. Раньше провокацию использовал департамент полиции, а теперь тем же делом, хотя и на иной лад, занимаются буржуазные газеты.

28—15/IV

НАГЛЯДНОЕ ОБУЧЕНИЕ.

13 апреля, в газетах напечатана следующая телеграмма:

Ярославль, 12 апреля. Вчера на окраине города ингуши напали на девочку. Пленные австрийцы заступились за нее. Ингуши начали избивать австрийцев, солдаты же взяли сторону австрийцев. В результате—семь ингушей убиты, три солдата серьезно ранены.

Исполнительный Комитет постановил просить Временное Правительство отозвать ингушей (ПТА).

Это очень поучительное сообщение. Мы видим тут столкновение двух сторон. Одна сторона—ингуши, то есть, в данном случае, люди, нанятые капиталистами или помещиками для борьбы против рабочих и крестьян. На другой стороне—русские и австрийские солдаты, то есть крестьяне и рабочие, одетые в военный мундир.

Буржуазия всеми правдами и неправдами старается обморочить народ и заставить его поверить, что главный враг русских рабочих и крестьян—австрийские и вообще «неприятельские» рабочие и крестьяне. А русские и австрийские солдаты выступили заодно против прислужников буржуазии, ведущей разбойничью внутреннюю и внешнюю политику.

Случай в Ярославле—хороший урок для всех, кто еще не знает, кого считать за врага и кого за друга. А за кого же стоит Временное Правительство? За ингушей с их хозяевами, или за тех, кто побил ингушей в Ярославле?

28—15/IV.

ГДЕ ЦАРСКИЕ КАПИТАЛЫ?

Русские цари издавна боялись революции и держали свои капиталы не в России, а в заграничных банках и заграничных бумагах. Эти капиталы достигают нескольких миллиардов рублей (миллиард—тысяча миллионов). Бывший царь Николай II больше других царей боялся революции и потому больше старался отправлять денег заграницу.

За время царствования Николая II было заключено очень много государственных займов. Он делал большие долги, и эти долги считаются государственными, платить по ним придется русскому народу.

А сделавши заем, Николай II брал из него хороший кусок и клал эти деньги в заграничные банки, не как казенные деньги, а как свои собственные. Теперь, после революции, государство оказалось по шею в долгах, а Николай Романов лично чист от всяких долгов. И теперь, как Временное Правительство, так и «верные друзья» Николая Романова, спешат вывезти его заграницу, чтобы он там купался в краденых миллиардах, а русский народ бедствовал, голодал и расплачивался по долгам, сделанным Николаем. На-днях в газете «Речь» опубликовано, что только в акциях четырех американских железных дорог Николай, через посланника Бахметьева, успел поместить капитал в 70 миллионов долларов, то-есть, по теперешнему курсу (счету), почти на 300 миллионов рублей.

Заграничные «верные друзья» Николая, давая деньги в долг русскому государству, знали, конечно, куда идет львиная доля этих денег. Но теперь они будут всячески требовать, чтобы миллиарды, взятые Николаем, остались при нем; будут говорить, что это не казенные, а его личные деньги. С него не спросят ни одной копейки по долгам государства; они будут требовать, чтобы по этим долгам расплачивались русские солдаты, уцелевшие от германских снарядов, и русские крестьяне и рабочие, разоренные войной.

Сделает ли что-нибудь Временное Правительство для защиты России от этого дневного грабежа? Запрет ли оно Романовых в Петропавловку, чтобы не выпускать, пока не вернут эти народные деньги? Откажется ли оно платить по заграничным займам царского правительства до тех пор, пока «верные» друзья не вернут русскому народу принадлежащие ему миллиарды?

Судя по тому, как Керенский и другие министры спешили отпустить Николая заграницу, мы не можем в этом вопросе ждать добра от Временного Правительства.

30—17|IV.

МАЙ

СТАТЬИ ИЗ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА».

РАЗОБЛАЧЕННЫЕ АГЕНТЫ.

В газете «Новая Жизнь» помещено следующее сообщение:

«Нами получено следующее письмо от Ю. Чичерина (Орнатского), секретаря комиссии делегатов Российских социалистических групп в Лондоне, о посланной в Россию английской «Рабочей делегации», состоящей из Уилля Торна, О'Греди и Сандерса.

Посланная из Англии в Россию, так называемая, «Рабочая делегация» просто назначена правительством. Это было официально признано г. Бонар Лоу в ответе на запрос товарища Снаудена в Палате Общин 22 марта (4 апреля).

Конференция независимой рабочей партии в Лидсе, 28 марта (10 апреля) приняла единогласно по этому поводу следующую резолюцию:

«Конференция, выступая как представительница политического социалистического движения в Великобритании, отмечает, что предстоящая поездка в Россию двух рабочих депутатов—Уилля Торна и О'Греди, была организована правительством, и что они отправляются в Россию в качестве агентов правительства. Конференция стремится к тому чтобы ясно дать понять товарищам социалистам в России и других странах, что эта поездка, с точки зрения рабочего движения и социализма, совершенно лишена всякого значения, и что социалисты Великобритании не берут на себя никакой ответственности за слова и действия этих людей; конференция находит также, что постоянное обращение к российским деятелям относительно их обязанностей, притом со стороны плохо информированных, далеко стоящих посторонних людей, может лишь причинить вред и вызвать недоразумения».

И этих гостей, этих агентов буржуазных правительств Совет Рабочих Депутатов чествовал в Москве, как социали-

стов *). Не довольствуясь этим, он устроил чествование этих господ от лица «социалистических» партий. Присутствовали меньшевики и социал-революционеры. Московский Комитет нашей партии отказался иметь дело с Кашеном и О'Греди; от Комитета были посланы лишь два представителя для прочтения декларации, в которой сказано, что мы находим невозможным вступать в переговоры с этими приезжими господами (декларация напечатана в № 35 нашей газеты). А социал-революционеры еще пригласили Кошена и О'Греди участвовать с ними в празднике 1 мая. Из перепечатанной выше заметки из газеты «Новая Жизнь» видно, что О'Греди и другие английские якобы социалисты попросту посланы английским правительством для обработки русских рабочих. Это признал и английский министр Бонар Лоу.

Английские социалисты опубликовали, со своей стороны, заявление, что Уилль Торн и О'Греди поехали в Россию, как агенты английского правительства. В каком положении после сообщенных сведений оказались чествовавшие этих господ?

4/V—21/IV.

ОБСТРУКЦИЯ.

Временное Правительство издало, наконец, приказ (декрет) о производстве выборов в городские думы на основе всеобщего, приблизительно равного, прямого и тайного голосования. В две недели, считая со дня получения декрета, городская управа должна составить список избирателей; а еще приблизительно через месяц должны уже состояться выборы.

Таким образом, в начале июня по всей России могли бы уже обновиться городские думы, и городское хозяйство могло бы перейти из рук крупной буржуазии в руки демократии. Но составление списков избирателей и другие подготовительные работы по выборам поручены тем самым старым управам, которые подлежат смене. Естественно ожидать от них всяческих попыток затягивания выборов (обструкции).

И Москва уже подает пример обструкции. Эту роль принял на себя заведующий статистическим отделением городской

*) В это время в Совете большинство составляли меньшевики и социалисты-революционеры.

управы В. Г. Михайловский. Он заявил, что на составление списков, даже без напечатания их, потребуется целых пять месяцев времени и расход в 700.000 рублей; т.-е. чтобы занести в список одного человека, нужно г. Михайловскому на расходы целых 55 копеек.

Как сообщают «Руск. Вед.», последовало «раз'яснение», что в Москве и Петрограде списки должны быть составлены не в две недели, а в полтора месяца. А г. Михайловский стоит на своем. Кажется, ясно, что он должен в таком случае сделать. Если он не способен исполнить, что требуется, то должен подать в отставку, чтобы не становиться поперек дороги завоеваниям революции. Так поступил бы всякий честный человек, не ставящий сознательно своей целью помешать обновлению городской думы. Но об отставке г. Михайловского что-то не слышно.

Пока что, городской голова созывает членов Управы и еще кое-кого на совещание. Ясно—зачем. Последует заявление о необходимости пятимесячного срока, о необходимости отложить выборы в долгий ящик. Временное Правительство, конечно, согласится, — и домовладельческо-буржуазная дума будет спасена.

Неужели и на этот раз граждане Москвы позволят одурачить себя по примеру того, как Московский Совет Рабочих Депутатов позволил одурачить себя в вопросе о поддержке займа? Неужели контр-революция одержит новую победу благодаря нашей халатности и непозволительной доверчивости ко всяким господам Михайловским?

На этот раз даже наши враги не смогут сказать, что к «розни» зовем мы. Мы зовем только к тому, чтобы настойчиво потребовать исполнения декрета Временного Правительства.

5/V—22/IV.

КАК ОБМАНЫВАЮТ КРЕСТЬЯН.

В Москве издается с.-р. газета «Земля и Воля», называющая себя «крестьянской газетой». В номере от 25 апреля эта газета решительно заявляет, будто сейчас на покрытие государственных расходов «нет другого, более быстрого средства дать государству безусловно необходимые ему деньги»,—иначе, как путем займа.

Не странно ли? Дать взаймы—это называется «быстро», а дать безвозвратно, в виде «налога»,—это будто бы ужасно

медленно! Так медленно, что третий год войны уже на исходе, а правительства, ни старое, ни новое,—никак не могут собраться обложить капиталистов, хоть одной копейкой лишнего налога!

Недогадливой, якобы крестьянской газете, мы можем указать источник достаточно быстрый. Задолго до войны существовал налог в 5 процентов с денежных доходов и капиталов. Повысьте его до 90 процентов—это первое. А второе—сейчас уже подведены итоги прибылей за 1916 год банков, акционерных обществ и т. д. Реквизируйте эти прибыли тоже на 90 процентов—и вы сразу получите не меньше, чем от займа. И быстрее, чем путем займа.

При мобилизации реквизируют самого человека, его свободу и жизнь, чуть не в 24 часа. Почему же нужны годы, чтобы реквизировать барыши капиталистов, хоть в ничтожной доле?

Капиталисты понимают,—почему: потому что они ведут войну для своей наживы, а не для того, чтобы расходоваться на нее. А «крестьянской газете» выгораживать капиталистов и обманывать своих читателей совсем не к лицу.

9/V.—26/IV.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПЕТРОГРАДЕ.

Вчера мы перепечатали замечательный приказ Гучкова: в нем вся демократическая Россия, желающая скорейшего мира, преднамеренно смешана с германскими шпионами. Приказ этот ясно свидетельствует, что военный министр, как говорится, потерял голову.

Почему? Чтобы понять это, нужно обратиться к милюковской газете «Речь». Последние номера ее проникнуты безграничной ненавистью и сплошь посвящены левым: и «Правде» и «Рабочей Газете» и эсеровскому «Делу Народа», и «Совету Рабочих и Солдатских Депутатов» с его «Известиями». Один только Плеханов является неизменным утешителем и паинькой в глазах нашей буржуазии.

О рабочих—демонстрантах «Речь» пишет:

> «Поразили меня их лица. У этих тысяч одно лицо, исступленное, монашеское лицо первых веков христианства, непримиримое, безжалостное, готовое на убийства, инквизицию и смерть».

И, однако же, газеты вновь вынуждена признать, что нападения на Невском исходили не от «готовых на убийства», «изступ-

ленных» рабочих, а от сторонников правительства. При этом во вторник она пишет, что следствие получило важные данные, а в среду печатает заявление прокурора, что «следствие не дало общей определенной картины».

Мы отмечаем эти сообщения о демонстрациях только потому, что буржуазная печать старается использовать столкновения во время демонстраций для нового науськивания солдат против рабочих. Серьезная же сторона событий прошлой недели не в этом.

Хотели ли демонстранты арестовать или свергнуть Временное Правительство? Нет. Тем не менее командующий войсками в Петрограде ген. Корнилов поспешил вызвать часть войск на Дворцовую площадь и потребовал туда же артиллерию. Его видимо соблазнила слава Дубасова, Мина и Римана, расстрелявших Москву в 1905 году.

Но артиллерия не повиновалась Корнилову. А от Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов издан приказ по гарнизону: не выходить из казарм, иначе как по требованию, исходящему от Исполнительного Комитета. Гарнизон повиновался Исполнительному Комитету, и Корнилов оказался генералом без армии. Выяснилось, что военная сила в Петрограде не на стороне правительства.

В этом и заключается то главное и существенное, что выяснилось в результате событий прошлой недели и что не дает спать спокойно Милюковым и Гучковым.

— В чьих же руках находится власть?—с горечью и негодованием восклицает милюковская газета: четыре дня прошло, и по прежнему действует распоряжение, прямо и категорически устраняющее власть главнокомандующего войсками и ставящее на ее место власть Чхеидзе и нескольких его товарищей.

И газета продолжает:

—«Никакое правительство, достойное этого названия, не могло бы помириться с таким положением вещей. Признать его значило бы пожертвовать не только своими неот'емлемыми правами, но и всем своим нравственным авторитетом».

В заключение газета Милюкова угрожает Исполнительному Комитету:

— «Если он не предпримет решительных и быстрых шагов к отмене своего распоряжения, то правительство не исполнило бы своего первого долга, оставив без внимания то, что при таких условиях может быть принято только как явный и прямой вызов».

На «явный и прямой вызов» правительство, бессильное против Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, пока что, отвечает приглашением войти в его состав представителям от Совета. Оно хочет, таким образом, чтобы Совет нес ответственность за действия буржуазного, гучковско-милюковского правительства. Но будут ли представители Совета составлять в нем большинство? Если нет, то они не могут брать на себя ответственность. Если же да, то за политику нового, уже в большинстве своем советского, правительства не могут нести ответственности представители буржуазного правительства.

Остается один выход: переход всей полноты власти в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов или органа, созданного Всероссийским С'ездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. К этому мы подошли вплотную,—не путем восстания, а по об'ективным условиям положения.

И Советы не должны бояться принять на себя всю власть и всю ответственность, если Временное Правительство этой ответственности нести—не может.

12/V—29/IV.

РОЖКОВЦЫ.

Уже лет пять повелось так на Руси, что каждая раскольническая социал-демократическая группка всегда выступает под флагом об'единения.

В 1912 году весной петроградские рабочие об'единились вокруг своей газеты «Правды». Осенью того же года ликвидаторы основали свою, вторую газету, в которой начали проповедывать об'единение. Затем от ликвидаторов откололась группа Троцкого и тоже выступила под флагом об'единения. За Троцким Плеханов основал свою группку, которая начала издавать газету «Единство». Это все—более крупные раскольнические группы или течения. Была еще куча мелких группок, которые тоже всегда вели свою дезорганизаторскую работу под флагом об'единения.

Нас всегда обвиняли в том, что мы не хотим об'единения. А мы всегда отвечали:

— Господа об'единенцы! Вы все хором кричите об об'единении: об'единитесь же сами между собою,—тогда и поговорим серьезно!

Но «об'единенцы» не об'единялись между собою, а все более раздроблялись и этим показывали, что криками об объединении они только морочат головы простаков.

Теперь, когда добыта свобода организации, наблюдаются два рода «об'единений». В глухих местах провинции, только что всколыхнувшихся от сна, кое-где, действительно, образовались единые с.-д. организации. Это об'ясняется частью тем, что в глуши широкие политические вопросы не стоят так остро; а частью тем, что где-нибудь одна из фракций еще бессильна и и не решается основать особую организацию.

В столицах наблюдается другое: здесь остро стоят крупные политические вопросы, по которым всегда наблюдается расхождение между двумя главными течениями социал-демократии. Но, сверх того, здесь же всегда имеется не мало людей, преимущественно литераторов, не склонных подчиняться пролетарской дисциплине. Обычно эти литераторы и являются образователями новых фракционных групп. Например, в Петрограде возродилась газета «Единство»—плехановской группы, а затем появилась «Новая Жизнь» — газета новой группы отколовшихся литераторов. Подобно этому и в Москве возникла газета «Пролетарий», руководимая, судя по первым номерам, Н. Рожковым.

Газета называет себя органом об'единенных организаций; но нужно смотреть правде в глаза и прямо сказать, что эта газета является попыткой образовать новую фракцию: «об'единенцы» не об'единяются на деле ни с кем, хотя и кричат об об'единении.

О политической физиономии группы рожковцев, пока что, можно судить по тому, что она стоит за вхождение с.-д. в буржуазное министерство. Рожков особенно озабочен тем, чтобы «уничтожить или свести к возможному минимуму» недоверие к Временному Правительству; для этого он и старается, чтобы во Временное Правительство вошли представители от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Таким образом, рожковцы заняли позицию правее Московского Совета Рабочих Депутатов; ближе всего они, в этом отношении, к Плеханову, который неизменно радует своими писаниями сердца буржуазных газет.

13/V—30/IV.

ЗА ЗЕМЛЮ.

Резолюция по аграрному вопросу, принятая 28 апреля на Всероссийской конференции нашей партии, заслуживает самого серьезного внимания не только крестьян, но и рабочих (резолюция эта напечатана в № 47 нашей газеты).

Дело в том, что скорое и полное решение земельного вопроса в пользу крестьян имеет самое глубокое политическое значение. В обществе, разделенном на классы, государственная власть везде и всегда, в нереволюционное время, служит интересам экономически самого сильного, экономически господствующего класса. Государство является организацией классового господства.

Революция по внешности изменяет, как будто, лишь государственное устройство. А внутренний, действительный смысл революции состоит в переходе политического господства от одного класса к другому. И происходит революция лишь после того, как против старого господствующего класса выросли новые классы, более сильные в борьбе на экономической почве.

В России издавна господствующим классом был класс крупных землевладельцев, закрепивших за собою крестьянство. Падение крепостного права, само уже явившееся результатом роста буржуазно-капиталистического хозяйства, было большим ударом для политического господства помещиков. И тем не менее, господство крепостников-дворян, вошедших в тесную связь с самым верхним слоем буржуазии, продержалось еще больше 50 лет, вплоть до революции.

Самодержавие само по себе являлось крепостным правом царя на все население страны. Но само это самодержавие держалось лишь вследствие того, что за его спиной сохранялись многие крепостнические порядки и на фабриках и в крупных сельско-хозяйственных предприятиях („экономиях“). Многие земли уходили из рук дворян в руки купцов и разжившихся крестьян; но перемена хозяина не изменяла дела: новые крупные землевладельцы обычно проникались старыми крепостническими стремлениями и поддерживали самодержавие.

Ясное дело, что самодержавие только тогда будет уничтожено навсегда, когда будет уничтожен тот класс людей, которому самодержавие выгодно. Иначе сказать, мы только тогда можем считать революцию законченной, когда вся земля будет

без выкупа отобрана от крупных землевладельцев и передана в собственность всего народа, для наделения ею беднейших сельских хозяев. Это и имеется в виду в первой части нашей резолюции, где сказано: «существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии».

Таким образом, независимо от многих еще других соображений, наши товарищи-рабочие в высшей степени заинтересованы в том, чтобы как можно скорее был совершенно ликвидирован класс помещиков, всегдашних врагов свободы. Пока этого не сделано, революция не может считаться законченной.

Если бы помещики сохранили свои земли до самых выборов в Учредительное Собрание, если бы их земли не поступали уже теперь в руки крестьян, то они, благодаря своей экономической силе, оказали бы громадное влияние при выборах. Мы уже узнали за эти 2 месяца, как искусно умеет использовать буржуазия, даже в городах, свою денежную силу, чтобы через бессчисленные газеты, через книги, листки и наемных ораторов туманить мозги народа. Еще легче было бы это сделать помещикам в деревне, куда мало доходит наших газет и где народ менее сознателен, чем городские рабочие. Всякими лживыми запугиваниями и страхами, а с другой стороны— такими же лживыми посулами крупные землевладельцы, перекрасившиеся на время в республиканцев, пролезли бы в Учредительное Собрание, чтобы делать там свое черное дело.

22—9/V.

КУСОЧЕК ТАЙНЫХ ДОГОВОРОВ.

Со времени отставки Милюкова стало интересно, а подчас и забавно, читать его газету «Речь». Вся газета проникнута ненавистью и бессильной злобой уже не против большевиков, а против всей революции в целом. И в своем озлоблении Милюков начинает терять голову и пробалтываться. Демократия требует опубликования тайных договоров Николая Романова. Милюков был против этого. Он—ярый сторонник сближения с Англией. А теперь он уже выбалтывает тайну договоров и выдает головой английское правительство.

Поводом послужила телеграмма, напечатанная в «Биржевых Ведомостях». В ней сказано, что Англия согласна на пере-

смотр тайных договоров, потому что она не хочет завоеваний, а война за раздел Турции и Австрии, за Эльзас-Лотарингию, Триент, Чехию и Польшу ее мало интересует. Все эти задачи войны были навязаны Англии ее союзниками.

Правда ли все это? Мало ли печатается в газетах неверных сведений? Милюков спешит подтвердить, что все это правда, и теперь этому приходится верить; но, обозлившись, он идет дальше: он категорически говорит, что англичане врут, когда говорят о своем бескорыстии.

Из слов Милюкова ясно, что по договорам в пользу Англии обещаны немецкие колонии, а также Месопотамия и Палестина. И от захвата этих мест она не откажется. Напротив, Англия, по словам милюковской газеты, «держится правильного взгляда, что то, что хочешь получить, нужно предварительно занять,—и она уже сейчас занимает своими войсками местности Месопотамии и Палестины, важные для ее жизненных интересов». И затем газета Милюкова намекает на «другое в том же роде, что может еще обнаружиться».

Мы, конечно, можем только благодарить Милюкова за то, что он изобличил лживость английского правительства, кричавшего три года о своем бескорыстии. Пусть шовинисты, вроде Плеханова, обвиняют теперь Милюкова в предательстве по отношению к союзной Англии,—мы скажем, что на этот раз предателем по отношению к России будет не Милюков, а эти шовинисты.

Безусловно права газета Милюкова и в утверждении, что «нужно предварительно занять то, что хочешь получить». Например, если крестьяне предварительно, до Учредительного Собрания, не займут помещичьих земель, то они и не получат их.

Но о земле—это между прочим, к слову сказалось. А суть дела в том, что Милюков попрежнему проповедует войну ради ограбления Турции и Австрии, причем вносит новый мотив. Он говорит, что Англия уже грабит и будет грабить для себя,—и мы, дескать, не должны зевать, а должны также грабить для себя все, что плохо лежит. Для воров и грабителей, а следовательно и для буржуазии, такое рассуждение очень убедительно. Но может ли оно считаться убедительным для людей, живущих своим честным трудом? Конечно, нет. Наоборот, можно ожидать, что от милюковских рассуждений настроение читателя повернется не в пользу англичан.

Тем более, если мы знаем, что англичане об'явили себя верными друзьями Николая Романова и ввели у себя самодержавный строй не многим лучший, чем был у нас при Николае...

26—13/V.

РЕЗОЛЮЦИЯ, МУНДИРЫ И ПРОЧЕЕ.

Временное Правительство назначило кучу новых сенаторов. Эти умные головы теперь возбудили «ходатайство» о разрешении им заседать без мундиров, потому что сенаторский мундир обходится три тысячи рублей. Можно надеяться, что «революционеры» нового Временного Правительства не будут очень упираться в защите мундиров.

Зато по части суда для «особ» все обстоит благополучно. При самодержавии для высших чинов был придуман особый суд,—такой, чтобы всякое их преступление оставалось безнаказанным. Теперь опубликован законопроект о губернских комиссарах (о подкрашенных губернаторах). В законопроекте сказано, что новые губернаторы предаются суду в порядке назначенном «для особ четвертого класса».

А министры, конечно, тоже «особы», только не четвертого, а вероятно, первого класса. Керенский, Церетелли, Чернов, Пешехонов, Переверзев теперь—«особы». В числе «особ» и бывший прокурор Ненароков, прославившийся, между прочим, и тем, что в 1915 г. выступал в суде обвинителем против рабочих с.-д. депутатов тов. Петровского, Муранова и других. Теперь Ненароков получил высшее назначение. А прокурор Виппер, прославившийся по делу Бейлиса,*) не в тюрьме сейчас, а только на-днях уволен «по прошению, по болезни», то-есть с хорошей пенсией.

Как видите, солдаты и рабочие победили, и революция идет скорым бегом вперед. Вот только министр финансов Шингарев никак не удосужится обложить капиталистов хоть одной лишней копейкой налога. Вместо налога—заем по 6 процентов. Ростовщиков, которые польстились на эти проценты, буржуазные газеты превозносят, как патриотов, и печатают их списки в поучение нам, голытьбе. Например, Шаляпин пустил в рост

*) Бейлис обвинялся в убийстве мальчика,—будто бы для употребления крови его на еврейскую пасху, но был судом оправдан.

100,000 рублей, а известный кадет Набоков 500,000 рублей. Прикопили за время войны. От войны кому голодно, а кому и сытно. Не даром буржуазия и интеллигенция кричат о войне «до конца». И теперь им взялись усердно подслуживать новые «особы первого класса».

Кстати: по старому закону министр, хоть бы он пробыл министром только один час, сохранял полное министерское жалование на всю жизнь. Как полагают новые «особы»,—не пора ли отменить этот закон?

26—13/V.

ЛЮДИ БЕЛОЙ КОСТИ.

При крепостном праве все население делилось на белую кость (дворянство) и черную кость. Делилась и армия на офицерство (белая кость) и солдат. В глазах буржуазии человек становится белой костью, когда он начинает получать больше денег. В буржуазной армии разделение происходит уже не по сословию, а по жалованию и по образованию (которое требует затраты капитала).

Армия может считаться демократической только тогда, когда в ней вовсе уничтожено разделение на офицерство и солдат, и когда весь командующий состав выборный. Только при таком устройстве армии ее невозможно станет употребить против своего же народа, невозможно будет послать на войну, затеянную для обогащения капиталистов.

Капиталистам необходимо разделение армии на солдат и офицеров, как необходимо на фабрике разделение на служащих и рабочих: нужно, как говорят рабочие, иметь «кнутики». Для этого нужно учредить в армии не выборное начальство, нужно закупить это начальство таким жалованием, чтобы между офицером и солдатом легла пропасть, вроде как между управляющим и рабочими.

Революция принесла нам победу демократии, и вместе с тем в армии началась замена назначенных начальников выборными. Это было против интересов буржуазии вообще, и особенно потому, что произошло во время буржуазной войны. Ясно стало, что без «кнутиков» солдаты не станут класть свои головы за обогащение капиталистов.

И началась забота о «кнутиках», о подчинении солдат тем самым офицерам, которые были опорой самодержавия. В этом сейчас заключается и главная забота министра Керенского: обуржуазить армию, то есть, по силе возможности, уничтожить ее демократизацию. С этой же целью издан приказ и о производстве в офицеры без образовательного ценза вместо допущения самих выборных солдат к высшему командованию.

С этой же целью издан приказ о правах солдата. В этих «правах» требуется полное бесправие солдат в области подготовки и обучения армии, в хозяйственной, инспекторской и боевой частях, в области назначения и смены начальников. По отношению к правам солдата, уже завоеванным революцией, приказ Керенского «об основных правах военно-служащих» является реакционным, контр-революционным. Он имеет целью заставить солдата класть свою голову за интересы капиталистов. Для этой цели «кнутикам» разрешено даже «в боевой обстановке» применять вооруженную силу против не повинующихся; например, имеют право гнать солдат в атаку, посыпая их сзади из пулеметов.

Реакционность приказа о «правах военно-служащего» настолько очевидна, что о ней и говорить бы не стоило. Тем с большим удивлением прочли мы статью об этом приказе в московской газете «Труд», в органе людей, которые называют себя социалистами и революционерами (№ 47).

Газета старается привести читателя в восторг от приказа Керенского. Для этого она сравнивает права солдата, установленные приказом, не с теми правами, которые завоеваны революцией, а с теми, которые были при самодержавии. Это—недостойный прием, это—одурачивание читателя.

Армия раскрепощается!—восклицает автор статьи, совсем забывши про революцию, которая положила начало демократизации армии (а Керенский возвращает ее к обуржуазиванию).

Но что поразительно, так это рассуждения о выборности командующего состава. Это—рассуждения не социалиста, не революционера, даже не буржуазного демократа. Это рассуждения крепостника-помещика, который говорит, что крестьянам нельзя давать воли. Социалисты-революционеры восстают против выборности «начальника» в армии, потому что при выборах «оценивался бы начальник, не как стратег, не как знаток своего дела, а только как хороший человек». Иначе сказать:

солдаты—малые ребята, ничего не понимают в военном деле а барин—он отец, он знает, кого назначить в бурмистры или управляющие имением. Этак же точно говорят враги демократии против всяких выборов, против всякой демократизации.

Газета говорит дальше: «дело начальника, где и когда, и как вести бой, а дело солдата безусловно подчиняться. Этого требуют интересы военного дела».

Опять обман, опять неправда! Весь приказ Керенского требует безусловного подчинения не только во время боя, но и в мирное время, и в области хозяйственной, инспекторской, в области подготовки и обучения! Зачем же говорить только о бое? Да и в бою «единая воля» разве означает всегда единоличную волю? Разве и перед боем и в бою не устраиваются военные советы или просто совещания? Почему в эти советы и совещания могут допускаться только генералы, и почему не могут допускаться выборные от солдат?

Нехорош, реакционен приказ Керенского о правах военнослужащего. Но уже чистейшей гнилью крепостного права повеяло на нас от статьи об этом приказе, напечатанной господами социалистами-революционерами. Как быстро эти люди из революционеров превращаются в буржуазных реакционеров! Видно, что они—люди белой кости!

Кстати сказать, от них не отстает газета меньшевиков «Вперед»: она уверяет, будто приказ Керенского «расширяет» (а не сокращает) права, уже завоеванные солдатами. Пусть сами солдаты скажут: правда ли это?

31—18/V

ИЮНЬ

СТАТЬИ ИЗ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА».

СМЫСЛ СОБЫТИЙ.

В конце апреля и в начале мая центром политических событий в России было выступление петроградских солдат и рабочих против политики Временного Правительства по вопросу о войне.

Нота 18 апреля, об'являвшая, что Временное Правительство продолжает завоевательную политику свергнутого царя, вызывала крайнее негодование демократии, желающей мира. Произошли крупные демонстрации. Доходило дело и до более резких столкновений между сторонниками правительства и его противниками. Командующий войсками ген. Корнилов обнаружил намерение задушить демократию царским способом, вооруженной силой. Совет Раб. и Солд. Депутатов запретил войскам выходить из казармы. Гарнизон повиновался не Корнилову, а Совету. Правительство увидело, что оно бессильно, и пригласило, для усиления своего влияния, войти в состав министерства представителям Совета Раб. и Солд. Депутатов.

Таков был внешний ход событий. Каков же был их внутренний смысл?

Всякая политическая борьба есть борьба между различными классами населения. В этом ее истинный смысл. По наружности борьба идет как будто между лицами или учреждениями, а на деле она происходит между классами. Победа достается более сильному классу, и государственная власть, все государственные учреждения служат для поддержания господства победившего класса. Государственное устройство приспособляется к удобствам победителя.

В России издавна самым сильным классом были крупные

землевладельцы (помещики). Вся сила государственной власти была направлена на защиту помещичьих интересов. И правил страной самый крупный помещик—царь-самодержец, за спиной которого стояли многие тысячи помещиков-самодержцев.

Но сила помещиков постепенно слабела. Они разорялись. Росла сила буржуазии и сила пролетариата. Поднимало голову и крестьянство. Началась борьба против самодержавия, которая на самом деле означала борьбу в первую голову против помещиков. Но за самодержавие держались не одни помещики, но и крупнейшая буржуазия, которой самодержавие помогало обделывать темные делишки и душить рабочих. Кроме того, крупнейшие буржуа часто являлись в то же время и крупнейшими помещиками.

Значит, революция против самодержавия была в сущности революцией против крупнейших помещиков и капиталистов. В чьи же руки попала власть? Из кого состоит Временное Правительство? Да все из тех же крупнейших капиталистов и помещиков или из их давних верных прислужников! Не даром оно хотело заменить царя Николая царем Алексеем!

Ясное дело, что сила Временного Правительства была бы, на самом деле, силой не революции, а контр-революции. А так как революция (рабочие и крестьяне, одетые в солдатское платье) победила правительство помещиков и крупнейшей буржуазии, то они не могли доверять и Временному Правительству, не могли согласиться отдать всю силу в его руки. Против Временного Правительства помещиков и капиталистов рабочие и крестьяне выставили свое, можно сказать, правительство в лице Совета Раб. и Солд. Депутатов.

Положение получилось такое, как будто солдаты и крестьяне сказали капиталистам и помещикам: вы будьте министрами, а мы будем делать по своему и повиноваться вам будем лишь только тогда, когда захотим.

Ясное дело, что это положение неправильное. Оно не может долго держаться. Произойдет одно из двух: или Советы Раб. и Солд. Депутатов возьмут всю власть в свои руки и превратятся в правительство крестьян и рабочих, или же Временному Правительству удастся обмануть народ, собрать силы помещиков, капиталистов и их прислужников, разогнать Советы Депута́тов, подавить революцию и частью сохранить, частью восстановить многое из старых порядков, бывших при самодержавии.

Но какой же имеется у буржуазии способ обмануть народ и подчинить его в конце-концов воле буржуазии? На это есть один главный способ, придуманный давно, применяемый всегда буржуазией в тех странах, где у нее уже нет силы придушить пролетариат полицейскими и военными усмирениями. Этот способ обмана заключается в том, чтобы привлечь в число министров одного или нескольких человек, которым верят рабочие, то-есть пригласить в министерство одного или нескольких социалистов.

Что тогда получается? Получается, что многие рабочие уже перестают бороться против буржуазного правительства. Они думают: «в правительстве есть у нас свои люди, они нас защитят». А на самом деле эти люди в правительстве составляют меньшинство и ничего не могут сделать. И обыкновенно кончается тем, что социалист, который пошел в буржуазное министерство, рано или поздно открыто изменяет рабочим и переходит в ряды буржуазии. Тогда, конечно, рабочие перестают на него надеяться, клянут его, ругают изменником. А буржуазия спешит привлечь в министры какого-нибудь нового вождя социалистов, чтобы опять заставить рабочих верить в буржуазное правительство. И так без конца идет сказка про белого бычка. Особенно ярко это выразилось во Франции. Там сначала призвали в министры социалиста Мильерана. Когда он окончательно изменил рабочим, потерял их доверие, тогда призвали Бриана, Вивиани. Скоро и эти явно продались буржуазии. После этого позвали Самба, Геда, Альберта Тома, которые и теперь обманывают рабочих, но все больше теряют их доверие.

У нас Временное Правительство, для тех же целей, включило в состав министров трудовика Керенского (социал-демократы тогда отказались итти в буржуазное министерство). И скоро стало ясно, зачем Керенский призван. Когда Временное Правительство решило поскорее освободить бывшего царя Николая и дать ему возможность уехать к своим «верным друзьям», к англичанам или французам, тогда вперед выдвинули Керенского! Он стал шуметь, что нужно отпустить Николая. И даже повезли было отставного царя через Петроград к границе, но петроградский гарнизон занял вокзалы, и Керенскому не удалось вывести царя.

Второй раз—опять в этом же роде. Керенский подписал ноту Временного Правительства от 18 апреля; но и подпись Керенского не помогла. Опять петроградский гарнизон стал на сторону

рабочих и не повиновался генералу Корнилову. Временному Правительству стало ясно, что на одном Керенском далеко не уедешь в обмане народа, что нужно завлечь в министры еще кого-нибудь из социалистов, пользующихся доверием Совета Раб. и Солд. Депутатов. И особенно важно было бы завлечь кого-нибудь из социал-демократов.

Конечно, уже и сейчас есть люди, именующие себя социал-демократами и, можно сказать, напрашивающиеся в министры; таковы например, плехановцы в Петрограде и рожковцы в Москве. Но Временное Правительство знает, что для его целей цена таким бывшим социал-демократам ломаный грош, и ведет переговоры только с Советом Раб. и Солд. Депутатов.

Из сообщений даже в буржуазных газетах от 8 мая сразу видна истинная цель Временного Правительства: дать представителям рабочих и солдат второстепенные министерства, имеющие малое значение, сохранить буржуазное большинство для ведения буржуазной политики, и в то же время получить полное доверие рабочих и солдат, получить всю полноту власти, как они выражаются, для принятия принудительных (усмирительных) мер против революции, которую они называют анархией.

При таких условиях вступление в министерство представителей от рабочих и солдат является грубой ошибкой.

2/VI—20/V.

ПО ПОВОДУ «ДНЯ РАБОЧЕЙ ПЕЧАТИ».

«День рабочей печати» 22 апреля был установлен в память выхода № 1 первой в России ежедневной рабочей газеты «Правда».

Первый раз этот день праздновался 22 апреля 1914 года. «Правда» была не только рабочей газетой, но и партийной газетой,—органом революционной социал-демократии. И праздник рабочей печати явился в то же время нашим партийным праздником. Противники с.-д. партии (ликвидаторы и социалисты-революционеры) об'явили 22 апреля также и своим праздником. На то была их воля, конечно.

В глухие 1915 и 1916 годы «день рабочей печати» 22 апреля проходил менее заметно, чем в 1914 году. В нынешнем году наша партийная печать и партийные организации уже высказались 22 апреля о значении этого дня.

Московский Совет Рабочих Депутатов *) назначил в нынешнем году, в виде исключения, «днем рабочей печати» 22 мая. Этот день (22 мая) ничем до сих пор не был отмечен в истории рабочей печати; это число—случайный день, на месяц позже, чем наш праздник рабочей печати.

Нельзя оспаривать права Совета Рабочих Депутатов назначать тот день рабочей печати, какой ему кажется удобнее. Но в то же время, поскольку воспоминание о 22 апреля является нашим партийным делом, никто не в праве восставать и против решения нашей партии считать днем рабочей печати не 22 мая, а 22 апреля.

Члены нашей партии должны, конечно, использовать день 22 мая в интересах партии тем способом, какой они сочтут наилучшим,—помня, однако, что этим не уничтожается значение дня 22 апреля.

3/VI—21/V.

ПРОТИВ ВЫБОРНОСТИ.

В демократическом государстве выборность должностных лиц сама собою разумеется. Нет выборности—нет и демократии. Это ясно и бесспорно. Во всех программах-минимум имеется также уничтожение постоянной армии и замена ее всенародным вооружением (милицией). А в швейцарской программе, где нет постоянной армии, прямо и ясно выражено требование: «выбор офицеров солдатами» и «одинаковое довольствие офицеров и солдат».

В программе русских социалистов-революционеров требуется также «выборность, сменяемость во всякое время и подсудность всех должностных лиц» и «уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением». Ясно, что здесь требуется выборность и должностных лиц народного ополчения.

Как только разразилась революция, жизнь пошла в сторону осуществления требования выборности и в гражданском управлении, и в армии: солдаты стали сменять царских ставленников—командиров. Буржуазия не хочет демократии, и Временное Правительство стремится отнимать власть у выборных органов и усиливать власть своих комиссаров. Это, конечно, явно

---

*) В Совете большевики были в то время в меньшинстве.

реакционная политика по отношению к завоеваниям, уже сделанным революцией.

Та же реакционная политика ведется и в армии: военные министры и всякие генералы, выслужившиеся при царе, борятся против выборности должностных лиц, стараются ограничить права выборных войсковых комитетов. В этом смысле явно реакционным является и приказ Керенского о правах военно-служащего: этот приказ ведет не вперед, а назад, поближе к порядкам, бывшим при царе. Тем не менее, приказ Керенского встретил поддержку московских меньшевиков («Вперед») и соц.-революционеров («Труд»).

В газете «Труд» было даже высказано, что в армии нельзя допустить выборности должностных лиц («начальников»), потому что избирался бы не знаток дела, а хороший человек. Но это соображение применимо ко всяким серьезным выборам, потому что везде требуется «знаток дела». Эта мысль глубоко враждебна демократии, не говоря уже о том, что она является изменой собственной программе с.-р.

Это рассуждение не демократов, а людей белой кости. К нашему удивлению, газета «Труд» не признала своей ошибки, а обрушилась на нас истерикой г. М. Вишняка. Он возражает, что автор статьи—не человек белой кости, а крестьянин и достойный человек. Охотно верим этому. Но разве это возражение? Разве крестьянин и хороший человек не может рассуждать по образцу людей белой кости? В этом все и дело!

По поводу истерики г. М. Вишняка мы ограничимся еще одним указанием. Он призывает сравнить нашу статью о приказе Керенского с самим приказом. Мы всецело присоединяемся к этому приглашению. Пусть читатель сам разберет, кто прав.

6/VI—24/V.

О т. ЛЕНИНЕ.

В нашу редакцию поступила просьба дать биографические сведения о тов. Ленине. Вообще среди нас, большевиков, нет обычая выдвигать отдельных лиц, рассказывая их биографию. Обыкновенно это делается только после смерти товарища. Но в виду той травли, которая ведется сейчас в буржуазной печати против личности т. Ленина, и в виду просьб со стороны товари-

щей-рабочих, мы считаем возможным на этот раз отступить от своего обычая.

Настоящее имя тов. Ленина—Владимир Ильич Ульянов. Он—сын чиновника. В настоящее время ему около 50 лет, кажется, родился он в Симбирске. Семья Ульяновых была большая и дружная. В 1887 году старший из братьев, Александр Ильич Ульянов, был казнен в Петрограде за покушение на жизнь царя Александра III. Александр Ульянов был очень способный молодой ученый, которого прочили в профессора.

Казнь любимого старшего брата Александра не могла пройти бесследно для его младших братьев и сестер. И мне всегда, глядя на Ленина, думалось:

— Вот человек, крещенный для революции кровью любимого брата.

То же думалось и о его сестрах, которые всю жизнь провели то в тюрьме, то в революционной работе (старшая из них была освобождена из тюрьмы нынешней революцией).

Владимир Ильич стал выделяться своими способностями, начитанностью и революционностью еще будучи студентом. Вскоре появились и его первые статьи в печати, подписанные «Тулин».

Конечно, Вл. Ил. очень скоро угодил в Сибирь, где много занимался и написал всем известную книгу «Развитие капитализма в России». После ссылки он сговорился с Мартовым и Потресовым выехать заграницу. Там они трое, вместе с Плехановым, П. Аксельродом и В. Засулич, основали газету «Искра». Вокруг «Искры» скоро об‘единились почти все русские социал-демократы, и создалась всероссийская партийная организация. В 1903 году состоялся заграницей с‘езд этой организации; был избран центральный комитет.

На этом же с‘езде, однако, начался и раскол, появились «большевики» и «меньшевики». Мартов, Потресов, Аксельрод и Дейч стали на сторону меньшевиков, а Плеханов и Ленин на сторону большевиков. Вскоре и Плеханов перешел к меньшевикам.

Во время революции 1905 года т. Ленин приехал в Россию и жил сначала недолго в Петрограде, а потом под Петроградом в Финляндии,—кажется до осени 1907 года. После того, ему пришлось опять уехать заграницу и только теперь вернуться.

Статей т. Ленина печатано бесчисленное множество. Почти половина были нецензурными. Некоторые статьи с урезками, ради цензуры, были, однако, изданы отдельными книгами. Таковы:

Вл. Ильин. За 12 лет. Сборник статей. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии. Петербург, 1908 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Вл. Ильин. Аграрный вопрос. Ч. I. Петербург, 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Есть еще книжка по философии о материализме и эмпириокритицизме. Есть много брошюр, которые теперь трудно достать.

Владимир Ильич менял подписи под своими статьями, частью ради цензуры, частью же вследствие особенностей своего характера. Дело в том, что у него нет так называемой «личной жизни»; он весь—в революции. Пища, квартира, одежда, развлечения—обо всем этом он никогда не думает; не думает и о деньгах. У него одна только забота—о партии. Между тем, обыкновенно писатели стараются создать славу своему имени ради того, чтоб им больше платили. У Владимира Ильича нет, поэтому, стремления к славе; он враг всякой рекламы своего имени.

Непримиримая революционность Вл. Ильича заставляет его совсем не думать о том, что о нем скажут другие; он делает то, что считает правильным. Это создает ему массу врагов и вызывает непримиримую ненависть к нему со стороны буржуазии. Буржуазия не может опровергнуть правильность его мыслей и потому борется против него путем лжи и клеветы.

Например, недавно ему в вину поставили, что вокруг него были провокаторы. Но, живя заграницей, Вл. Ильич никого сам не привлекал и не мог привлекать в партию. Он имел дело только с теми, кто приезжал из России с рекомендацией от партийной организации. Приезжали на совещание, на несколько дней. Конечно, в такой короткий срок нельзя было Вл. Ильичу разгадать провокатора в человеке, которого прислали к нему из России от имени партийной организации.

Но чаще всего клевещет на Вл. Ильича буржуазия, приписывая ему слова, которых он не говорил. Нужно самим читать то, что пишет тов. Ленин, чтобы судить, в чем он прав и в чем неправ. Нужно и его самого просить почаще подписывать свои статьи одним и тем же именем «Ленин».

Необходимо, чтобы близкие к Владимиру Ильичу люди поспешили издать сборники его старых статей: сам он никогда не удосужится это сделать,—такой уж у него характер. Особенно я считаю неотложным издать сборники его статей из старой «Правды», из «Звезды», «Просвещения» и заграничной газеты «Социал-Демократ»,—вообще статьи с 1911 г. до наших дней. Не нужно смущаться тем, что этих статей очень много.

8/VI—26/V.

РАЗБОЙ В МОСКВЕ.

Газеты сообщают, что 25 мая в Москве было произведено разбойное нападение на лавку Макеева, на Ильинке. Из пяти нападавших задержан один. Как сказано в газетах, разбойник назвал себя Рогге, большевиком.

По этому поводу нужно сказать следующее. В 1907 году, когда революция была безнадежно подавлена и когда по всей России работали виселицы Столыпина, вдохновляемого А. И. Гучковым и вообще буржуазией, проявилось в разных партиях России (преимущественно, среди польской социалистической партии и среди социалистов-революционеров), так называемое, «экспроприаторское» движение, скоро выродившееся в простой грабеж. Экспроприации принесли неисчислимый вред делу революции и были осуждены, кажется, всеми партиями без исключения.

Во всяком случае, нашей партией грабежи (экспроприации) были осуждены давно, резко и бесповоротно. Не только участники грабежей, но и все, кто пропагандируют грабеж или подговаривают к нему, или одобряют его, подлежат решительному и немедленному исключению из партии, так же, как провокаторы и вообще бесчестные люди.

В нашей московской партийной организации много тысяч членов, и мы еще не имели возможности проверить, не проник ли в организацию и грабитель, арестованный на Ильинке. Обязанность всех членов партии—поскорее выяснить этот вопрос; и если в нашу семью действительно успели обманом проникнуть сообщники Рогге, то они должны быть немедленно удалены из партии; подлежит удалению и всякий, кто их будет защищать или оправдывать.

До сих пор в нашей среде не было слышно о возрождении экспроприаторских настроений, гибельных для дела революции. Поэтому, мы надеемся, что и заявление Рогге о его принадлежности к большевикам окажется или ложью с его стороны, или выдумкой буржуазных хроникеров.

Редакция „Социал-Демократа“.

9/VI—27/V.

В ДЕРЕВНЕ.

Нам доставлены очень интересные документы из Бессоновской волости, Белгородского уезда, Курской губ.; речь в них идет только о делах одной волости. Но можно быть уверенным, что таких волостей многие тысячи. И жизнь этой волости отразила, как в зеркале, общее положение дел в России.

Началось с того, что волостной комитет установил общую плату сельским рабочим: мужчине—3 р., женщине—2 р. 50 к., подростку—1 р. 50 к., человеку с лошадью—8 рублей в день. Вспомните, что деревня переплачивает теперь на ситце, железе, сахаре и т. п., чуть не в десять раз больше против прежнего. Значит, по старым ценам на товары, эта плата совсем низкая.

4 мая управляющий имением Иоста дал подписку, что согласен платить эту плату. Но в то же время в Петроград был, как полагается, послан ложный донос на крестьян. И, как полагается, в министерстве дали полную веру доносу помещиков, не спросивши крестьян. О характере доноса можно судить по телеграмме из министерства, подписанной Хрущовым; в ней сказано:

«Обращаюсь к гражданам Бессоновского комитета с горячим призывом не омрачать нового свободного строя чувствами мести и злобы, не чинить арестов и насилий над землевладельцами, управляющими, хуторянами и крестьянами, желающими обрабатывать и засевать свои поля, не нарушать установленных севооборотов, не снимать с работ рабочих и военно-пленных, не производить порубки частновладельческих лесов, садов; не отбирать инвентарь, скот и рабочих лошадей, не препятствовать найму рабочих и установлению цен на рабочие руки по взаимному соглашению сторон».

Далее, рекомендуется во всем ждать до решения Учредительного Собрания, а при спорах обращаться в уездный земельный комитет.

Получив телеграмму Хрущова, бессоновцы пришли в полное недоумение: в волости было все спокойно, никто никого не трогал. Все дело только в том и заключалось, что крестьяне назначили заработную плату «по справедливости». Телеграмма Хрущова внесла беспокойство; и крестьяне пишут солдатам в Москву:

«Не дайте нам пропасть: ведь нас осаждают со всех сторон! Нашему комитету грозит опасность! Нас обвиняют в беспорядках!»

Тревога крестьян понятна: ведь если бы у министерства земледелия была в руках сила, то оно послало бы, в ответ на ложный донос, не телеграмму с «горячим призывом», а солдат с горячими розгами,—думают крестьяне и взывают к солдатам о защите. Очевидно, министерство телеграфировало не только в Бессоновский волостной комитет, но и в уездный земельный комитет.

Уездный комитет уже рассматривал 22 апреля плату, установленную бессоновцами, и известил их, что «дело установки цен на рабочие руки зависит от соглашения вол. комитета с работодателями, а установленные Бессоновским вол. комитетом цены (считает) невысокими и приемлемыми». Но после телеграммы Хрущова картина меняется: бумагой от 15 мая уездный комитет извещает бессоновцев, что ввиду сложности вопроса об установлении нормы заработной платы, разработка его поручена комиссии. Предвидя, вероятно, что комиссия затянет дело до осени, уездный комитет спешит понизить плату, установленную бессоновцами: взрослому рабочему специалисту до 2 р. 50 коп., обыкновенному рабочему—2 р., женщине—1 р. 50 к.

Министерство, не имея пока что, сил послать в Бессоновку команду для усмирения мирных жителей, добивается все же, чрез посредство уездного комитета, понижения заработной платы до нищенского уровня. По этому поводу сами бессоновцы пишут о действиях уездного комитета, что он требует от нас соглашения с работодателями, мы соглашаемся, а он опять путает. И добавляют: «на-днях помещик пригласил нашего начальника милиции и обещал дать ему 300 р. за то, чтобы он за-

ставил рабочих работать по цене 1 р. 50 к. в день; он, конечно, отказался».

О том, каковы действительные аппетиты помещиков, можно судить по письму женщин-крестьянок, работавших у помещицы Ек. Ал. Озеровой, в той же Бессоновской волости. У помещицы работали Н. Неструева, П. Остапенкова и Т. Слизкоухова по 24 дня; М. Остапенкова, С. Неструева, Н. Игнатова, П. Серкова, О. Горденкова, З. Тимофеева, Е. Кузнецова, Е. Веретельникова, М. Горенова, Ф. Коняшенкова, А. Остапенкова и П. Нестеренкова от 5 до 17 дней каждая. Работали мужскую работу, а плата—«почем у людей». Когда же пришло время расплачиваться, помещица Озерова не пожелала дать больше 50 коп. в день,—то-есть, по нынешним ценам хотела получить работу даром. Как на это посмотрят господа Черновы и Хрущовы?

За одно с помещиками стоят и бессоновские попы-черносотенцы Иван и Николай: они натравляют темных людей на тех, кто желает закрепить свободу.

В заключение бессоновцы обращаются к солдатам и говорят:

— Товарищи! Вы нам дали свободу. Ваша кровь лилась на фронте и в дни революции. Поэтому, ваше право сказать слово, как мы должны поступать с такими господами. Если мы не будем иметь поддержку от вас, нам почти не в силу вести борьбу с ними. Они капиталисты, а мы все безденежные.

Бессоновцы правы: солдаты не должны забывать про деревню. Они имеют право и должны сказать свое слово о деревенских делах. Но и мы, в рабочей газете, тоже имеем право и должны высказать свое мнение.

Из документов, присланных из Бессоновской волости, видно, что революция пока что изменила внешность правительства, а нутро осталось старое: попрежнему против бедного крестьянина с сошкой стоят с ложкой все,—от попа до министра. И ясное дело, что революция еще не кончена. Ее нужно продолжать. Для этого нужно:

1) не доверять министрам буржуазного или коалиционного правительства;

2) не ждать ни в чем до Учредительного Собрания, а делать все самим (через свои организации). Если останутся на своих местах до Учредительного Собрания черносотенные попы Иваны, да Николаи, и помещики Озеровы да Иосты, и уездные земельные комитеты с Власовыми и Щелоковыми (как в Белго-

роде), то и в Учредительное Собрание они сумеют провести всяким обманом своих людей. И тогда не увидать русскому крестьянству ни земли, ни воли. Будут только вспоминать: по усам текло, да в рот не попало.

Революция продолжается, она не кончена,—это прежде всего и всякую минуту должны помнить рабочие, крестьяне и солдаты.

9/VI—27/V.

КТО СЕЕТ РАЗДОР.

С самого начала революции буржуазия употребляет все меры, чтобы расколоть демократию. Сначала пытались натравить солдат против рабочих из-за восьмичасового рабочего дня. Это гнусное дело не удалось. Потом, также неудачно, пытались натравлять деревню против города, фронт армии против ее тыла. О травле большевиков и говорить нечего. Теперь, с благословения военного министра, пытаются натравить уже одну часть фронта против другой. В газетах появилась телеграмма:

> Петроград, 26/V. Комиссар временного правительства при 7 армии прислал на имя военного и морского министра А. Ф. Керенского следующую телеграмму:
>
> «12 дивизия: 48 полк выступил в полном составе; 45 и 46 полки в половинном составе строевых рот; 47 отказывается выступить. Из полков 13 дивизии выступил почти в полном составе 50 полк. Обещает выступить завтра 51 полк, 49 не выступил по расписанию, а 52 отказался выступить и арестовал всех своих офицеров».
>
> Временное Правительство постановило: 45, 46, 47 и 52 полки расформировать, подстрекавших к неповиновению офицеров и солдат предать суду.

Из этой телеграммы видно, что обе дивизии раскололись приблизительно на равные части. И вот теперь одна часть должна будет расправляться с другой частью. Как произошел этот раскол, из телеграммы не видно. Но как раз сегодня нами получено письмо, из которого видно, как вообще производится на фронте это иудино дело натравливания одной части солдат против другой. Автор письма пишет с фронта:

«С 15 до 20 мая носились слухи, что наши полки или вся дивизия будут отправлены на фронт, но не против неприятеля, а для усмирения солдат пехотной дивизии, которые про-

изводят братания, портят железную дорогу и хотят расстрелять артиллеристов. И, действительно, наши два полка были посланы.

Но нам было неприятно воевать против своих же, так как могли быть безвинные жертвы, и мы послали вперед депутатов от эскадрона. Депутаты выяснили, что все было ложь. Прибыв в артиллерию, они узнали, что баттарейцы сильно боятся пехоты, в которой происходят частые митинги и есть злой оратор прапорщик Алексеев, которого мы два раза арестовывали и отвозили в штаб корпуса; сверх того, пехотинцы присылают к нам шпионов, которые выдают немцам наши баттареи и хотят нас расстрелять за аресты прапорщика Алексеева.

Выслушав артиллерию, депутаты нашего эскадрона перешли в пехотную дивизию, где выяснилось следующее. Пехотинцы жили своей тесно сплоченной семьей, не имея вражды к артиллеристам. Очень любили, как товарища, прапорщика Алексеева, который давал им пример праведной жизни. Делали частые митинги. Во время одного митинга под'ехал автомобиль с казаками, арестовал Алексеева и увез в штаб корпуса; мы попросили вернуть его, нам вернули. Но пришли какие-то ложные приказания из штаба корпуса, чтобы явился прапорщик Алексеев; несмотря на ложность, Алексеев пошел узнать, в чем дело, но по дороге его увез темный автомобиль. После этого у нас явилось недоверие: мы думали, что баттарейцы будут расстреливать нас, а они думали, что мы их. Вот и потребовали вашу дивизию стрелять друг в друга безвинно».

Благодаря выяснению дела, кровавое усмирение пехотинцев кавалеристами не состоялось. Но разве нельзя было рассеять недоразумений, не вызывая два полка для усмирения? Конечно, можно было. И естественно является подозрение, что кому-то нужно было натравить одну часть армии на другую,— кавалерию и артиллерию на пехоту, чтобы воскресить то недоверие между солдатами, которое царило до революции.

Отсюда ясна обязанность всякой воинской части, которую посылают против своих же, против солдат, рабочих и крестьян: никому не верить на слово, а посылать непременно своих депутатов—солдат для выяснения дела.

12/VI—30/V.

ПРАВДА ЛИ?

В наши дни, когда черные силы реакции спрятались в подполье, подозрительность обязательна. Необходимо зорко присматриваться к деятельности тех, кому революция не выгодна. В числе учреждений, которые должны привлекать наше внимание, находятся организации Земгора, Земского союза и Городского союза: это организации крупных помещиков и капиталистов.

Поэтому мы считаем себя обязанными опубликовать следующий слух. Это только слух, за полную достоверность которого мы еще не можем поручиться. Но даже, как слух, он должен остановить на себе общее внимание.

Говорят, будто бы ген. Брусилов передал Земскому союзу миллион рублей на основание в Москве новой газеты, которая должна будет проводить брусиловскую линию и агитировать за «войну до конца».

Тут возникают вопросы: откуда взялся этот миллион у Брусилова? Какая особенная надобность явилась у Брусилова в газете, требующей так много денег? Не является ли основание этой газеты началом об'единения тайных сил реакции? Или же газета явится органом уже состоявшегося об'единения, выдвигающего ген. Брусилова в роли своего вождя?

Повторяем: мы передаем только слух. Лиц, знающих это дело более подробно, просим сообщать сведения в нашу редакцию.

Говорят, будто бы Земский союз выживает нашу газету из типографии именно для того, чтобы очистить место для брусиловской газеты.

12/VI—30/V

ИМЕЮТ ЛИ СИЛУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО С. Р. Д?

Недели две тому назад мы рассказали читателю, как буржуазная организация Земский союз*) старается задушить газету «Социал-Демократ», лишив ее типографии. Мы указали

*) Земский союз—организация помещиков для снабжения армии во время войны,—на деле, между прочим, и для укрывательства помещиков от призыва в армию.

тогда, что типография эта (бывшая Левенсона) находится в нашем пользовании, как реквизированная по постановлению Совета Рабочих Депутатов. Мы обратились в Совет,—и, как мы слышали, от Совета было послано в типографию запрещение выживать нашу газету.

Но Земский союз не придает никакого значения постановлению Совета. Мы вновь получили от типографии извещение, что печатание газеты в типографии б. Левенсон должно прекратиться; отсрочка дается лишь до 15-го июня и на более стеснительных условиях.

Таким образом, перед всем московским пролетариатом полностью ставится вопрос: имеют ли какую-нибудь силу постановления его Совета Рабочих Депутатов? Или же каждый агент правительства (Земский Союз работает на казенные деньги) имеет право открыто и нагло плевать на всякое постановление Совета и его органов? Помните, читатель: дело идет уже не только о нашей газете. К ней вы можете относиться, как угодно, даже враждебно. Не о защите нашей газеты мы теперь должны думать и говорить, а о защите силы, влияния и авторитета Совета Рабочих Депутатов.

Ведь ясно, что если сегодня агенты правительства (Земский союз) идут против нас, крайних левых, и если им удастся задушить нашу газету, то завтра эти господа обнаглеют и пойдут дальше,—уже не только против нас. Поведение Земского союза по отношению к решениям Московского Совета Рабочих Депутатов—это новая и хитрая попытка уничтожить ту власть, которая так не по сердцу буржуазии, это попытка уничтожить силу Совета Рабочих Депутатов.

Мы обратились по этому поводу в Совет. Но этого мало. Мы обращаемся и ко всему пролетариату и ко всем солдатам Москвы с вопросом:

— За кого вы стоите, товарищи? За Советы Рабочих и Солдатских Депутатов или за буржуазный Земский и Городской союзы, которые перед самой революцией применяли розги к своим рабочим дружинам? Если вы стоите за целость и за авторитет Совета, то вы должны понудить Совет Рабочих Депутатов принять самые решительные меры против Земского союза.

Мы обращаемся также и ко всем партийным товарищам:

— Товарищи! В самый разгар избирательной кампании вас хотят лишить орудия избирательной борьбы, хотят унич-

тожить вашу газету. Земский союз—ведь это ставленник старых дворянских, помещичьих земств. Эти реакционеры доживают свои последние дни, если демократия победит на местных выборах; и они спешат палить в нашу газету, как в Петрограде палили в народ с крыш из пулеметов, когда революция уже побеждала.

Неужели, товарищи, вы потерпите это? Неужели согласитесь остаться без газеты?

12/VI—30/V.

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ И СОЛДАТЫ!

Сегодня истекает срок, данный нам типографией для печатания газеты «Социал-Демократ». Мы обращались к комиссару г. Москвы Кишкину. Он обещал указать типографии на невозможность прекращения печатания «Социал-Демократа». О результате разговора г. Кишкина с администрацией типографии нам ничего не известно,

Товарищи! Сегодня вечером присылайте делегатов в редакцию и в типографию за справкой о том, что же решила делать администрация типографии Левенсон. Помните: если не выйдет 1 июня наша газета, то в Москве не должна выйти ни одна буржуазная газета.

Товарищи-солдаты! Товарищи-рабочие! Готовьтесь принять сегодня самые решительные меры для спасения своей газеты.

Редакция „Социал-Демократа“.

13/VI—31/V.

ОПОРА САМОДЕРЖАВИЯ.

Было бы большой глупостью думать, будто самодержавие держалось только чиновниками и полицией. Настоящей его опорой были помещики и высшая буржазия, организованные между прочим в городские думы и земства. Правда, думы и земства не всегда ладили с министрами, но это были нелады в своей семье. Против рабочих и крестьян земцы и думцы всегда стояли заодно с самодержавным правительством.

В начале войны земцы и думцы образовали Всероссийский Земский Союз, Всероссийский Городской Союз и Земгор. В

настоящее время эти союзы стали опорой реакции и скоро превратятся в очаги контр-революционных заговоров. На это нужно обратить серьезное внимание.

В газетах появилась телеграмма из Минска о том, что в связи с волнениями рабочих Земского и Городского союзов, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов возбудил вопрос о правительственной ревизии этих союзов, где рабочие живут в ужасных условиях. Решено немедленно переселить рабочих из отведенных им бараков.

Ревизия необходима. Ведь еще до революции было опубликовано, что Союзы применяют к рабочим розги и обсчитывают их. Есть также указания, что в учреждениях и предприятиях союзов царит воровство.

Но никак нельзя удовлетвориться ревизией правительственной: ведь во главе Земского Союза стоял князь Львов, который теперь является председателем Временного Правительства. Поручить ревизию правительству—это будет означать поручить ревизию над князем Львовым самому же князю Львову.

Настоящая ревизия Земскому и Городскому Союзам может быть произведена только с переходом власти к Советам рабочих и солдатских депутатов. Только тогда раскроется в полной мере, что такое представляли из себя Земский и Городской Союзы. У нас уже имеются некоторые любопытные данные. Но мы хотели бы собрать побольше материала; просим товарищей о его доставке в редакцию.

13/VI—31/V.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Вечером 31 мая, когда решался вопрос о типографии для газеты «Социал-Демократ», нашу редакцию посетили многочисленные делегаты от районов, профессиональных организаций, солдатских частей и прочие. Приезжали даже из окрестностей Москвы делегаты с тревожным вопросом: выйдет ли завтра газета?

Отозвались и товарищи печатники. Товарищи из типографии Левенсона пришли с заявлением, что они приложат все силы, чтобы не допустить приостановки нашей газеты. В профессиональном союзе печатников вынесено постановление*),

*) Это постановление было вынесено уже после того, как в «Соц.-Демократе» был напечатан в № 69 соответствующий призыв.

чтобы ни одна буржуазная газета в Москве не вышла в свет, если не выйдет хоть одна социалистическая газета.

Все эти знаки тревоги, сочувствия и готовности на самые решительные меры для защиты своей газеты создают уверенность, что пролетариат и солдаты Москвы и в будущем сумеют оградить свою печать от подлых покушений буржуазии. Зная это, руководящие организации пролетариата на всякое покушение буржуазии могут теперь отвечать твердо и уверенно:

— Только посмейте! Руки прочь! Ваше самодержавие кончилось вместе с царским самодержавием!

Пролетарии и солдаты! С полной верой в свою силу дружно вперед к полному закреплению своей свободы!

15—2/VI.

КОМУ ПРАВА.

Как только было опубликовано о составе юридической комиссии для выработкиправил о созыве Учредительного Собрания, мы тотчас указали, что примириться с таким составом невозможно: юридическая комиссия на три четверти составлена из представителей буржуазии, и только одна четверть ее членов может считаться более или менее близкой к рабочей и крестьянской массе. Теперь юридическая комиссия начала составлять проект, и уже обнаружилось, куда она клонит.

Поднялся вопрос, кого следует лишить избирательного права. Зашла речь о бывшей царской фамилии, о Романовых. Демократические члены были против того, чтобы давать им право участия в выборах, а буржуазные за то, чтоб дать. Конечно, решено так, как желает буржуазия. Получит право и бывший царь, и его жена, и все родственники. Конечно, их немного, и их голоса мало значат. Но, ведь они получают право не только избирать, но и быть избранными. Какой простор для агитации черной сотни! И разве мы не имеем примера во Франции, где избранный племянник Наполеона быстро превратился в императора?

Другой вопрос о дезертирах. Наша газета только что начала собирать сведения о причинах дезертирства. И уже выяснилось, что самовольно отлучаются солдаты не с фронта, где у них есть дело, а с тыла. Отлучаются из казармы многие из-за безделья, чтобы поработать на своем поле, помочь старикам.

Таких—многие тысячи. Они взяли бы отпуск, да не дают. А сидеть в рабочую пору без всякого дела невмоготу исконному крестьянину. Он беспрекословно вернулся бы в казарму, когда понадобится, по первому требованию. И вот, вместо отпуска, его приравнивают к худшим ворам и разбойникам, его лишают права участвовать в выборах в Учредительное Собрание.

Таким крестьянам-солдатам—тюрьма и бесправие. А царским родственникам и бывшему царю—все права. И все права—тем купцам и помещикам, которые дезертировали в «работу на оборону».

Вот куда клонит буржуазия: побольше прав царским родственникам и приспешникам, и поменьше прав—всему народу. И вот эту-то политику покрывают меньшевики и эс-эры, пославшие в правительство Скобелева, Церетелли и Чернова!

Сделан первый шаг к подтасовке Учредительного Собрания, к тому, чтобы оно не было результатом всеобщего избирательного права. Новые шаги в том же направлении не заставят себя ждать. Как оценить после этого политику тех господ, которые проповедуют, что до Учредительного Собрания земля должна оставаться в руках помещиков, главной опоры самодержавия?

16—3/VI.

ОТКУДА ЭТИ СЛУХИ?

В № 71 нашей газеты рассказано, со слов солдат, приехавших с фронта, что там упорно распространяются слухи, будто тов. Ленин является сторонником Николая II, будто он ходит по Петербургу с царским портретом. Откуда могли появиться столь дикие, столь нелепые слухи? Чья это работа?—спрашивали мы.

Теперь у нас имеется ответ. В № 9 газеты «Красное Знамя» мы прочли статью против «Окопной Правды». Статья по тону—чисто погромная, по содержанию—неверная. А заканчивается она следующей фразой, обращенной к большевикам:

> «Спасибо сердечное скажет Вам... Николай II Кровавый и вся банда его приспешников, с восторгом следящая за вашей, разрушающей революцию, подкопной неправдой».

Меньшевистская газета, из которой мы привели эти слова, издается в Риге.

17—4/VI.

НАКАНУНЕ ЧЕГО?

Вчера в нашей газете было перепечатано сообщение из «Правды» о том, что телеграфировал в английскую газету ее Петроградский корреспондент. Он телеграфировал, будто «Совет стремится захватить власть», будто «массы ошалели» и, самое важное, будто «время решительных действий правительства близко»,—«оно имеет достаточно военных сил».

В связи с этим приходится обратить серьезное внимание на вчерашнее сообщение буржуазных газет о письме Родзянки. Родзянко разослал членам Госуд. Думы приглашение не разъезжаться из Петрограда, так как политические события требуют, чтобы члены Госуд. Думы были наготове, «так как невозможно установить, когда и где их деятельность может оказаться совершенно необходимою». «Эти обстоятельства могут наступить внезапно»,—говорил Родзянко.

Итак, от английского корреспондента мы узнали, что у правительства достаточно военных сил, и что близко время решительных действий против Советов Раб. и Солд. Депутатов. А от Родзянки слышим, что буржуазно-помещичья, монархическая Госуд. Дума должна быть наготове. «События могут наступить внезапно»—говорит Родзянко. Внезапно для нас с вами, читатель. Но, очевидно, не внезапно для князя Львова и Родзянки. Вместе с французскими и английскими «верными друзьями» бывшего царя, эти господа, вместе со всеми помещиками и капиталистами, очевидно думают:

— Масса ошалела. Пора надеть на нее узду и поставить в оглобли. В наших руках достаточно военных сил. Будем наготове!

Таков прямой смысл сообщений, напечатанных во вчерашней газете. Повидимому, мы накануне каких-то важных событий, подготовленных втайне, под шумок, пока «социалистические» министры забавляли публику своими театральными выступлениями, и пока эс-эры и меньшевики старались укреплять доверие к правительству. Не хотелось бы верить, что рабочим, крестьянам и солдатам предстоит так скоро расстаться со свободой, с завоеваниями революции. Но если уже начались усмирения, аресты и расстрелы и в тылу, и на фронте, то дальше это пойдет легче. Лиха беда—начало.

Кстати, вот еще два сообщения из последних газет:

Кн. Львов восстановил звание «великого князя»,—так назывались близкие родственники царя.

Комиссия для выработки правил созыва Учредительного Собрания установила право участия в выборах царя и его родственников.

А. Керенский по поводу запрещения воинского украинского с'езда заявляет:

> «Я никому из военнослужащих сейчас временно не разрешаю с'ездов, совершенно независимо от того, кто и с какой целью их устраивает, так как в данный момент, в виду исключительных военных обстоятельств, я не могу взять на свою ответственность отсутствие кого-либо из воинских чинов из своих частей. Бывают в жизни армии такие моменты, когда все во что бы то ни стало должны быть на своих местах. Такой именно момент мы сейчас переживаем».

Какой же это особый момент мы переживаем, по сравнению с мартом и апрелем? Не в том ли заключается особенность этого момента, что мы возвращаемся к порядкам Штюрмера и Протопопова?*) Ведь при них тоже «временно» запрещены были всякие с'езды, «совершенно независимо от того, кто и с какой целью их устраивает».

Не слишком ли мрачно я настроен? Хотелось бы верить в безоблачное, светлое будущее. Но ежедневно, почти каждый шаг Временного Правительства вызывает в последние дни невольную тревогу. Наступление уже началось; оно уже идет, но только не на германском, а на внутреннем фронте.

17—4/VI.

ПОЛНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В Петрограде на чисто пролетарской конференции фабрично-заводских комитетов на сторону большевиков, в вопросе о борьбе против экономической разрухи, стало 295 делегатов; за другую резолюцию, которую в основном принял и докладчик большевиков, подано 45 голосов; а за резолюцию меньшевиков—70. То-есть, меньшевики собрали немногим более шестой части голосов.

В том же Петрограде, в Совете Раб. Деп. (без солдат), по вопросу о разгрузке Петрограда, за резолюцию большевиков

---

*) Царских министров.

(Центр. Бюро) подано 173 голоса, а за резолюцию Исп. Ком. Совета—144 голоса. Меньшевики и эс-эры остались в меньшинстве.

Таким образом, петроградский организованный пролетариат в большинстве своем стоит на стороне пролетарской партии большевиков. Но и мелкобуржуазное влияние еще сильно: на конференции оно подчинило себе 70 человек из 410, а в Совете—даже 144 человека из 317.

Иную картину распределения сил, естественно, должны были дать выборы в городские районные думы. Здесь организованному пролетариату противостояла мелкобуржуазная масса населения. И союз мелкобуржуазных партий (эс-эров и меньшевиков) получил подавляющее большинство голосов, в числе которых несомненно были и многие десятки тысяч голосов рабочих, еще не освободившихся от мелкобуржуазного влияния.

В настоящее время происходит в Петрограде Всероссийский с'езд представителей Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. И здесь наблюдается то же, что мы видели при городских выборах в Петрограде: подавляющее большинство голосов принадлежит меньшевикам и социалистам - революционерам. Не остается никаких сомнений, что в руках этих двух партий сейчас находится главная сила, что огромное большинство населения идет за их лозунгами, возлагает на них все свои упования.

Но эта колоссальная сила, это огромное доверие налагает на меньшевиков и социалистов-революционеров всю полноту политической ответственности за положение дел в России. Влияние буржуазии, как показали выборы в Петрограде, ничтожно. Сравнительно невелико и влияние большевиков.

Союз меньшевиков и социалистов-революционеров имеет силу и возможность проводить свою политику в чистом виде, без всяких компромиссов, без уклона вправо или влево. Всякий уклон, однако, может только еще более укрепить их положение: при уклоне вправо их поддержит буржуазия, а при уклоне влево—пролетариат (большевики).

Указание на их неполноту власти во Временном Правительстве теряет политический смысл: если в правительстве против их шести министров стоит десять чисто-буржуазных министров, то на это теперь—добрая воля меньшевиков и социалистов-революционеров. Ибо ясно, что если бы они захотели

занять все 16 министерских мест своими представителями, то они не встретили бы в стране силы, способной им помешать. Не могло бы быть никакой гражданской войны. Могут быть только реакционно-буржуазные заговоры, которые легко задушить. Меньшевики и эс-эры уже не имеют теперь возможности оправдывать себя тем, что во Временном Правительстве они в меньшинстве и поэтому не могут полностью осуществлять свои планы, свою политическую программу.

У меньшевиков и социалистов-революционеров в настоящее время—вся полнота политической силы. И на них же ложится вся полнота политической ответственности. Теперь по отношению к ним должен ставиться вопрос не о том, хватит ли у них силы, а только о том, найдется ли у них желание быстро и решительно покончить со всякими пережитками самодержавия и осуществить полностью демократическую программу политического преобразования страны.

19—6/VI.

РАССЛЕДОВАНИЕ НЕОБХОДИМО.

В Кирсанове произошло кровавое усмирение. Кого же усмиряли? По словам вчерашней телеграммы правительственного агентства, арестованный Трунин—психически больной, а за его спиной скрывались черносотенцы. А по словам газеты «Утро России», Трунин виноват тем, что, будучи капиталистом, перешел на сторону народа. Обозленные капиталисты оклеветали Трунина, а правительство поверило клеветникам и послало войска для усмирения.

Сообщение газеты «Утро России» уже дало повод «Вечернему Курьеру» сравнивать деятелей Временного Правительства с Мином, Ренненкампфом и ротмистром Трещенко. Вот какое обвинение брошено в лицо Чернову и Керенскому, Скобелеву и Церетелли!

«Утро России»—буржуазная, подлая, лживая и грязная газета,—судя потому хотя бы, что она печатает о т. Ленине и о Роберте Гримме. И все-таки ее рассказа о расстреле в Кирсанове нельзя обойти молчанием. Необходимо вывести дело на чистую воду. Если «Утро России»—грязная газета, то, ведь, и Керенский в последних приказах, как говорится, закусил

удила по части репрессий, будто задался целью итти по стопам Плеве, Мина и Трещенко.

Где же правда? Как ее выяснить? Необходимо послать в Кирсанов комиссию из представителей разных партий. Московские Советы Рабочих и Солдатских Депутатов не могут, не смеют пройти мимо этого вопроса. Они должны взять на себя инициативу расследования.

«Известия Моск. Сов. Раб. Депут.» поступили не совсем осторожно, приняв на веру рассказ «Утра России». Нужно его проверить на месте. Ибо, если этот рассказ верно передает, что произошло в Кирсанове, то перед нами встает поразительная картина, над которой придется очень серьезно призадуматься.

21—8,VI.

ПРАВЯЩАЯ ПАРТИЯ.

В статье «Полная ответственность» (№ 74 «С.-Д.») я указал, что в настоящее время вся полнота политической силы в России находится в руках партий эс-эров и меньшевиков. На городских выборах в Петрограде они получили подавляющее большинство голосов; такая же подавляющая сила оказывается в их руках и на Всероссийском С'езде Советов Раб. и Солд. Депутатов. Это—не сила самодержавия, державшаяся только на полицейском гнете: это сила, основанная на доверии к эс-ерам и меньшевикам со стороны огромного большинства населения.

Против такой силы всякое восстание вооруженной рукой будет бессмыслицей, против такой силы всякая попытка справа (кадетов и черносотенцев) восстановить путем заговора старый порядок—обречена на наизбежное поражение,—кроме одного только случая. Именно, кроме того случая, когда контр-революционные заговорщики найдутся среди самого правительства или его крупнейших агентов, которые начнут контр-революцию под флагом самих же эс-эров и меньшевиков.

Нечего и говорить, что всякая попытка со стороны левого, революционного пролетариата поднять знамя восстания против меньшевиков и эс-эров обречена на бесплодное пролитие потоков пролетарской крови, и ни на что больше. Союз меньшевиков и эс-эров—это действительно правящая, а не только правительственная партия: этот союз не «поддерживает» правительства, а правит страной: и законодательствует, и управляет.

Еще месяц назад можно было говорить, что меньшевики и эс-эры «участвуют в буржуазном правительстве». Теперь же нужно сказать: «они держат у себя на службе 10 буржуазных министров». Эти десять не могут подавить шести, потому что в руках шести—вся сила, а в руках десяти—только обязанность слушаться и исполнять волю шести. Именно таков на деле смысл заявления Церетелли 4 июня на Всероссийском С'езде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Он заявил:

«Каждый из членов Временного Правительства отвечает как за общую политику, так и за действия каждого отдельного министра. И если бы мы рассматривали деятельность военного министра, как деятельность, идущую вразрез с общей политикой правительства, то мы или ликвидировали бы эту деятельность, или поставили бы вопрос о министерском кризисе».

То-есть, министр Церетелли указал, что деятельность каждого из министров находится в полном соответствии с волей и целями всех остальных министров. Церетелли говорил специально о войне, о наступлении; но ясно, что таково же положение и во внутренней политике. Нет и не может быть никаких серьезных разногласий между 6 и 10 министрами; Скобелев, Церетелли, Чернов и их товарищи, войдя в министерство на место кн. Львова, Шингарева и Терещенко, ни в чем не изменили бы нынешней политики Временного Правительства, если бы не захотела этого изменения правящая партия,—то есть союз меньшевиков и эс-эров.

Но правящая партия до сих пор проявляет полное удовлетворение, полное довольство деятельностью Временного Правительства; она полностью поддерживает это правительство и его политику. Правительство является лишь исполнительным органом этой об'единенной партии. Уже нельзя о меньшевиках и эс-эрах говорить, что они не могут осуществить свою программу-мининум, потому что мешают 10 буржуазных министров. А приходится говорить или о том, что нет об'ективной возможности осуществления требований программы, или же—нет желания.

Например, вопрос о провозглашении в России республики. Тут есть полная об'ективная возможность, так как у партии эс-эров и меньшевиков в руках вся политическая сила. Если же республика не провозглашается, так только потому, что на это нет желания правящей партии. И, действительно, мы не

находим в партийной печати меньшевиков и эс-эров сколько-нибудь заметного требования провозгласить республику.

То же приходится сказать и о многих других вопросах,— например, об уничтожении Гос. Думы и Гос. Совета; об обложении капиталистов новыми налогами или о повышении старых налогов на капитал; о прекращении казенных расходов на монастыри, архиереев и миссионеров-сыщиков и, наоборот, о том, чтобы монастырские и церковные капиталы обратить на нужды казны; о замене черносотенцев культурными силами в министерстве народного просвещения или в судебном ведомстве и так далее.

Во всех этих вопросах, где есть полная об'ективная возможность заменить старое новым, перемены не производятся не потому, что 10 министров мешают шести, а потому, что правящая партия меньшевиков и эс-эров не желает перемен.

Не желает на деле; а на словах, перед народом, эта партия, конечно, всегда скажет, что она остается верна своей программе. При таких условиях и лозунг о переходе всей власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов получает теперь совсем не тот смысл, какой он имел месяц тому назад. Но об этом—в особой статье.

21—8/VI.

МЕЛКИЕ НЕТОЧНОСТИ.

Соблазнившись, очевидно, примером буржуазной печати, газета московских меньшевиков стала на путь довольно свободного обращения с фактами. Берем для примера статью только в № 76—редакционную статью (передовицу). В ней три маленьких неточности:

1) Будто т. Луначарский состоит членов Центр. Комитета нашей партии. На самом деле он вовсе не состоит в партии.

2) Будто т. Рязанов «выступил на защиту дезертирства».

3) Будто Ленин предлагал арестовать 50-100 капиталистов, чтобы «таким образом добиться от остальных передачи прибыли в руки государства». На самом деле Ленин предлагал арест для расследования темных дел капиталистов, наживающихся на войне.

В № 77, в статье А. Югова, опять находим маленькую неточность. Г. Югов обличает газету «С.-Д.» в противоречии

между № 44 и 76; он умалчивает только о том, что в статьях т. М. Ольминского точно указаны новые обстоятельства, ведущие к новой оценке положения.

Таковы новые приемы деятелей газеты «Вперед». Читателям этой газеты следует почаще проверять точность ее сообщений.

23—10/VI.

ПРОТИВ ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ.

Союз меньшевиков и эс-эров имеет такое громадное преобладание на с‘езде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, он одержал такую победу на городских выборах в Петербурге, что, по справедливости, может считаться сейчас главной политической силой в стране.

Это уже теперь не партия, поддерживающая правительство, а партия правящая. Если она не проводит в жизнь программы меньшевиков и эс-эров, то это не потому, что не может, а потому, что не хочет *). Но как же могло случиться, что партии, самоотверженно боровшиеся за свою программу при самодержавии, вдруг отказались от нее (на деле), когда получили возможность проводить эту программу в жизнь?

Причин—две: изменившееся положение и изменившийся состав этих партий.

Когда нужно было бороться против самодержавия, буржуазная интеллигенция искала себе опоры в рабочих и крестьянах; теперь самодержавие свергнуто, для буржуазии открылся полный простор, если не считать опасности слева, со стороны крестьян и рабочих. И у буржуазных интеллигентов, руководителей этих партий, сейчас главная забота—удержать рабочих и крестьян от борьбы против буржуазии.

Что касается состава партий меньшевиков и эс-эров, то он резко изменился в силу того, что эти партии стали принимать в свой состав всякого желающего. А так как после революции все стали перекрашиваться в красный цвет, то и в партии меньшевиков и эс-эров повалил обыватель, не имеющий ничего общего ни с социализмом, ни с революцией. Этот обыватель до того

*) Подробнее об этом сказано в моих статьях в № 74 и 76 «Соц.-Дем.».

изменил физиономию партий, что от меньшевиков уже началось бегство старых членов этой партии, оставшихся верными социал-демократам.

У эс-эров этого бегства еще нет, но тревога уже чувствуется. Это видно, например, из доклада В. М. Зензинова (моск. газ. «Земля и Воля» № 62). «Как сила, быстро растущая, мы должны быть одновременно и силой определенной,—говорит он,—рост нашего влияния в государственной жизни страны возлагает на нас особые обязательства в смысле сохранения нашей программной и организационной определенности». Вопрос о сохранении программной определенности не поднимался бы, если бы не сознавалось, что этой определенности грозит опасность, по сознанию самих эс-эров.

Но со стороны, как говорят, вообще виднее; виднее и то, что теперешние меньшевики и эс-эры—это уже совсем не то, что было до революции. Изменились старые вожди, но еще больше изменилась масса.

Масса, особенно мелкобуржуазная, по природе своей консервативна. Четыре месяца назад она мирилась с режимом Николая II, и умилялась перед Государственной Думой, которая никогда не забывала посылать царю верноподданнические телеграммы. Произошла революция, создалось Временное Правительство—масса умиляется перед Гучковым и Милюковым; прогнали Гучкова и Милюкова—настала пора умиления перед Керенским, Черновым и Церетелли. Умиление не потому, что эти вожди куда-то ведут или поведут, а потому, что они считаются способными сохранить то, что уже есть.

Мелкобуржуазная обывательская масса почувствовала, что легче стало дышаться после свержения самодержавия. Настала «свобода». Но характерно, что обыватель думает теперь не о расширении, а только о «спасении», о «защите» свободы. И он со злобой говорит о тех, кто не хочет оставаться на полдороге: левых меньшевиков и эс-эров он, как и нас, честит одним и тем же ругательным, в его глазах словом «большевики».

По той же причине обыватель не хочет обижать крупной хищнической буржуазии, не хочет разрыва с черносотенными царскими генералами; он охотно верит тем и другим, наполняет офицерские кадры многими тысячами бывших жандармов *)

*) Временное Правительство направило жандармов в армию.

и радуется укреплению дисциплины в армии,—радуется, когда революционные солдаты беспрекословно подчиняются бывшим жандармам, и дает право этим жандармам убивать на месте не повинующихся солдат-революционеров («декларация прав военнослужащего»).

Обыватель, заполонивший партии эс-эров и меньшевиков, уверен, по своему консервативному прекраснодушию, что он использует силу буржуазии для революции, и не замечает того, что на самом-то деле буржуазия (и черносотенные генералы) используют силы эс-эров и меньшевиков для контр-революции.

Эс-эры и меньшевики,—вся эта мелкобуржуазная, консервативная масса,—сейчас идут с буржуазией против пролетариата,—с контр-революцией против революции. Понадобилось откровенно-наглое, реакционное выступление Гос. Думы, чтобы они, наконец, высказались за уничтожение Гос. Думы и Гос. Совета, оставляя на своем месте другие органы старой власти; понадобилось такое же наглое выступление ген. Алексеева и Гурко, чтобы их заменили другими, такими же черносотенными генералами.

Мелкобуржуазные обыватели, эс-эры и меньшевики, идут против пролетариата. Идут, конечно, не с нагайками и не с полицейскими окриками, а с ласковыми речами и с уступками,—от случая к случаю. Но нужно помнить, что они идут с буржуазией против пролетариата не потому, что заинтересованы в буржуазной эксплоатации пролетариата, хотя они по своему положению и воззрениям ближе к буржуазии, чем к пролетариату; хотя они легко подпадают идейному влиянию империализма. Однако, сейчас они идут за буржуазией больше по своему обывательскому консерватизму, из боязни новых потрясений и беспокойств. Этим определяется задача и тактика пролетариата в данный момент революции.

Эта задача заключается не в том, чтобы вырвать власть из рук мелкой буржуазии, заключившей союз с крупной буржуазией, а в том, чтобы разорвать этот вредный, реакционный союз. Нужно заставить мелкую буржуазию итти не с буржуазией против пролетариата, а с пролетариатом против буржуазии.

Этому должна соответствовать и тактика партии пролетариата. Она должна ставить своей целью откалывание от мелкой буржуазии тех рабочих, которые еще плетутся за меньшевиками и эс-эрами. Она должна неуклонно разоблачать весь вред,

приносимый революции и пролетариату министрами из числа бывших социалистов. И все-таки она должна быть направлена не к свержению этих «бывших людей», а к свержению чисто буржуазных министров.

Против эксплоататорской буржуазии борьба на жизнь и смерть; а по отношению к мелкой буржуазии—только пред‘явление к ней требований и разоблачение ее пагубной тактики соглашения с врагом революции и пролетариата.

24—11/VI.

КТО ЖЕ ОХРАННИК?

9 июня мы напечатали приказ командующего войсками Казанского военного округа ген. Мышляевского. Мы спрашивали: что это значит? Мы не хотели верить, что по приказу Керенского возрождаются охранные отделения и ведение списков неблагонадежных в войсках. Возрождение охранных списков казалось тем более невероятным, что в число неблагонадежных предписано заносить всех, кто не согласен с лозунгом «война до победоносного конца». Ведь в такой список должны бы попасть и теперешние министры, уверяющие, что они отказались от аннексий и контрибуций. Значит, или министры все время лгут, или приказ ген. Мышляевского свидетельствует о черносотенном заговоре против Временного Правительства. Мы даже высказали предположение, что весь этот приказ представляет собою злоупотребление именем ген. Мышляевского. Мы сомневались, не подложный ли этот лживый приказ, в котором сказано, будто Временное Правительство и даже Петербургский Совет Раб. и Солд. Депутатов постановили довести войну до победоносного конца, то-есть, вести ее без конца.

К сожалению, мы ошиблись, думая, что приказ подложный. Сегодня в газетах появилась телеграмма из Екатеринбурга, в которой сказано:

> «Совет Раб. и Солд. Деп., обсудив телеграмму командующего округом о сообщении ему по приказу Керенского дважды в неделю о положении дел в войсках и о чинах, протестующих против войны до победы, постановил считать этот приказ недопустимым и, как покушение на свободу, об‘явил его недействительным в Екатеринбурге».

Значит, приказ о восстановлении охранных отделений и списков неблагонадежных действительно был издан ген. Мышляев-

ским. Но мы все же хотели бы думать и верить, что этот лживый, жандармский, реакционный приказ издан без ведома министра Керенского. Керенский должен поспешить с выяснением дела.

24—11/VI.

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА О ДЕЗЕРТИРАХ.

Как только стало известно, что число дезертиров считается миллионами, мы подумали: не может же быть, чтобы в России, среди честных солдат, вдруг оказались миллионы преступников; ясное дело, что есть какие-то особые причины, толкающие людей к дезертирству. И мы обратились через газету к товарищам солдатам с просьбой выяснить, в чем дело. Скоро мы стали получать много писем в ответ. И первое, что выяснилось, это то, что с фронта, из окопов не дезертирствуют, а дезертирствуют тыловые.

Опять встал вопрос: почему же это так? Неужели на фронт раньше отбирали только честных и сознательных, а преступников оставляли в тылу? Но всем известно, что такого отбора не было; и приходится думать, что есть какая-то разница между положением в тылу и в окопах. В чем же разница? Не в том ли, что в окопах жизнь слаще и сытнее, чем в тылу? Опять нет: в окопах в тысячу раз хуже: голод, сырость, жизнь в землянках, болезни, гибель от вражеских снарядов. Так в чем же дело? Почему от лучшей жизни бегут, а от худшей не бегут?

По солдатским письмам выяснилось, что многие тыловые бегут потому, что в казарме безделье; а из окопов не бегут потому, что знают, что в окопах солдаты находятся при деле. Но такой ответ вызывает справедливое негодование и возражение товарищей-солдат, сидящих в окопах.

Вот, например, что пишут разведчики 670 п. п. Ф. Соколов, Д. Холоденко и А. Амчиславский:

> «Мы тоже, вспоминая о полевых работах, не можем обойтись без душевного вздоха; но есть люди, которые страдают уж три года в окопах, но все же не оставляют своих постов в виде дезертирства на полевые работы. Прежде чем дезертировать, должны побывать на фронте и сменить своих товарищей, страдающих в сырых окопах три года и несколько раз перенесших ранения... Гражданский долг не удирать «для обработки полей», а записаться с первой маршевой ротой и отправиться на фронт».

М. Ширяев (гренад. сап. п.) спрашивает:

«Почему же дезертиры не делают самовольных отлучек в действующую армию? Здесь есть солдаты, которые за всю войну не были еще в отпуску ни одного раза; из них многие по несколько раз ранены... Вот я и предложил бы делать самовольные отлучки, не в деревню, а на позицию, сменить своих товарищей».

Из 168 п. п. письмо без подписи. Пишут:

«Мы сидим в окопах грязные, голодные, холодные; но мы строго стоим на страже свободы, не решаемся делать самовольные отлучки. Если вы считаете жить в казарме бесполезным, то спешите на фронт пополнить наши поредевшие ряды и сменить сидящих в окопах по три года».

Из 166 Ровн. п. И. Карташов пишет:

«Из газет мы знаем, что на позицию отправляются маршевые роты, но мы здесь их не видим. Товарищи! Вы забыли о тех братьях, которые уже 3 года страдают в окопах. У нас нет ни одного дезертира, есть по несколько раз раненые, а дезертируют все тыловые».

В самом деле: почему же маршевые роты не попадают на фронт? Газеты пишут, потому, что разбегаются с дороги. А есть слухи, что начальство нарочно привозит в окопы вместо пополнения одни только плакаты, людей же оставляет в ближнем тылу. Может быть это делается кой-где и нарочно, с целью раздражить фронт против тыла. И такой способ действий достигает цели. Это видно, например, из письма тов. Тихомирова (674 п. п.):

«До нас доходят слухи, от которых уши вянут. Мы не раз просили пополнить наши редеющие ряды, но пополнения нет, и приходят одни плакаты «война до победы». Уже проходит май, а мы все преем от жары в папахах и фуфайках. Устали физически и нравственно. И в то же время до нас доходят такие слухи, что якобы товарищи на нашу просьбу пополнить—отвечают: „пусть хоть сопреют в окопах, а мы не пойдем; а если хотят кончать войну, то пусть бросают ружья и идут к нам". Но, товарищи, подумайте, правильно ли вы рассуждаете?»

Действительно, уши вянут, когда видишь, как ловко обманывают тов. Тихомирова и других солдат, заброшенных в окопы. На почве этого обмана создается и раздражение против нашей попытки об'яснить дезертирство. Например, у.-оф. Гороховский (7 сиб. стр. п.), по случаю письма солдата Бусарова, напечатанного в № 62 «С.-Д.», обрушивается на автора письма с обвинением, будто он защищает дезертирство.

«Мы ждем,—говорит он,—пополнения, как жаждущий воды; но какое может быть пополнение после ваших ядовитых оправданий дезертирства?»

На самом деле Бусаров не оправдывает дезертирства, а об'ясняет, что временный отпуск крестьян из тыловых казарм на полевые работы уничтожил бы дезертирство. Конечно, Бусаров ошибается: можно сказать, что не уничтожил бы, а сократил бы. Несомненно, причин дезертирства не одна, а много. Точно также, зло дезертирства сократилось бы очень сильно, если бы солдат не путали в тылу одну губернию на место другой, а держали бы в своей губернии до самой отправки на фронт.

Чтобы лучше понять раздражение Гороховского против Бусарова, приводим еще выдержку из его письма к Бусарову:

«Вы пишете, что никакого дезертирства нет: желают солдаты домой, а их не пускают, поэтому они и отлучаются самовольно. И этого вполне достаточно, чтобы оправдать их. Но известно ли вам, что теперь война, война за свободу? Миллионы людей находятся на фронте с первых дней мобилизации; они изнемогают, пережив столько страданий, но они не уходят домой; перераненные и исстрадавшиеся, они защищают свою свободу, купленную такой дорогой ценой, и они защищают ее. Вы этого понять не можете. Очень хорошо сидеть в тылу, пописывать в газетке и говорить жалкие слова, которые действуют на солдатскую массу разлагающе. Но знаете, как мы, окопные жители, измученные, с издерганными нервами, называем такие писательства, как ваше? Мы называем их изменническими и громко, во всеуслышание, говорим это».

Автору этого письма, измученному, с издерганными нервами, естественно потерять хладнокровие и говорить так резко. В уважение к перенесенным им страданиям мы печатаем даже его обвинения против Бусарова в изменнических писаниях: нам это тем легче сделать, что от тех же окопных жителей, с такими же издерганными нервами, мы получаем ежедневно огромное количество приветствий и благодарственных писем за то, что мы не боимся говорить всю правду. И другие окопные жители не понимают нас так, что будто бы мы оправдываем дезертирство, а предлагают тыловым скорее добиваться такого положения, чтобы до отправки на фронт—солдат не загоняли в чужую губернию, а оставляли поближе к своей родине.

Статья и так вышла большая, а потому мы приводим только одно из таких писем, более спокойных, чем письмо унтера-офицера Гороховского. Солдат 301 (или 300—неразборчиво написано) пехот. зап. полка Д. А. Муравьев из действующей армии пишет:

«Граждане, солдаты! Требуйте скорее, пока не поздно, права служить в своем губ. или уездном городе. Мы тогда поможем нашим старикам, отцам и матерям обработать поля. Нам не надо

тогда ждать от родителей письма по 2 месяца; на железных дорогах будет свободнее, и легче подвозить будет на фронт все, что нужно; облегчится и работа почтовых служащих».

В заключение приводим справедливое письмо Н. Карасева с фронта (полк не указан):

«Товарищи! Вы об'ясняете, что у вас отцы и матери не могут земли обработать, и вы решаетесь делать самовольную отлучку домой. Товарищи! Надо помнить, что ваших отцов еще много находится на фронте; нужно их заменить. Они уже 3 года страдают». 24—11/VI.

ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ.

Право на демонстрации (уличные процессии) в свободной стране такое же неот'емлемое право, как и права на свободу слова, собраний, союзов, печати. Всякая общественная группа имеет право проявлять себя в уличной процессии. Протестовать против дезорганизации, в случае разрозненных выступлений, могут только члены той группы, от имени которой выступила ее отдельная часть, но не другие группы. Например, если бы от имени Совета Раб. Деп. выступил только отдельный район или отдельная партия, то Совет имел бы право говорить о дезорганизации. Но выступление отдельной партии, как партии, от своего собственного имени, не может считаться дезорганизаторским.

Демонстрация является массовым проявлением мнения или настроения и подлежит охране власти от всяких насильственных попыток со стороны групп, не согласных с лозунгами демонстрантов; в то же время власть должна принимать меры к предупреждению всякого насилия со стороны демонстрантов.

В об'яснение запрещения демонстрации 10 июня орган меньшевиков и эс-эров («Изв. П. С. Р. и С.-Д.») заявляет, будто стало известно, что «ряд войсковых частей и рабочие многих предприятий намерены устроить контр-демонстрацию». Такого голословного заявления совершенно недостаточно. Нужны факты. Нужно точно указать, какие именно войсковые части и рабочие, каких именно предприятий грозили контр-демонстрацией. Ведь, если эти части и эти предприятия идут заодно с эс-эрами и меньшевиками, если они подчиняются Временному Правительству, то достаточно было приказа и раз'яснения, чтобы предупредить контр-демонстрацию.

Но, как видно, меньшевики и эс-эры, вместе с Временным Правительством, не надеялись, что эти войсковые части и рабочие подчинятся их авторитету. Надо полагать, что готовили контр-демонстрацию какие-то явно контр-революционные, буржуазные или монархические войсковые части и рабочие группы. Имеются ли таковые в Питере? Если да, то меньшевики и эс-эры не имеют права заниматься укрывательством реакционеров и должны опубликовать точно реакционные части войск и рабочие группы.

27—14/VI.

В ПЕТЕРБУРГЕ И В МОСКВЕ.

В течение десятков лет, с тех пор, как появились в России народники (теперь эс-эры) и социал-демократы, считалось бесспорным, что они борются за осуществление полной свободы выражения политических мнений каждым человеком и каждой общественной группой, следовательно, и за свободу демонстраций.

Теперь, ставши правящей партией, меньшевики и социалисты-революционеры в Петербурге изменяют своим старым программам и демократическим идеалам. Они пытаются ввести совершенно новое понимание свобод. Они запретили демонстрацию 10 июня в Петербурге. Почему? Много слов наговорили они в свое оправдание об опасности столкновений, контр-революции и т. д. Но вслед затем высказали и настоящую причину запрещения.

В «Известиях Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», как известно, распоряжаются меньшевики и эс-эры. Большевики оттуда изгнаны по приказу Церетелли. И вот, в № 89 этого органа правящих партий меньшевиков и социалистов-революционеров находим, так сказать, новую программу этих партий. Там сказано (стр. 6):

> «Совершенная недопустимость такого рода демонстраций была очевидна также и потому, что еще накануне Всероссийский С'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, представляющий организованную волю 20 миллионов рабочих и солдат, ясно и категорически заявил о готовности российской демократии поддерживать политику Временного Правительства и выразил доверие своим товарищам министрам-социалистам».

Так вот в чем дело: если бы демонстрация предполагалась для «поддержки», то она была бы допустима и желательна. Но демонстрация предполагалась для того, чтобы выразить несогласие с меньшевиками и эс-эрами, и потому она «совершенно недопустима». Это совершенно то же, что было в России всегда: демонстрации с лозунгом «боже, царя храни!» допускались, а другие считались «совершенно недопустимыми».

Петербургские меньшевики ссылаются на 20 миллионов. Но пусть на их стороне будет не 20, а двести миллионов, а несогласных с ними—20 человек, или даже только 2 человека. Имеют ли право эти двое высказать свое мнение, пройти по улицам со своим плакатом?

На это находим у московских меньшевиков и эс-эров, руководящих «Изв. Моск. Сов. Раб. Деп.», ответ, верный старой программе. Здесь читаем:

> «Все это, конечно, в порядке вещей. Можно признавать несвоевременным и опасным в данный момент большевистский призыв. Но само по себе стремление придать своим лозунгам большую авторитетность, призвать к манифестации в их пользу широкие массы, вполне естественно и законно. Ограничивать право манифестаций—не дело революционной демократии. С другой стороны, можно считать слишком резким и слишком поспешно составленным воззвание большинства с'езда против манифестации. Но тревога, которая охватила с'езд при мысли о возможных последствиях манифестации и которая продиктовала это воззвание, тоже вполне естественна и понятна. Все это так, но... но не мешает помнить, что рядом стоит еще третий, который радуется нашим раздорам и уже пользуется ими, чтобы кричать: ату его!»

В статьях того же номера московских «Известий» за подписью Н. И. и меньшевика Б. Кибрика, авторы высказываются, конечно, против большевиков. Тем не менее, мы считаем долгом отметить приличный тон этих статей.

27—14/VI.

ПО ЗЛОБЕ.

Нет тех самых крепких ругательных слов, которыми меньшевики не сыпали бы против нас из-за предполагавшейся демонстрации 10 июня. И изменники-то мы, и предатели,—вообще все, что только терпит бумага. Особенно отличается по этой части петербургская «Рабочая Газета». И этой же газете при-

надлежит честь изобретения особого порошка против большевизма. Изобретатель—г. Н. Череванин. Он тоже не скупится на крепкие слова против нас и в заключение предлагает следующий план уничтожения большевиков:

> «Необходимо с ними бороться. Но как? Не насильем, конечно. Но и одни слова убеждения не достаточны для борьбы с ними. Нужно бороться делом. Нужно бороться спешным разрешением задач революции. Недаром в своем воззвании, которое призывает к демонстрации, большевики в ярких агитациоцных словах напирали на голод, разруху, войну. Это их союзники. С их помощью они вызывают смуту и могут добиться ее. И нужно отнять у них этих союзников. Нужно бить по последним со всей энергией, со всей силой, помня, что времени нам революция оставила уже немного. Народ не способен много ждать.
>
> Пусть же наши товарищи-социалисты в министерстве идут вперед революционным шагом, устраняя все препятствия, которые встретятся им на дороге. Все должно быть сделано для того, чтобы преодолеть экономическую разруху и приблизить окончание войны. Все решительные действия их в этом направлении будут поддержаны страной».

Превосходный, великолепный план! Нужно убить «союзников большевизма»: голод, разруху, войну. По злобе против большевиков меньшевики готовы теперь бороться и против голода, и против разрухи, и против войны. В добрый час, милые люди! Если вы не вели этой борьбы по доброй воле, то поведете ее, наконец, хоть из ненависти против большевиков. Пора, давно пора!

Из злобы против большевиков меньшевики готовы теперь заняться и «спешным разрешением задач революции». Раньше не спешили и ничего не разрешили. Спешите же теперь, разрешайте хоть из ненависти к нам, но только спешите и разрешайте, и мы скажем: в добрый час!

«Пусть наши товарищи—социалисты в министерстве идут вперед революционным шагом»,—продолжает Череванин развивать свой план уничтожения большевизма. План верный. Раньше «товарищи—социалисты в министерстве» топтались на месте, боясь огорчить буржуазию. Если они, наконец, тронутся вперед, да еще революционным шагом, то, конечно, большевизм будет уничтожен, как противник меньшевизма, потому что сами меньшевики превратятся в большевиков.

Остается пожелать, чтобы и социалисты-революционеры приняли убийственный для нас план Череванина: пусть и они,

хоть из ненависти к нам, начнут, наконец, спешно разрешать задачи революции, бороться энергично против голода, разрухи и войны; пусть и они пойдут, наконец, вперед революционным шагом. Такому способу борьбы против нас мы будем только радоваться.

Но вот вопрос: как сможет сделать все это «правящая партия», не огорчая буржуазии и не заключая союза с пролетариатом против буржуазии, вместо теперешнего союза с буржуазией против пролетариата?

28—15/VI.

ПРЕДВЫБОРНАЯ ЛОЖЬ.

Гражданам России впервые приходится участвовать в широких выборах. И они должны знакомиться с теми гнусными приемами предвыборной борьбы, которыми буржуазия околпачивает население и получает большинство голосов даже при всеобщем избирательном праве. Одним из таких приемов является предвыборная ложь. Измышляются всякие небылицы против пролетарской партии. Потом обнаружится, что это—небылицы, но дело уже сделано; избирателя удалось оглушить, и он уже подал голос за буржуазного кандидата.

У нас в Москве первый яркий случай такого оглушения находим в газете «Власть Народа», именующей себя «социалистической». За кого голосовать?—ставит вопрос газета и отвечает: за социалистов, вплоть до «Единства», но только не за большевиков. Потому, что большевики, дескать, не социалисты. Как так? А они, видите ли, поставили себя вне социалистов, потому, что

> «когда они увидели, что на Всероссийском с'езде они насчитывают едва 100 сторонников против 600 представителей об'единенной революционной демократии, они осмелились звать к вооруженному восстанию, чтобы попытаться грубой силой навязать России свои легкомысленно-преступные замыслы».

Вы знаете, читатель, как травят большевиков за призыв к демонстрации 10 июня. Но еще никто, кажется, не обвинял наших питерских товарищей в призыве к вооруженному восстанию. Рассказ об этом призыве—обычная предвыборная ложь.

Напомним кстати, что было напечатано в нашей газете всего неделю назад,—8 июня. В статье «Правящая партия» чер-

ным по белому напечатано о силе меньшевиков и социалистов-революционеров:

> «Это—не сила самодержавия, державшаяся только на полицейском гнете; эта сила, основанная на доверии к эс-эрам и меньшевикам со стороны огромного большинства населения. Против такой силы всякое восстание вооруженной рукой будет бессмыслицей»...

Кажется, сказано яснее ясного. И теперь вы видите, товарищи-читатели, как путем самой явной лжи борятся против нас наши почтенные противники даже из лагеря, именующего себя «социалистическим».

28—15/VI.

КИРСАНОВ И ЦАРИЦЫН.

Буржуазная газета «Утро России» послала в Кирсанов собственного корреспондента, который расписал дело так, будто Трунин и его сторонники были демократы. Другие газеты подхватили эту ложь. Московский Совет Раб. Деп. послал в Кирсанов делегатов для расследования. Оказалось, что за спиной Трунина стояли черносотенцы.

«Утро России» старалось представить черносотенцев революционерами, чтобы вызвать вражду против революционных органов власти. Помните всегда, читатели: буржуазные газеты постоянно лгут и обманывают, даже тогда, когда пишут с самым правдивым видом. Не верьте буржуазным газетам.

Теперь то же «Утро России» натравливает изо дня в день читателей против солдат и рабочих г. Царицына. Сколько кричали об убийстве там Бояринцева, сколько еще и теперь кричат об анархии и большевиках! А если хотите знать правду о Царицыне, то прочтите, что рассказано о нем в саратовской газете «Социал-Демократ». (Царицын—город Сарат. губ.).

В начале мая местная меньшевистская группа с.-д. откололась от общей организации Р. С.-Д. Р. П., находя невозможной совместную работу после общего собрания, на котором большинством голосов в редакционную комиссию по изданию газеты были выбраны большевики.

Как и во многих других местах, в Царицыне наша партия подвергается травле со стороны буржуазных и обывательских кругов. Травля усилилась со дня убийства Бояринцева; убийство это произошло на улице, прилегающей к площади, где проис-

ходил митинг с.-д. большевиков, узнавших об этом лишь после митинга. По поводу убийства наш комитет обратился к рабочим, солдатам и ко всем труженникам с воззванием, в котором между прочим говорится:

«Невероятно тяжелый приговор! Чудовищно поспешный суд. А ведь его (Бояринцева) можно было переубедить. Его можно было заставить устыдиться своих угроз. Он оскорблял знамя, под которое он сам должен был стать, как пролетарий. Но, ведь, это сегодня, а завтра, может быть, он стал бы нашим горячим приверженцем, как это случилось со многими.

Один слепец не знал, где его друзья. А другие, тоже слепцы, мгновенно осудили и жестоко наказали своего же слепого брата. И забыли, что весь класс угнетателей и их приверженцы только порадуются этому глубокому несчастию в нашей трудовой семье.

Самосудом не преминули воспользоваться враги и противники нашей партии. Говорили, писали, обвиняли, клеветали против революционных солдат и рабочих, требовали вывода из города гарнизона и т. д».

В руках буржуазии имеется опасное, отравленное ядом, оружие против пролетариата. Это—тысячи буржуазных газет. Они без конца клевещут и обманывают. В них почти ничему нельзя верить. Читайте только социалистические газеты!

28—15 VI.

ВИНОВАТЫ БОЛЬШЕВИКИ.

Большевики досадили всем хорошим людям так, что жить стало невтерпеж! В № 82 нашей газеты было рассказано в статье М. Ольминского, как по злобе против большевиков меньшивики готовы даже начать борьбу против голода, разрухи и войны; как из ненависти к нам они предлагают даже «заняться спешным разрешением задач революции» и «итти вперед революционным шагом».

Сегодня Временное Правительство опубликовало сроком созыва Учредительного Собрания 30 сентября. Несколько месяцев затягивали этот вопрос и вдруг решили. Почему? В враждебной нам газете «Власть Народа» напечатано об‘яснение:

«Как передают, Временное Правительство опубликовало заблаговременно постановление о сроке созыва Учредительного Собрания в виду того, что большевики предполагали выступить с обвинениями по адресу Временного Правительства, что оно умышленно затягивает созыв Учредительного Собрания».

Вот какие противные эти большевики! Из злости против них даже прекрасное Временное Правительство побеспокоилось и решило заранее об'явить о сроке созыва Учредительного Собрания! Как же после этого не ругать большевиков?

30—17/VI.

К ТОВАРИЩАМ РАБОЧИМ И СОЛДАТАМ (МЕНЬШЕВИКАМ И СОЦИАЛ.-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ).

Товарищи рабочие и солдаты! Вы принадлежите к партиям с.-д. меньшевиков или социалистов-революционеров. Вы сжились с своей партией, полюбили ее и считаете каждый свою партию самой правильной. Но вы знаете также, что есть много рабочих и солдат, которые состоят в партии с.-д. большевиков. И у вас сейчас вражда к нам. Не станем скрывать правды: и у нас, у большевиков, есть вражда к меньшевикам и социалистам-революционерам. И все-таки все мы вместе работаем в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов. Все мы еще более враждебны к буржуазии, чем друг к другу; а вся буржуазия очень враждебна к Советам Депутатов.

Есть, значит, у нас с вами общее дело, общая борьба против буржуазии. Для такой борьбы нам нужна большая сила; но сила наша ослабляется нашей враждой, и через нее буржуазия крепнет. Надвигается контр-революция. Наша вражда между собой может увеличиться или уменьшиться—тут многое зависит от нас самих, от нашей воли.

Сейчас главное несогласие у нас в том, кому должна принадлежать вся политическая власть в России. Вы считаете, что власть должна принадлежать и Советам, и буржуазии; а мы считаем, что только одним Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Конечно, и вы сами, и ваши вожди, все вы не можете не не признать, что для крестьян, рабочих и солдат было бы лучше и полезнее, если бы в правительстве не сидели помещики и капиталисты. Все вы согласны с нами, что правительство Советов Депутатов больше могло бы сделать для народа, чем теперешнее Временное Правительство, в котором больше половины помещиков и капиталистов. Наше несогласие не в этом, а в другом.

Вы считаете, что у Советов Депутатов недостаточно силы, чтобы пойти открыто против помещиков и капиталистов. А мы говорим, что этой силы вполне достаточно, что против воли Советов буржуазия и помещики бессильны. Вот в чем главное разногласие сейчас. Это действительно очень большое разногласие, потому что от него происходят и разногласия по другим главным вопросам.

Возьмите вопрос о войне. Вы знаете, что от войны буржуазия не страдает, а наживается. Она окопалась в тылу, не рискует своей жизнью, не несет солдатской тяготы и занята только тем, что считает барыши. Ясно, что буржуазия никогда добровольно не согласится кончить войну. Ее может кончить народ, только разорвавши с буржуазией, только взявши всю власть в свои руки. А пока вы идете заодно с буржуазией во Временном Правительстве, до тех пор буржуазия будет только морочить вас и ваших министров всякими обманными обещаниями и пустыми отговорками.

Тоже и с вопросом о контр-революции. Вы видите и знаете, что буржуазия озлоблена на рабочих и солдат за то, что они улучшили свое положение; озлоблена на крестьян за то, что они хотят отобрать всю помещичью землю. Буржуазия уже враждебна революции, она хотела бы повернуть дело назад. Она агитирует против Советов и тайно подкапывается под них. Как же возможно бороться против контр-революции, не разорвавши с буржуазией?

Тоже и в вопросе продовольственном, в вопросе о дороговизне, о доходах и расходах казны—нигде ничего серьезного нельзя сделать, если не итти против буржуазии до конца решительно, если не взять Советам Депутатов всю власть в свои руки.

Посмотрите: ваши товарищи уже больше месяца, как вошли в буржуазное правительство. Они хотели бы сделать что-нибудь. А что они сделали? Ничего серьезного ни для рабочих, ни для крестьян. А солдатам стало ли от них лучше? Они ничего не могли сделать только потому, что решили итти рука об руку с буржуазией.

Но нельзя сразу итти и с буржуазией и с пролетариатом. Между буржуазией и пролетариатом ни на минуту не прекращается жестокая война. Идя заодно с буржазией, неизбежно приходится итти против пролетариата; а идя заодно с помещи-

ками, приходится итти против крестьян,—например, откладывать на долгое время переход земли в руки крестьян.

Естественно, что вы и ваши вожди, ваши министры начинают уже терять доверие народа. Вы печалитесь, что большевизм растет. Что это означает? Это означает, что растет недоверие рабочих и крестьян к вашей политике соглашения с буржуазией.

Чем теснее вы будете итти заодно с буржуазией, тем больше будет расти против вас недовольство рабочих, солдат и бедных крестьян. Так что вам придется выбирать, в конце концов, одно из двух: или итти с буржуазией и с помещиками открыто против своих же братьев-рабочих, крестьян и солдат, или же пойти с солдатами, крестьянами и рабочими против буржуазии.

Теперь вы стоите на самом верху своей силы. Это показали и выборы в Петрограде, и Всероссийский С'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Если вы теперь возьмете всю власть в свои руки, вы сможете многое сделать, вы еще более усилитесь и окрепнете. Будет совсем сломлена контр-революция. Вы усилитесь еще и потому, что мы, большевики, будем заодно с вами.

Если же вы будете по старому итти в дружбе с буржуазией, то сила ваша будет слабнуть. Всеобщее недовольство будет расти. Усилимся мы, большевики, но усилится и контр-революция. И тогда неизбежной может стать кровавая гражданская война между революционными и контр-революционными силами. И чем эта война окончится, нельзя знать заранее.

На вас, товарищи, в наше тяжелое и грозное время лежит огромная ответственность. Именно от вас зависит, в какую сторону пойдут дела в России,—к лучшему или к худшему. Мы предлагаем вам серьезно обсудить вопрос между собой. Мы знаем, что среди вас есть немало людей, которых не радует союз с буржуазией, не радует союз, который все более превращается в союз против рабочих, против солдат и против крестьян.

У многих из вас накипело сейчас в сердце против большевиков. Но вспомните, что у вас накипело многими годами против буржуазии и против помещиков, и тогда уже решайте. Пусть вам совесть ваша и ваше классовое сознание подскажет, с кем и против кого вы должны теперь итти.

30—17/VI.

ИЮЛЬ

СТАТЬИ ИЗ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА».

ПОЛИТИКА МЕДЛИТЕЛЬНОСТИ.

В московской газете «Земля и Воля» находим следующую оценку поведения министра Скобелева:

> Революционная власть пред'являет к промышленности ряд требований. Промышленники уклоняются от выполнения долга перед родиной. Они об'явили итальянскую забастовку; они бойкотируют революционную власть. И министры-социалисты знают и учитывают это.
>
> Тов. Скобелев этот факт смягчил до полного его отрицания. Он нашел в русской действительности только отдельные случаи уклонения фабрикантов от своего дела и не сделал из этих отдельных случаев никакого общего вывода. Локаутов, как массового явления, не существует. Это досужая выдумка рабочих.
>
> Мы, социалисты-революционеры, привыкли слышать по этому вопросу от министров-социалистов другое. Наш представитель в министерстве В. М. Чернов определенно говорил на партийном с'езде и о забастовке промышленников, и о грозящем локауте,—и мы не имеем оснований не доверять его оценке событий. Мы не верим в возможность путем словесных убеждений сделать из промышленников граждан.
>
> Этой цели речи Скобелева, как бы кротко они ни звучали, не достигнут. Здесь они бесполезны. И они определенно вредны в другом отношении. Политика нерешительности и медлительности в вопросах обуздания аппетитов промышленников вызывает справедливое недовольство рабочего класса. Рабочие упрекают правительство в бездействии власти; их доверие к нему подрывается. Они перестают считать социалистических министров своими представителями и переходят в оппозицию—к большевикам».

Все это верно. Мы тоже не верим, что можно, путем словесных убеждений, «сделать из промышленников граждан». Но для несловесного воздействия необходимо, прежде всего, разорвать соглашение с ними во Временном Правительстве.

А эс-эры этого не хотят. Кроме того, ведь помещики не лучше промышленников. И в аграрном вопросе «политика нерешительности и медлительности» вызывает «справедливое недовольство» крестьян и солдат. Почему же министр Чернов выступает против немедленного перехода помещичьих земель во временное распоряжение крестьянских организаций, впредь до окончательного решения вопроса Учредительным Собранием? Очевидно потому, что не хочет разорвать с помещиками из Временного Правительства.

Только переход всей власти к Советам депутатов может уничтожить медлительность и нерешительность Скобелевых и Черновых.

5/VII—22/VI.

НАСТУПЛЕНИЕ И БИРЖА.

На бирже продаются акции (паи) промышленных предприятий и процентные бумаги. Все большие политические события сейчас же учитываются биржей: после событий, выгодных капиталистам, цена на все бумаги повышается. А если события невыгодны или опасны, то цена понижается. После революции все цены на бирже резко понизились. Еще больше они понизились после демонстрации 20 апреля, когда пришлось уйти Милюкову и Гучкову. В Париже после 20 апреля биржевые деятели говорили раздраженным голосом, что цену русских бумаг делают русские рабочие.

Биржевые цены стояли низко вплоть до 19 июня, когда стало известно в Москве о наступлении. А 19 июня, как сообщается в газете «Коммерческий Телеграф», «биржевое собрание по своему оживлению, по своим оборотам напоминало лучшие биржевые дни».

Все цены на бумаги поскакали вверх. Особенно поднялись металлургические акции: Шуваловские, Мальцевские, Богословские, Коломенские, Сормовские, Никополь-Мариупольские, Парвиайнен, Брянские, Барановские, Путиловские и другие. Усилился спрос и на «Заем Свободы».

Капиталисты правильно поняли, что наступление им выгодно. В их лагере началось оживление и ликование. Ликуют и все буржуазные газеты: на их улице праздник. Ликуют ли солдаты и их семьи? Ликуют ли рабочие и крестьяне?

5/VII—22/VI.

КАК ВОССТАНАВЛИВАЮТ САМОДЕРЖАВИЕ.

День 18 июня останется памятным надолго. В этот день ясно обнаружилось, что в Петербурге и в Москве временное правительство уже потеряло доверие революционеров,—солдат и рабочих. Но в этот же день возобновились военные действия, принесшие огромную радость реакционной буржуазии. И в этот же день, в далеком Китае, реакционеры праздновали свою полную победу,—уничтожение республики и восстановление монархии.

Как это случилось в Китае? В милюковской газете «Речь» об этом имеется рассказ, очень поучительный и для России. Этот рассказ—прямое указание для буржуазии, как надо действовать, а для демократии,—чего нельзя делать.

По рассказу «Речи», пока среди китайских республиканцев шел разлад, монархисты тайком сорганизовались. Под их давлением президент призвал в министры монархиста Дуанцижуя и оставил на своих местах командующих войсками, ставленников монархической партии. Президент рассчитывал постепенно укрепить позиции республиканцев. Вместо этого подняли голову монархисты. Когда же республиканцы спохватились, было уже поздно. Они отставили от должности Дуанцижуя, но в столицу поспешили с‘ехаться с войсками командиры-монархисты. Республиканцам пришлось бежать из города. Президент оказался в плену. Провозглашена монархия.

Как видит читатель, положение в Китае было очень сходно с тем, что сейчас имеется у нас в России. У нас в министерстве не один, а несколько монархистов, в том числе даже и глава правительства—кн. Львов. А в армии все высшие командиры—монархисты. Осталась на своих местах и огромная куча старых, черносотенных чиновников. Но пока что, солдаты не доверяют своим командирам, и дисциплина не восстановлена.

Конечно, без дисциплины нельзя. Но для ее восстановления есть только одно правильное средство: смена всех начальников-монархистов и выбор всех офицеров самими солдатами. Однако, не по этому пути пошли Керенский и все другие министры. Они хотят восстановить полное повиновение солдат командирам-монархистам. Отчасти для этого они и возобновили военные действия. Если их план будет доведен до конца, то в России неизбежно произойдет то, что произошло в Китае:

командиры-монархисты поведут покорные им войска против республики и против республиканцев. Керенский, Чернов, Церетелли, Скобелев окажутся в плену, а еще вернее—на виселице. Поведение монархистов после 1905 года показало, что они не постесняются казнить десятки и сотни тысяч рабочих, солдат и вообще революционеров. И на троне вновь воссядет помазанник поповский.

Роковую ошибку делают меньшевики и социалисты-революционеры, оставляя у власти монархистов и буржуазию: они надеются использовать монархистов для революции. Но Китай ясно показал, к чему приводит это использование. Спохватятся, когда поздно будет.

Причиной победы монархистов в Китае был еще и разлад среди республиканцев. Из-за чего разлад? Догадаться не трудно. Наверное, там были люди (как у нас большевики), которые предупреждали об опасности, которые требовали отставки всех монархистов от командования и от высших должностей. И, наверное, против них агитировали те республиканцы, которые допускали к власти монархистов. Кто же из них оказался теперь прав?

7/VII—24/VI.

НОВЫЕ,—ТАМБОВСКИЕ!

Нам доставлен № 65 газеты «Известия Тамбовского Совета Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов». Это—интересный документ. Из него ясно видно, как понимается и проводится в провинции политика Керенского и Чернова, Скобелева и Церетелли. Рекомендуем читателю не смущаться тем, что многое из нижесказанного он уже читал в буржуазных газетах: тем любопытнее прочесть уже знакомое в изложении не буржуазной печати, а социалистов-революционеров. Номер «Известий» выпущен с крупным подзаголовком: «Долой большевиков». Далее идет об'яснение, что такое большевики, и что нужно с ними делать.

Большевики—это «изменники и предатели рабочего класса». Они «натравливают одну часть рабочего класса на другую». Им «наплевать на единство и организованность рабочего класса». Они призывали Кронштадт к «отделению от России». Больше-

визм—«политическое хулиганство и больше ничего». Они «разрушают армию, промышленность, право и законность».

«Большевики прибавили к списку свобод новое положение—свободу действий. Что хочу, то и делаю... Словом, полное возрождение купца прежних времен. Опьянится, бывало, купец своим золотом и сейчас блажить начнет: хочу суп из соловьиных языков! Хочу с золотыми рыбками в аквариуме купаться,—и купается! Потому, свобода действий у купца на прочном основании толстого бумажника. Так и большевики».

Программа действий у большевиков следующая: «Нет? Возьми! Не хочешь работать? Заставь других.. Не должно существовать ни выдержки, ни мудрости, ни сознательности. Одновластно ширится призыв: «лови! арестовывай! захватывай! руби узлы!» Русская революция «отравлена ядовитыми испарениями большевизма».

Откуда взялись на свет большевики? Об этом тамбовские социалисты-революционеры, в свое время пережившие азефовщину, заговорили стихами:

«В охранку бегал я, бывало,
Именовался просто шпик,
А нынче, право, легче стало:
Я большевик! Я большевик!
Бывало мы с Иллиодором
Являли миру постный лик...
Когда-то был я просто вором,
Теперь я просто—большевик».

Чем занимаются большевики? С потугой на юмор, рассказывается, что они в доме Кшессинской, «в поганом, надо сказать, месте» занимаются «новохлыстовскими радениями»: мужчины «снимают пояса с рубах», а женщины «распахивают душу» и «начинают, припрыгивая, крутиться посолонь».

Что же нужно сделать с большевиками? Если теперешнее поведение большевиков «будет проходить и впредь безнаказанно, то они обнаглеют». Нужно «спасти Россию от этой саранчи в тылу». «Их место, действительно, в государственной тюрьме». «Как бы то ни было, а фронт следует закрыть для большевистских выступлений и влияний». И в заключение заголовок к телеграмме об усмирении на фронте, имеющий характер лозунга:

«Две очереди шрапнелей—хорошее средство против большевистских идей».

Справедливость требует отметить, что, например, московские газеты социалистов-революционеров не позволяют себе печатать ничего подобного тому, что печатается в Тамбове. Но их митинговые ораторы даже и в Москве, судя по нашим сведениям, позволяют себе иногда уклон в сторону тамбовских нравов. Руководители эс-эров ведут против этого борьбу. Во всяком случае, пример Тамбова показывает, что тревога соц.-рев. Зензинова за чистоту своей партии имеет основания.

8/VII—25/VI.

ВЫБОРЫ В МОСКВЕ.

Опубликованы предварительные результаты выборов 25 июня. Подавляющая масса избирателей высказалась за социалистов-революционеров. Эта партия вместе с меньшевиками (они теперь идут заодно, хотя и выступали отдельно на выборах) получила около 70 процентов всех голосов. Кадеты получили около 17%, а интернационалисты с.-д. около 11%.

Выборы в Москве подтвердили то, что нам уже приходилось говорить о результате выборов в Петербурге, и о составе Всероссийского С'езда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов: именно, что союз эс-эров и меньшевиков представляет собою сейчас громадное, подавляющее большинство населения в России,—что этот союз является, по своей силе, правящей партией.

Чисто буржуазная кадетская партия, по численности идущего за нею населения, представляет собою величину сравнительно незначительную. Но буржуазия сильна своим влиянием, своими капиталами. В наихудшем положении находится партия революционного пролетариата—интернационалисты: она собрала меньше голосов, чем кадетская партия, и не обладает капиталами, которые усиливают влияние буржуазии.

Чтобы оценить силу и влияние буржуазии, недостаточно однако брать только число голосов, поданных за чисто буржуазные партии. К буржуазии без всяких оговорок можно прибавить по Москве и партию «народных социалистов», замечательную только тем, что у нее нет ни народа, ни социализма. Но, главное, вопрос о буржуазном влиянии на социалистов-революционеров и меньшевиков все настойчивее ставится на очередь. Эти две партии—уже далеко не то, чем они были во

времена борьбы против самодержавия. Изменился их состав, изменилось настроение, изменилась тактика, а старые программы (во многом, действительно, устарелые) превращаются все более в привесок к парадному костюму.

Идет быстрое внутреннее преобразование этих партий в сторону сближения с буржуазией. Это сказывается и в совместной, дружной работе с буржуазным большинством Временного Правительства, и в голосовании полного доверия этому правительству на Всероссийском С'езде Советов. И, наконец, это сближение уже дало себя почувствовать на первых же заседаниях новой Петербургской Городской Думы, где тоже преобладают меньшевики и социалисты-революционеры.

Таким образом, если судить только по названию, всюду побеждают на выборах «социалистические» партии. На деле же, скажем прямо, никакой победы социализма нет. Имеется же победа мелкой буржуазии, не решающейся разорвать с кругами крупнейшего капитала, идущей на поводу у капитала. Выясняется на деле то, что всегда было ясно теоретически: победа социализма возможна только, как результат длительной, упорной (организованной, классовой) подготовки и борьбы.

Несомненно, что в такие катастрофические периоды истории, какой переживается нами (мировая война и т. д.), подготовка будет итти неизмеримо быстрее, чем в эпоху мирного, эволюционного хода истории. Тем не менее факт остается фактом: победа социализма—еще дело будущего, а не вопрос завтрашнего дня. Это нужно помнить всем партийным работникам. Нам предстоит еще очень и очень большая черная работа. Обратите внимание хотя бы на то, что по Москве значительный процент рабочих голосовал за социалистов-революционеров и меньшевиков. То-есть, значительный процент пролетариата идет за партиями, которые в свою очередь идут с буржуазией. Ясно, что под буржуазным влиянием находится еще значительный процент пролетариата.

Это—пока еще естественно, неизбежно. Но именно против этого явления и должны быть направлены главные усилия нашей организации. На очереди—непочатый край просветительной и организационной черной работы.

11/VII—28/VI.

СТАРЫЕ СРЕДСТВА.

Величайшая в истории подлость,—теперешняя всемирная война,—не могла явиться из ничего; она не могла стоять одиноко. Чтобы могла разразиться и затянуться такая война, необходимо было проникновение подлости во все сферы жизни, где распоряжаются капиталисты. Одной из таких сфер является устное и печатное слово. Давно уже капитал взял его к себе на откуп. Особенно это нужно сказать о газете, которая требует больших затрат и сама является капиталистическим предприятием.

Газеты подготовляли войну. Но с особенной силой сказалось влияние капитала, когда война уже разразилась. Читатель был до того оглушен потоком крикливой газетной лжи, что ополоумел и стал верить.

Революция отчасти раскрыла глаза русскому народу на истинную причину и характер войны. И теперь уместно напомнить читателю о том, какими лозунгами лживая буржуазия прикрывала свою погоню за военными барышами. Первым лозунгом была, конечно, «защита отечества»: никто не нападал, а все только защищались. Этой «защитой» морочила головы народа буржуазия Германии и Австрии наравне с буржуазией России, Англии и Франции.

Затем сочли нужным выдвинуть все остальные лозунги, которыми можно привлечь малосознательную демократию: тут и уничтожение милитаризма, и прочный мир, и свобода малых народностей, и чего-чего не было. Чуть ли не всякий лозунг, приятный для демократии, был выставляем во всех странах, как цель войны. А когда почувствовалось утомление войною, тогда для усиления бойни во имя барышей капиталистов всюду был выдвинут лозунг «скорейшее окончание войны» или «война, как путь к скорейшему миру».

Революция раскрыла глаза русской армии на предательское пользование всеми этими лозунгами, на провокаторскую роль буржуазной печати. Тогда сочли нужным прибегнуть к новому провокаторскому приему и об'явили лозунгом войны спасение революции. Генералы и газетчики, вчера еще призывавшие к продолжению войны во имя спасения трона, сегодня зовут спасать революцию. Вчера—портреты Николая II, а сегодня—портреты Керенского. Вчера—по слову «помазанника»

поповского, а сегодня—по слову «социалистов». Вчера—царские знамена, а сегодня—красные знамена революции. А цель одна: затянуть войну ради барышей буржуазии.

Любопытен в этом отношении последний приказ ген. Корнилова, вчерашнего царского генерала, пытавшегося в Петербурге двинуть войска против народа в защиту Милюкова и Гучкова. Теперь этот царский генерал и неудавшийся усмиритель—обращается к солдатам с уверением, что «на концах ваших штыков—свобода», что «в ваших руках окончание войны», что, убивая чужих крестьян и рабочих, наши солдаты несут «свободу народам и счастье и право всем трудящимся». Оказывается, если верить царскому генералу, что «передовыми борцами революции народной» являются в России не те, кто боролся против старого строя, далеко еще не разрушенного, а те несчастные, подневольные люди, которых гонят на гибель за барыши капиталистов.

Корниловы и Керенские в своем обмане народа идут по пути, проложенному Николаем II и Сухомлиновым.

12/VII—29/VI.

И НАШИМ, И ВАШИМ.

Меньшевики и социалисты-революционеры, ставши правящей партией, все больше скатываются к союзу с буржуазией против рабочих. Ярким показателем этого является их отношение к растущей безработице на почве локаутов, предпринимаемых капиталистами. Характерной в этом отношении является редакционная статья в № 100 «Известий Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» в Петербурге: «К вопросу о закрытии заводов». Это—газета, являющаяся органом рабочих депутатов, издающаяся на рабочие деньги, но руководимая меньшевиками и эс-эрами. Как же относится она к надвигающемуся локауту?

Прежде всего, на место слова «локаут» подставляется слово «кризис». Цель понятна: кризис не зависит от воли капиталистов, как локаут. И замена «локаута» «кризисом» сразу же обеляет капиталистов. Но, ведь, кризиса-то еще нет! И газета, издающаяся на рабочие средства, изворачивается: действительно, дескать, кризис еще впереди, а сейчас только—«явления чрезвычайно тревожного характера».

Далее статья обрушивается на буржуазию, обвиняющую рабочих в гибели промышленности; она вспоминает, как когда-то капиталисты якшались с охранкой, чтобы подавить рабочих. Но вся речь против буржуазии направлена лишь для того, чтобы обвинить и рабочих в том самом, в чем повинна буржуазия. Среди рабочих «слишком часто наблюдаются те же чрезвычайно упрощенные настроения, взятые лишь с другого конца».

Пусть правда, что рабочие иногда ошибаются. Но до чего должны были дойти руководители «Известий», меньшевики и эс-эры, чтобы поставить рабочих на одну доску с хозяевами, которые «в выборе рода оружия» против рабочих ограничивались «полицейским участком и жандармским управлением».

Газета зовет к «деловому выяснению действительных причин закрытия предприятий»,—но не рабочими, а правительственной, то есть буржуазной, комиссией, в которую для приличия лишь приглашаются представители рабочих и профессиональных союзов. Смилостивившись немного над рабочими, допустив их представительство, меньшевики и эс-эры уже окончательно распоясываются и переходят в наступление против рабочих. Лицемерно отвергнув «вопрос о чьей-либо виновности», они обрушиваются тотчас же с обвинениями. Они обвиняют рабочих в «неорганизованных выступлениях», в «понижении производительности» и, наконец, распаляются до того, что рядом с «неорганизованными выступлениями» и «понижением производительности» ставят «отсутствие сырья», созданное «прежде всего, конечно, не предпринимателями, а нашим печальным прошлым и войной». Как видно, автор до того распалился, что и отсутствие сырья хотел было поставить в вину рабочим, но спохватился и нашел достаточным в этом деле не винить рабочих, а только обелить буржуазию.

А в заключение статьи вновь говорится о борьбе с «надвигающимся кризисом» и, наконец, в самой последней фразе, избегая слова «локаут», автор осторожнее упоминает мельком о переходе,—в будущем,—предпринимателей в решительное наступление.

В борьбе пролетариата и буржуазии невозможно стоять посрединке, в роли миротворцев, как пытались раньше стоять меньшевики и эс-эры: и они все больше скатываются к позиции: с буржуазией против пролетариата!

13/VII—30/VI.

РАДУЙТЕСЬ!

Сегодня под заголовком «Расправа с большевиком» напечатано следующее сообщение из Вологды:

> 25 июня с. г., в 5 ч. дня, в г. Вологде на вокзале был задержан прилично одетый господин лет 40, так как он, по словам солдат, находясь с утра на вокзале, призывал не признавать Временное Правительство, не подчиняться приказам Керенского, а лишь признавать Сов. Раб. и Солд. Деп. Солдаты, принимая его за шпиона, хотя он отлично и вполне чисто говорил по-русски, отвели его в железнодорожную милицию. Так как милиция, по сведениям, полученным мной от старшего милиционера, несшего дежурство по вокзалу, недавно лишь сформирована и не имеет почти никаких инструкций, то, по моему предложению, дано было знать в ближайший комиссариат и в бюро по контр-разведке.
>
> Задержанный лично мне заявил, что он—большевик и принадлежит к фракции, о чем у него есть удостоверение. Бумаг его никто не успел спросить. Были осмотрены еще вещи, и в одной корзине было полно всевозможных слесарных инструментов. Задержанный заявил, что по профессии он слесарь. И тотчас же появилась версия, что он ехал с целью устроить крушение по Архангельской ветви Северных ж. д. В это время на перроне собралась толпа солдат, около 200 челевек. Бывший при этом подпоручик генерального штаба об‘яснял, что если, мол, его и посадят в тюрьму, то завтра же выпустят, а было бы гораздо справедливей судить его судом народным. Не успел он окончить говорить, как толпа ринулась в помещение милиции, где в это время был лишь один милиционер, и, вытащив арестованного на перрон, стала бить кулаками, а затем топтать сапогами. На штатских, пытавшихся увещевать озверевшую толпу, последняя буквально рычала. Через несколько минут задержанный был мертв, с вывернутыми руками и вывалившимися внутренностями. В это время почти одновременно отошли поезда на Петроград и Москву, и перрон опустел.

Мы не знаем, был ли убитый большевиком или нет. Важно, что его убили, именно как большевика. Это—очевидный и яркий результат той травли, которую ведут против нас все партии от черной сотни до меньшевиков и эс-еров.

Конечно, никакая травля, никакие убийства не заставят нас сойти с того пути, который мы считаем единственно правильным. Гибли при Николае II и Столыпине, сумеем бестрепетно погибнуть при Керенском и Церетелли. Ведь случай в Вологде ничуть не страшнее, чем случай с Генкиной, убитой черносотенцами в 1905 году в Иванове-Вознесенске.

Но любопытно отношение к этому убийству со стороны буржуазной печати. Представьте себе только, что это не боль-

шевик, а, например, Е. Кускова или Прокопович, или Осоргин, в силу дикости толпы, оказался бы «мертвым с вывернутыми руками и вывалившимися внутренностями». Был ли бы тогда этот случай описан под заголовком «расправа с Кусковой». Какая-то садистская, сладострастная кровожадность чувствуется в этом кратком заголовке.

Радуйтесь, Осоргины и Левицкие, Милюковы и Даны, «Русское Слово» и «Рабочая Газета»: вологодское позорное дело—это и ваших рук дело!

13/VII—30/VI

РЕЗУЛЬТАТЫ НАСТУПЛЕНИЯ.

Всем известно, что наступление в Галиции имеет целью не столько разбить австрийскую и германскую армию, сколько—разбить русскую революцию. Не даром все враги революции, вся буржуазия предались самому необузданному ликованию при вести о наступлении. Меньшевики и социалисты-революционеры всецело поддержали политику своего правительства, политику наступления против революции под видом наступления против австрийцев. И результат уже начинает получаться. До сих пор Советы Рабочих и Солдатских Депутатов были неприкосновенны. А теперь телеграф уже принес известие об аресте Совета Солдатских Депутатов в Пензе, для отсылки их на фронт. За пензенским Советом та же участь готовится и другим Советам (в частности московскому,—об организации военно-буржуазного заговора против него уже поступило сведение в нашу редакцию).

Чем об'яснить поворот в отношении солдат к своим Советам? Из писем с фронта, поступающих в нашу редакцию, видно, что солдаты в окопах не верили, чтобы Советы были за наступление: на фронте надеялись, что Советы защитят. А когда оказалось, что во многих Советах эс-еровское и меньшевистское большинство стоит за наступление, тогда солдаты на фронте и посылаемые на фронт увидели, что они обманулись в своих защитниках.

Чтобы понять душевное состояние солдат на фронте, приведем выдержку из воззвания, изданного «Военным союзом личного примера», а затем—письмо с фронта, при котором прислано это воззвание.

Под воззванием подпись 14 офицеров «военного комитета» и 9 лиц «группы гражданского содействия». Интересен состав этой группы. В ней и М. Родзянко, и Леонид Андреев, продавшийся банковской газете «Русская Воля», основанной царским министром Протопоповым, и Гр. Алексинский и далее: Г. Плеханов, Л. Дейч, В. Засулич, Н. Иорданский, Г. Лопатин и Н. Морозов. Небольшая, но теплая компания господ, идущих на поводу у М. Родзянки!

Воззвание начинается обращением к солдатам. «Что ответите вы детям вашим, когда они спросят вас: — «Отец! Где ты был, когда немцы порабощали Россию?». Затем говорится:

> «Бросим споры!.. Всех, кто не хочет быть рабом, кто не не боится умереть за свободную родину, всех солдат и офицеров, целые полки призываем мы возложить на себя суровый подвиг дисциплины, пойти на врага и победить. Граждане! Послушайте голоса совести своей! Ваши выборные, Советы Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов—вся Россия зовет вас! Спасите родину! Победите врага! Ведь гибнет свободная Россия!»

«Союз личного примера» немножко приврал, — вероятно, для «примера»: не все Советы Депутатов одобряли наступление, а только те, в которых большинство составляют эс-еры и меньшевики. Но указание на такие Советы, где в большинстве эс-еры и меньшевики, совершенно правильно: эти советы согласны с Родзянкой, Леонидом Андреевым и Гр. Алексинским и ведут одну с ними политику наступления.

Как же отнеслись к «Союзу личного примера» солдаты в окопах? Ответом является то письмо, при котором прислано нам воззвание. В письме сказано:

> «Прочитавши приложенное при сем воззвание «Военного союза личного примера», мы, солдаты 5-й батареи 12-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, обсудив его совместно, хотели бы помириться с ним. Но когда увидели, что это воззвание с Фонтанки 52, то с презрением и скорбью в душе решили протестовать в виду того, что оно писано где-то в тылу, в хорошо обставленной комнате, а не в грязном и душном окопе, где мы в настоящее время находимся».
>
> «Эта группа обращается к нам, солдатам, с вопросом, говоря: «Когда вы придете домой, то вас спросят дети, где вы были в то время, когда немец порабощал Россию?» — Мы ответим, что все время войны мы находились в окопах, отражая натиск врага; а вот интересно, что ответят эти господа, когда мы придем с фронта и спросим их: «что вы делали эти 3 года войны?» Ответ должен получиться такой: «мы распивали коньяк и другие вина и кричали, что-

бы вести до победоносного конца, ну, словом, пущали в ход все свое красноречие».

«Да, хорошо писать такие воззвания, когда живется спокойно и уютно, и деньги сыплются в карман! А вот, если бы на фронт вас сюда, так мы с великим удовольствием приняли бы, чтоб вся эта группа подписавших воззвание была с нами и личным примером служила нам в бою. Вот тогда-то мы им поверили бы, что они стараются для блага родины. А посылать воззвания к нам на фронт из тыла стыдно, потому что вы, как видимо, не нюхали еще запаха пороха и не слышали звука орудий».

Если, по мнению окопных солдат, нельзя доверять «Союзу личного примера», члены которого сидят в Петербурге на Фонтанке, то точно также нельзя доверять и членам Советов депутатов, сидящим в тылу и одобряющим наступление. Таким членам Советов должно быть «стыдно» посылать свои воззвания или резолюции на фронт.

Заметьте: солдаты, приславшие нам воззвание, «хотели бы помириться с ним»; они, очевидно, не большевики, не противники вообще наступления. Они возмущены только тем, что их призывают к наступлению тыловые господа, сидящие в тепле и живущие в сытости. Так и против политики меньшевиков и эс-еров, составляющих большинство во многих Советах, без всякого влияния большевиков растет у солдат враждебное чувство. А отсюда уже один шаг до того, чтобы под руководством черносотенных офицеров арестовать Советы и тем дать сигнал к контр-революционной гражданской войне.

18—5/VII

РАЗОБЛАЧЕНИЯ.

В течение двух месяцев мы, большевики, доказывали, что участие капиталистов во Временном Правительстве не даст ничего хорошего. Мы говорили, что кадеты и октябристы - министры могут только вредить делу революции. А меньшевики и социалисты-революционеры уверяли, что буржуазия сломлена, что среди министров полное согласие. И они поддерживали правительство полностью, поддерживали его в целом, поддерживали всех министров, кроме Мануйлова.

А теперь начались разоблачения. Вчера газета «Труд» в передовой статье порассказала, как министры-кадеты помогали будто-бы революции. В газете сказано:

«Кадеты, вступив в каолиционное министерство два месяца тому назад, делали только одно вредное дело—подкладывали палки в колеса, в работу министров-социалистов. Тов. Чернову, несмотря на неимоверные усилия провести в жизнь закон о прекращении купли и продажи земли, так и не удалось добиться согласия 4 кадетских министров; т.т. Пешехонову и Скобелеву до сих пор не дали ввести обложение капиталистов налогом на военные прибыли; школьное дело было поставлено кадетом Мануйловым в десятки раз хуже, чем это было при Игнатьеве; Министерство Внутренних Дел под руководством гр. Львова и особенно его товарищей сохранило все старые навыки и не проявило ни малейшего желания итти навстречу демократизации местного управления. В конце же концов, когда на последних днях наступил кризис в Министерстве Народного Просвещения, кадеты во всей широте развернули его и, по решению Петроградского кадетского Центрального комитета, вышли из состава каолиционного министерства».

Итак, кадеты в министерстве только вредили, только подкладывали палки в колеса революции! А мы что говорили все два месяца? И теперь говорим: не только кадеты, но и октябристы-министры могут только вредить, только подкладывать палки в колеса. И мы требуем: вся власть советам!

А меньшевики и социалисты-революционеры вновь обрушиваются на нас за это требование. Они кричат, что наша демонстрация с этим лозунгом вредит делу революции. Они непременно хотят оставить у власти октябристов-министров*).

Разоблачение о кадетах дает нам повод взглянуть и на деятельность Керенского и других министров-социалистов. Что в их деятельности было от себя, по доброй их воле, и что под давлением министров-капиталистов? И самое главное—вопрос о Керенском и о наступлении. Предпринято ли наступление Керенским и другими по их воле или по нужде, по приказу кадетов и октябристов? Ведь один из мотивов ухода кадетов из правительства, как писали в газетах, именно тот, что Керенский не удовлетворил их желаний полностью. Это дает веский повод предполагать, что Керенский все же в известной мере удовлетворял желания кадетов,—удовлетворял поневоле, подчиняясь большинству министров-капиталистов.

Будет ли он и впредь подчиняться буржуазии или же поведет политику, более согласную с общими идеями министров-социалистов,—меньшевиков и социалистов-революционеров? Это мы скоро увидим. Но с уверенностью уже теперь можно ска-

*) Партия октябристов всегда была правее кадетской партии.

зать одно: если бы в правительстве не было кадетов и октябристов, то и политика министров-социалистов была бы ближе к интересам народа.

Таким образом, нынешний кризис власти всецело подтверждает правильность нашего лозунга: вся власть—правительству Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!

19—6/VII.

ИХ БОРЬБА.

Марксисты (социал-демократы) всегда признавали, что всякая политическая борьба есть борьба классовая. Не отдельные лица важны в этой борьбе, а классы, то-есть, те массы населения, которые имеют свои особые интересы в борьбе.

Социал-демократия есть не партия отдельных лиц, а партия рабочего класса, миллионов рабочих. Так называемые вожди пролетариата являются только выразителями его воли, его слугами, а не его хозяевами. Как только слуга или вождь уклоняется с пути, который считается рабочими правильным, его удаляют. Вожди удаляются, а пролетариат остается и продолжает свою борьбу. Так на наших глазах произошло, например, с Плехановым, от которого теперь отвернулся весь пролетариат России, которого теперь превозносит только буржуазия.

Затянувшаяся всемирная война поставила на очередь во всех странах последний, решительный бой между пролетариатом и буржуазией. Слишком много разорения и страдания. Слишком явно буржуазия показала свое разбойничье лицо. Трудящиеся массы негодуют во всех странах. Всюду клокочет возмущение; еще как подземный огонь, то там, то в другом месте прорывается наружу. Буржуазия чувствует и сознает, что ее положение становится шатким. Она напрягает все силы для своего спасения; она не будет щадить никаких усилий, чтобы задушить нарождающуюся всемирную революцию пролетариата.

Обычно в руках буржуазии тюрьмы, полиция, суды, виселицы. Но одних этих средств недостаточно. В ее руках и средства влияния на умы: духовенство всяких церквей, школы от простого сельского училища до университета, целая армия ученых и учителей, почти все газеты и типографии и почта.

И нужно быть готовым. Нужно знать, что все и всякие средства будут пущены буржуазией в ход, чтобы расстроить

ряды революционного пролетариата, смутить умы, поселить взаимное недоверие между рабочими, протиснуть к рабочим слуг лукавых и отторгнуть от пролетариата тех его слуг, которые по своим убеждениям могут явиться самыми верными помощниками рабочих. Больше, чем когда-либо прежде, рабочие должны присматриваться к тем, кого они имеют у себя на службе,—к своим секретарям, организаторам, литераторам, лекторам и т. п.

Рабочие не должны при этом ни на одну минуту забывать, что буржуазия является их смертельным, непримиримым врагом. Поэтому естественно, что чем лучше слуга пролетариата исполняет свои обязанности, тем больше будет кричать против него буржуазия, тем больше будет она травить его, сыпать на его голову всяческие обвинения. При этом будут фабриковаться всякие подложные документы, а буржуазные судьи будут послушно выносить приговоры, угодные буржуазии.

Буржуазным судам пролетариат должен доверять так же мало, как мало доверял он царскому суду. Еще меньше может он доверять обвинениям, какие появляются в газетах, в речах, в приказах лиц, враждебных партии пролетариата.

Ведь еще не очень давно, в апреле, военный министр Гучков об'явил германскими шпионами всех, кто хочет скорее окончить войну. Выходило, что вся многострадальная русская армия состоит из одних только шпионов, а честными людьми оказывались только воинственные дезертиры, окопавшиеся в тылу, да всякие господа, наживающиеся на солдатской крови, на крестьянском разореньи и на пролетарской нужде.

Грубое и глупое обвинение Гучкова сорвалось, как сорвалась раньше попытка буржуазии натравить солдат против рабочих. Но нельзя думать, что такие попытки клеветнических обвинений прекратятся. Нет, обвинения и натравливания будут продолжаться, но они будут хитрее придумываться и более искусно проводиться в жизнь, чтобы лучше обморочить народ. Уже выясняется теперь, в каких направлениях будет проявляться больше хитрости.

Во-первых, огульные лживые обвинения будут заменяться обвинениями не столь общими. Например, Гучков обвинял в шпионстве всех, кто хочет мира. Это обвинение было глупо. Тогда стали обвинять только тех противников войны, которые принадлежат к большевикам. Но среди нас—многие сотни ты-

сяч солдат и крестьян. Опять вышло глупо. Теперь будут осторожнее и постараются опорочить отдельных лиц, надеясь таким путем опорочить и всю партию. В конце концов и такие обвинения не достигнут цели; но временную смуту они могут внести. И к этому нужно быть готовыми.

Больше хитрости стала проявлять буржуазия и в другом отношении. Раньше она сама выступала с обвинениями. А теперь, когда ей уже не верят, она начинает прятаться за спину других: вместо Гучкова или Милюкова выдвигаются вперед Чхеидзе, или бывший социал-демократ Алексинский.

Еще недавно, на минском фронтовом с‘езде, была попытка обвинить Хинчука и Чхеидзе в получении германских миллионов. Теперь на время это обвинение отложено; а если удастся покончить с большевиками через Чхеидзе или Хинчука*), то возобновят против них самих обвинение через Керенского или Чернова.

А потом дойдет очередь и до Чернова, и до Керенского: обвинят и их, чтобы вернуть к власти Гучкова и Милюкова. Таков план клеветнического похода, который все больше выясняется. Этот поход может внести не мало смуты, привести к новым жертвам, но он уже не спасет буржуазии. Он только обострит отношения между прогнившей, исподличавшейся, разбойничьей буржуазией и трудовыми массами населения, победа которых принесет всему миру оздоровление и обновление жизни.

20—7/VII.

НЕОБХОДИМОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ.

С самого начала революции буржуазия и ее друзья ведут систематическую политику лжи и клеветы против партии пролетариата (большевиков). Лгали без конца. Вслед за одной разоблаченной ложью возникала другая. И каждый раз с самым правдивым видом. Теперь, в связи с обострением политического момента, к услугам буржуазии явилось новое «разоблачение», идущее разом из двух источников.

В среду в газете «Власть Народа» напечатано: «Н. С. Чхеидзе заявил кронштадтским морякам, что из источника, не

*) Тов. Хинчук был в то время меньшевиком.

подлежащего сомнению, они завтра узнают, кто такие большевики и ради кого они работают. Завтра,—сказал Чхеидзе,—всем будет ясно, что вы действовали на немецкие деньги».

Странно, что в других буржуазных газетах не приведено этих слов Чхеидзе. Были ли они в самом деле сказаны? И если были, то почему не говорится вся правда, а даются только обещания сказать что-то? Нам передают, что о словах Чхеидзе был сделан запрос по телефону одним из московских меньшевиков, и от члена исполнительного комитета С. Р. и С. Д. Богданова получен ответ, выражающий сомнение, чтобы Чхеидзе говорил то, что напечатано во «Власти Народа».

Второе сообщение напечатано в «Утре России». Это—сообщение Алексинского и Панкратова следующего содержания:

«При письме от 16 мая 1917 года за № 3719 начальник штаба верховного главнокомандующего препроводил военному министру протокол допроса от 28 февраля с. г., прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко. Из показаний, данных им начальнику разведывательного отделения штаба верхного главнокомандующего, устанавливается следующее:

«Ермоленко переброшен 25 апреля с. г. к нам в тыл, на фронт 6-й армии, для агитации, в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию офицеров германской армии Щедицкого и Любес. Ему сообщили, что такого же рода агитацию ведут в России агенты германского генерального штаба, председатель украинской секции союза освобождения Украины Аскоробис-Ялтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подорванию доверия русского народа к Временному Правительству. Деньги на агитацию получаются через некоего Слевенсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве. Деньги и инструкции рассылаются через доверенных лиц. Согласно только что поступивших сведений, такими доверенными лицами являются: в Стокгольме—большевик Яков Фокстенберг, известный под фамилией Ганецкого, и Парвус (доктор Гельфанд), в Петрограде—большевик, присяжный поверенный М. Ю. Козловский и родственница Ганецкого, Суменсон, занимающаяся вместе с Ганецким спекуляцией. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через Гезельшафт, на Стокгольм, а оттуда на Сибирской банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету имеется свыше 2 миллионов рублей.

«Военной цензурой установлены непрерывные обмены телеграммами политического и денежного характера, между германскими агентами и большевистскими лидерами (Стокгольм—Петроград).

«В особом примечании к письму Алексинский и Панкратов сообщают, что подлинные документы будут опубликованы дополнительно».

В этом сообщении много странного. Прежде всего то, что факты были уже сообщены Военному Министру раньше, чем попали в руки Алексинского и Панкратова. Почему же Керенский ничего не предпринимает? Ведь этот «документ« был известен ему еще 16 мая. Полтора месяца о нем молчали, а вот теперь, когда революционный Петербург выступил с требованием о переходе всей власти в руки С. Р. и С. Д., его пытаются использовать против нас. При этом сообщение почему-то идет не от правительства, а от посторонних лиц.

В высшей степени странен и сам «документ». Если верить ему, придется признать, что в германском генеральном штабе сидят какие-то идиоты, не понимающие, что нельзя первым попавшимся людям сообщать имена своих секретных агентов. Во всяком случае, по поводу вчерашних сообщений газет «Власть Народа» и «Утро России» необходимо расследование. До установления фактов авторитетным судом мы не в праве придавать веру этим сообщениям.

Кстати заметим относительно Парвуса (Гельфанда), что это—германский социал-шовинист, в роде того, как Плеханов русский социал-шовинист. И со стороны большевиков поведение Парвуса встречало самое резкое осуждение, как и поведение Плеханова.

20—7/VII.

ПРОТИВ ТАМБОВЩИНЫ.

Политическое положение трудное, запутанное. Тем более спокойствия и осторожности должны проявлять органы демократии, стоящей у власти. Они должны помнить, что отсекая от себя крайних левых, устраивая для них подобие июньских дней, правящие партии роют могилу самим себе, как это сделали французские республиканцы в июне 1848 года.

Имеется ли у нас почва для справедливого недовольства народных масс? Вчера «Труд», а сегодня «Земля и Воля», органы московских социалистов-революционеров, признают, что почва имеется. Вчера мы привели из «Труда» сообщение, что кадеты,

участвуя в правительстве, только вредили делу. А сегодня в № 87 „Земли и Воли“ признается, что:

«Надвигается кризис власти — и через несколько дней мы, может быть, будем иметь дело с совершившимся фактом. Ближайшими поводами к кризису является полная неудовлетворенность деятельностью Временного Правительства. Собирался с‘езд Советов Крестьянских Депутатов и сказал свое веское слово по целому ряду вопросов и в первую очередь по земельному вопросу»...

«Прошел месяц после с‘езда Советов Крестьянских Депутатов — и до сих пор ничего не сделано»...

Между тем вся страна ждет осуществления решения Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов и в этом ожидании проявляются большое нетерпение и нервность. Местами под влиянием создавшегося положения принимается вполне определенное решение о необходимости оказать на Временное Правительство давление. Такое именно решение принял Совет Крестьянских Депутатов Петроградского гарнизона, постановивший явиться к Временному Правительству и потребовать немедленного выполнения сознательной воли трудового крестьянства»...

«Много нареканий с мест вызывает и деятельность министерства внутренних дел»...

По признанию сотрудника «Земли и Воли», «ничего не сделано», «вся страна проявляет нетерпение» и даже Совет Крестьянских Депутатов Петроградского гарнизона пришел в движение. Разве всего этого недостаточно для возникновения стихийного уличного выступления?

Руководящие организации нашей партии в Петербурге приложили все силы, чтобы ввести движение в рамки мирной демонстрации. В том же № 87 «Земли и Воли» сообщается:

В сегоднешнем номере большевистской «Правды» появилась передовая статья, в которой призываются восставшие массы к спокойствию, так как, по словам газеты, цель «мирной» демонстрации достигнута, и революционные массы в достаточной мере показали свою силу и власть.

В полном противоречии со всем этим находится передовая статья той же газеты. В ней возвещается, будто «по подстрекательству и под руководством большевиков началось кровавое восстание» в Петербурге.

Мы уже раньше отмечали, что в поведении московских эсэровских газет не наблюдается ничего подобного тому, что позволили себе их тамбовские товарищи. Нам кажется, что в интересах самих социалистов-революционеров не допускать тамбовщины на страницы своих газет.*

К сожалению, сегодня и «Труд» в статье «Московская печать» не удержался на своей высоте. Вчера он рассказал, как газеты вредили работе правительства, а сегодня, наоборот, говорит, что власть давно уже в руках Совета, и договаривается до солидарности с «Русским Словом» и даже с утверждением «Русских Ведомостей», винящих во всем «безнаказанность предыдущих выступлений».

Социалисты-революционеры не пользовались «безнаказанностью» во время самодержавия, и не к лицу им эта солидарность с «Русскими Ведомостями», ухитрявшимися всегда выходить сухими из воды.

20—7/VII.

СПЕШАТ.

Вчера, в статье «Их борьба» я упоминал о попытке контрреволюционеров обвинить Чхеидзе и Хинчука в получении германских миллионов. Я сказал, что временно это обвинение отложено в сторону и вся клеветническая кампания направлена пока против большевиков. Но что дойдет очередь и до меньшевиков, и до социалистов-революционеров, я не думал вчера, что уже сегодня мое предсказание начнет оправдываться. Но буржуазия спешит, нервничает и не может удержаться, чтобы не раскрывать своих карт преждевременно.

Сегодня в буржуазной (лже-социалистической) газете «Власть Народа» уже находим следующие сообщение:

Обыск в особняке Кшессинской*).

При обыске в особняке Кшессинской найдены документы, указывающие на сношение обитателей особняка с Германией.

Присутствовавший при обыске представитель министерства юстиции Миронов обратил внимание на эти документы находящегося тут же члена исполнительного комитета Богданова, на что последний грубо сказал:

— Почем мы знаем, что эти документы не вы подбросили?

Все найденные документы были отправлены в контр-разведочное бюро.

---

*) Кшессинская—бывшая любовница Николая II. С начала революции дом был занят большевиками для своей организации.

Клеветнический характер этого сообщения слишком очевиден. Богданов, которого теперь обвиняют,—меньшевик, ни мало неповинный в сочувствии к большевикам. И цель этой клеветы ясна. Дело в том, что Петербургский Совет. Раб. и Солд. Депутатов взял в свои руки расследование по обвинению большевиков в сношениях с Германией. В комиссию вошли меньшевики и социалисты-революционеры. Буржуазия знает цену своим обвинениям и спешит заранее опорочить решение советской комиссии.

Еще несколько дней и клеветнический поход против нас, предпринятый агентами буржуазии, обрушится на ее собственную голову.

21—8/VII.

ИЩУТ ВИНОВАТОГО.

До 18 июня говорили, будто австро-германцы перекинули почти все свои силы на французский фронт, а на русском фронте оставалась будто бы только узкая лента, которую совсем легко прорвать. И наступление началось.

Сначала—наши победы, неизвестно какой ценой доставшиеся: наши потери тщательно скрываются. Потом остановка. А теперь уже над русской армией готово разразиться страшное несчастие: немцы прорвали фронт и подвигаются к Тарнополю (в Галиции). Вместо фактического перемирия, которое установилось было в течение почти четырех месяцев, новая война, новые жертвы,—и опасность нового германского нашествия. Ищут виноватого. Кто же виноват?

Если бы победа была наша, то, конечно, говорили бы о самоотверженной храбрости солдат, но еще больше превозносились бы доблесть и искусство полководцев. А теперь, когда произошла заминка, полководцы остаются чистыми, а вся вина сваливается на солдат, которые будто бы не исполняют приказов о движении вперед и отступают без приказов.

Можно бы указать, что плох тот полководец, который, предпринимая военные операции, не с'умел учесть дух войска. Но не в эту сторону обращено внимание буржуазных обвинителей. Вот, для примера, статья Оглина в воскресном номере «Русских Ведомостей». Автор видит виновного, конечно, не в полководцах, а в солдатах. Но почему плохи стали солдаты? Конечно, прежде всего, по вине большевиков.

Но стоит ли толковать много о большевиках? Ведь часть их уже—арестанты; другая часть тоже не сегодня, так завтра попадет за решетку, благодаря усердию меньшевиков и социалистов-революционеров. Буржуазия считает, что с большевиками покончено. Пора браться за других.

И потому Оглин пишет, что дисциплина подорвана не одними большевиками, а «всем Петроградским Советом Рабочих Депутатов, издавшим свой пресловутый приказ № 1». Вот в ком вина,—в меньшевиках и эс-ерах, вина в Советах!

И Оглин распаляется дальше:

«Солдаты не верят своим офицерам. Но разве такие небольшевистские газеты, как «Солдат-Гражданин», не стремились систематически дискредитировать офицерство и не рекомендовали замещение командных должностей путем выборов солдатами»?.

В «Солдате-Гражданине», насколько известно, руководят эс-еры. Итак, долой эс-еров,—кричит Оглин и рекомендует, чтобы в казарме восстановлен был старый порядок, когда солдаты знали, что «их дело сражаться, и повиноваться приказаниям своего начальства, а не рассуждать о целях войны или расценивать целесообразность отдаваемых им распоряжений».

Слышите, товарищи-солдаты, чего хочет буржуазия? Чтоб вы не рассуждали о целях войны, а шли бы молча и умирали бы за барыши русских, французских и английских капиталистов.

Меньшевики и социалисты-революционеры недостаточно внушают вам это,—и буржуазия уже негодует на них. Не сегодня, так в недалеком будущем она вновь поднимет обвинение против Чхеидзе и Хинчука в получении германских миллионов; Алексинские и Панкратовы опубликуют документы, доказывающие, что по части германских миллионов не совсем чисты и Чернов, и Минор.

Теперь меньшевики и социалисты-революционеры обыскивают и арестуют нас, большевиков. Наши дороги разошлись. Но это не надолго. Мы еще встретимся вместе и, может быть, скоро, за одной и той же тюремной решеткой. Впрочем, не все: Керенский, например, уже перестанет к тому времени быть социалистом-революционером.

Во всяком случае, кадеты с черносотенцами найдут виновных не только среди большевиков.

24—11/VII.

ЗА КЕМ ОЧЕРЕДЬ.

В Петербурге начались аресты социал-демократов интернационалистов; а в Москве пока еще удовольствуются обысками и отобранием оружия у пролетариата. И в Петербурге и в Москве все это делается по требованию буржуазии и с одобрения мелко-буржуазных партий меньшевиков и социалистов-революционеров.

Но само собою разумеется, что преследованием одних только большевиков и вообще интернационалистов буржуазия удовлетвориться не может. Хотя, например, московские газеты «Труд» и «Земля и Воля» оповещают о своей полной солидарности в некоторых важных вопросах с буржуазными газетами «Русское Слово» и «Утро России»,—между этими газетами остается кое-какое различие во взглядах и целях. Имеется различие и между интересами крупной и мелкой буржуазии.

Поэтому крупная буржуазия не может успокоиться, пока не вернет себе всю власть. Надломивши силы левого фланга революции руками меньшевиков и социалистов-революционеров, буржуазия торопится открыть поход против теперешних исполнителей ее воли.

Мы уже отмечали клеветническое сообщение газеты «Власть Народа», обвинившей меньшевика Богданова в укрывательстве большевиков. Это сообщение было напечатано и в других московских газетах. Но теперь предположение о возможности укрывательства исходит уже не от отдельных газет, а от Центрального Комитета партии «Народной свободы» (кадетов).

Как известно, по поводу последних петербургских событий ведется следствие, в котором близкое участие решили принять Советы Депутатов. Кадеты протестуют против участия Советов, в которых руководство принадлежит социалистам-революционерам и меньшевикам. Кадеты выражают недоверие к этим партиям. Они заявляют:

«Взволнованное и негодующее общественное мнение не допускает мысли, что на этом пути (подавления «бунта») правительство обнаружит колебание и нерешительность».

Если бы кадеты «не допускали мысли», то они и не говорили бы об этом ;но в том-то и дело, что они «допускают мысль» и потому говорят дальше, что «подавлением бунта» должен за-

ниматься исключительно государственный суд, который «не может быть ни заменяем, ни останавливаем каким бы то ни было расследованием партийной или иной организации».

Под «партийной или иной организацией» кадеты разумеют именно Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Язык у кадетов тонкий, дипломатический; а если сказать то, что они говорят, языком простым, то их речь означает:

«Долой Советы! Долой меньшевиков и социалистов-революционеров! Пусть все дело будет поручено судьям, назначенным царем Николаем и до сих пор сидящим на своих местах!»

И отдачу революционеров всецело в руки царских ставленников кадеты называют отдачей революции «под охрану надежных сил».

Силы, не спорим, довольно таки надежные, особенно благодаря стараниям бывшего министра Щегловитова, дело которого далеко не было исправлено Керенским. Эти щегловитовские «надежные силы» охраняли царя и кадетов до февраля 1917 года: революция потормошила немножко щегловитовскую организацию, но не уничтожила ее. И к ней обращены теперь все кадетские сердца. Советы депутатов становятся на дороге, меньшевики и социалисты-революционеры еще не совсем забыли щегловитовское правосудие,—поэтому буржуазия поднимает крик: «Долой Советы! Долой меньшевиков и социалистов-революционеров!»

25—12/VII.

АВГУСТ

СТАТЬИ ИЗ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА».

ЗАВЕЩАНИЕ.

Товарищи рабочие и солдаты и все читатели, сочувствующие нашей газете! Наша газета приговорена к смертной казни новым самодержавным правительством. Приговор еще не приведен в исполнение, но мы уже считаем последние дни, может быть последние часы своей жизни! Товарищи! В течение четырех месяцев мы по совести и по мере сил своих служили делу революции и свободы. И за это над нами произнесен безжалостный приговор.

За четыре месяца мы получили со всех концов России бесчисленное количество приветствий и слов благодарности. За недостатком места в газете мы не могли печатать их. Примите же от нас сердечное спасибо все, кто ободрял нас говорить слова правды!

Наша газета работала не только над просвещением, но и над организацией пролетариата. И теперь, в последние часы нашей жизни, к нам идут со всех сторон радостные вести, что дело организации ширится и крепнет, что быстро растут ряды наши. И в этот то момент, когда печатное слово становится особенно необходимым для руководства и освещения деятельности организаций со многими десятками тысяч членов,—новое самодержавие решило задушить рабочую газету.

Близятся выборы в Учредительное Собрание. На многие годы решается судьба России во время этих выборов. Поднимает голову черная сотня, чтобы агитировать за Романовых. Наглеет буржуазия в надежде, что удастся ей вернуть, если не Николая, то его брата Михаила. И в этот момент новое самодержавие,—самодержавие Керенских и Скобелевых,—лишает

пролетариат возможности принять правильное, сознательное и организованное участие в выборах: пролетарскую печать душат.

Дни нашей газеты сочтены. Может быть даже это завещание наше уже не увидит света. Но если вы прочтете его, если не успеет сегодня же ночью явиться в типографию палач рабочей газеты, то знайте и помните:

что и при старом самодержавии тернист был путь рабочей печати;

но рабочие умели всегда воскрешать свою печать вновь и вновь своими дружными, массовыми действиями;

и что пока жив пролетариат, до тех пор никакая вражеская рука,—ни рука Горемыкиных и Романовых, ни рука Данов и Керенских, не в силах будет окончательно подавить волю пролетариата к жизни, к свободе и власти.

Рабочая печать приговорена к смерти.

Да здравствует рабочая печать!

1/VIII—19/VII.

ПОХОД ПРОТИВ ПРОЛЕТАРИАТА.

Поход против пролетариата и солдат, ведущийся под предводительством Данов, Либеров, Керенских и Церетелли *), продолжается. Раньше мы узнали о закрытии «Правды» и «Окопной Правды», а также двух ревельских рабочих газет. Сегодня в «Утре России» находим сообщение о закрытии нашей газеты «Социал-Демократ». Слух о закрытии «Социал-Демократа» разнесен в Москве еще в субботу. Приказ не приведен пока в исполнение; но ясно, что «Социал-Демократ» доживает свои последние дни.

«Социал-Демократ», как и «Правда», как и другие большевистские газеты, жил исключительно на средства рабочих. Никаких буржуазных «благотворителей» большевистская печать не имеет. Этим она отличается от печати эсеровской и меньшевистской. Закрытие наших газет является прежде всего ударом по тощему карману пролетариата и солдат; оно разорит хозяйство, уже налаженное; оно потребует больших расходов на ликвидацию дела.

---

*) т. е. М. и С-Р.

При самодержавии рабочих также разоряли закрытием газет. Всем памятна история «Правды» в 1912—1914 годах. Но тогда убыток был меньше: удавалось тотчас же восстанавливать газету под другим названием. А теперь это становится невозможным за отсутствием типографии. Петербургская партийная типография, купленная на средства рабочих, занята караулом. В Москве газета печаталась в типографии, реквизированной только под газету «Социал-Демократ». Нас всячески выживали из этой типографии. Новая газета уже не смогла бы там печататься,—не дадут.

Все частные типографии захвачены буржуазией и ее газетами. Даже для еженедельного журнала «Спартак» оказалось невозможным найти типографию.

Пролетариат обеих столиц таким образом лишен возможности иметь свою газету на неопределенное время,—может быть на все время господства Керенских и Церетелли, Данов и Либеров. Понимают ли эти господа, что они делают?

Ведь они еще считают нужным сохранить влияние Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. И в то же время они отталкивают от себя, арестуют наиболее революционную часть рабочих и солдат и душат рабочую и солдатскую печать. Неужели они думают, что об'явленные вне закона рабочие и солдаты смогут подняться для спасения власти тех самых Советов, которые их душат, об'являют вне закона и расстреливают?

Неужели не понимают господа Керенские и Даны, что своей политикой они обостряют отношения внутри страны, в то самое время, когда на словах призывают к единению и к общей жертве? Очевидно, не понимают. Человек, одержимый паническим ужасом, глух ко всем доводам рассудка. А эти господа в панике, если не хуже...

Как бы то ни было, а нашей партии, в лице московского и петербургского пролетариата, предстоит пережить такое же положение, как в начале войны, когда была задушена рабочая печать. Не убило нас самодержавие Романова, не убьет и самодержавие Керенских и Данов.

1/VIII—19/VII

ПОЛУЧАТ ЛИ ЗЕМЛЮ КРЕСТЬЯНЕ?

Вчера в статье Л. Троцкого в нашей газете было указано, что борьба буржуазии против социалиста-революционера министра Чернова означает борьбу помещиков против крестьян из-за земли. Когда Чернову пришлось уйти из правительства, это означало,—добавим мы,—что эс-еры предали и Чернова и крестьянство. Затем Чернова вернули,—очевидно, сами эс-еры испугались своего предательства. Но каково же теперь положение Чернова? Многое ли он сможет сделать теперь?

Ответ дал сам Чернов. 2-го августа закончилось совещание представителей министерства земледелия при губернских земельных комитетах. Здесь Чернов сделал ценные признания, которые напечатаны в кадетской газете «Речь». Кстати сказать, в той же «Речи» постоянно печатаются сообщения о положении в деревне; и в последние дни все чаще сообщается об арестах крестьян, о предании их суду, о посылке воинских команд для усмирения крестьян, не желающих ждать с землей до второго пришествия или, как говорится теперь, до Учредительного Собрания. Об арестах говорилось и на «совещании». Но тут факты еще интереснее. Оказывается, что теперь арестуют не крестьян отдельной деревни, обидевшей помещиков, а самих членов земельных комитетов; и аресты производятся на основании старых законов, бывших при Николае. То-есть начинается в деревне та же усмирительная политика, какая была после аграрного движения 1905—1906 годов.

Что-же сказал по поводу этого министр Чернов? Он прямо заявил, что усмирительная политика будет усиливаться.

— Теперь, с восстановлением деятельности судебно-следственных властей,—сказал он,—деревне грозит еще худшее зло: аресты, а за ними волнения и беспорядки.

Кто будет арестовывать? Конечно, министерство внутренних дел, во главе которого стоит социалист-революционер Авксентьев.

А кто будет подавлять «волнения и беспорядки»? Конечно солдаты, посылаемые социалистами-революционерами—Керенским и Савинковым. Они пойдут громить деревенскую Русь под угрозой смертной казни за неповиновение. О восстановлении смертной казни в тылу уже хлопочут.

А что же делает и будет дальше делать Чернов—товарищ Керенского, Савинкова и Авксентьева по партии и по министерству? Чернов будет хлопотать об издании новых земельных законов. Но об этих законах на том же «совещании», как сообщает газета «Речь», Чернов заявил, что «он давно предсказывал, что деревня старыми дореволюционными законами не проживет, и что опоздание с изданием новых законов грозит выбить деревню из законной колеи». Но «во Временном Правительстве его законопроекты откладывались рассмотрением, натыкались на глухое и упорное сопротивление с разных сторон».

С каких сторон? Только ли со стороны «буржуазных» министров? Тогда почему Чернов не говорит этого прямо? Или же и министры меньшевики и эс-еры мешали Чернову, желая спасти землю для помещиков? О меньшевиках Чернов молчит, но об эс-ере Керенском, министре-председателе, он «выразил уверенность, что министр-председатель примет во внимание истину, что искушать здравый смысл и инстинктивно-мудрую устойчивость крестьянства становится во всех отношениях не безопасным, а потому назначит в ближайшее же время во Временном Правительстве особый земельный день для рассмотрения накопившихся законопроектов министерства земледелия».

Из этого признания Чернова видно, что между Керенским и Черновым не все ладно: Керенский до сих пор не хотел «принять во внимание», что «искушать крестьянство не безопасно». Чернов грозит Керенскому крестьянскими волнениями и просит, чтобы правительство удосужилось выбрать день,—только один денек,—для рассмотрения земельных законопроектов. Но правительство, пока что, находит время для рассмотрения доклада Корнилова о восстановлении смертной казни по всей России, а для земельного вопроса у него будто бы нет времени.

Таким образом, проекты Чернова продолжают «натыкаться на глухое и упорное сопротивление с разных сторон»,—прежде всего, конечно, со стороны кадетов, но затем, очевидно, и со стороны министров, называющих себя социалистами-революционерами. Вместо новых земельных законов идут аресты и усмирения, под руководством Авксентьева, Зарудного, Савинкова и Керенского.

Путь, по которому пошло новое правительство, во главе с социалистами-революционерами, становится с каждым днем яснее. На этом пути крестьяне получат не землю и волю, а

тюрьму, Сибирь, каторгу, виселицы и расстрелы. В своих газетах и в речах социалисты-революционеры еще болтают о земле и воле, но этот лозунг под их руководством грозит осуществиться так, как он осуществлялся в Кронштадте в 1906 году: тогда присужденным к смерти матросам и солдатам офицеры говорили, издеваясь над ними перед казнью:

— Сейчас вы получите и землю,—три аршина, и волю—на небесах.

22—9/VIII.

ПЕТУШКОМ, ПЕТУШКОМ.

Вчера в нашей газете тов. Н. Осинский с недоумением отметил, что Московский городской голова Руднев, ставленник социалистов-революционеров, оказался в контр-революционной компании около ген. Корнилова. Действительно, странно было видеть социалиста-революционера среди лиц, поддерживающих грядущего диктатора, миссия которого—свержение Керенского Авксентьева, Чернова и других членов Временного Правительства. Странно было встретить имя Руднева рядом с именами Пуришкевича, Путилова, Вышнеградского, Каледина, Милюкова и других главарей контр-революции. Подозрительно это якшание Руднева с темными силами реакции в момент, когда эти силы готовы были приступить к решительным действиям.

Но вчера же в «Русских Ведомостях» мы находим сообщение, не оставляющее более сомнений относительно г. Руднева. В качестве городского головы этот господин явился на церковный собор и заявил:

— Пока будет жить свободный русский народ, живым пламенем будет гореть в нем христова вера.

Нам нет дела до того, как и чему верит лично г. Руднев. Но, как представитель города, в котором живут и инаковерующие, Руднев не имел права выступать сторонником одного вероучения, так как тем самым он выступает, как враг всей той части населения Москвы, которая не придерживается учения данной церкви.

Появление Руднева в числе корниловской свиты, как и речь его на церковном соборе, ясно показывают, что г. Руднев

заискивает перед реакцией, примазывается к ней, бежит за нею петушком. «Мартовские эс-еры»*) уже почуяли, куда ветер тянет...

Хватит ли у эс-еров честности и мужества дать публично достойную оценку поведения г. Руднева? Если не хватит, то тем хуже для партии социалистов-революционеров.

31—18/VIII.

---

*) То-есть записавшиеся в эту партию с марта 1917 года.

СЕНТЯБРЬ

СТАТЬИ ИЗ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА».

КТО КОМУ ВЕРИТ?

Давно уже, приблизительно с начала июля, стало замечаться, что наша буржуазная печать всячески рекламирует неудачи на фронте,—подобно тому, как весной она рекламировала неудачу на Стоходе. События на Стоходе позже были выяснены, и оказалось, что неудача явилась делом рук высших командиров. Буржуазная печать вынуждена была тогда на время прекратить свои пораженческие рекламы.

С июля на помощь буржуазным пораженцам пришли официальные донесения; в этих донесениях поведение солдат стало изображаться в самом неприглядном виде. Таким способом удалось запугать мелкую буржуазию и Временное Правительство и начать проведение реакционных мер. Была восстановлена смертная казнь.

В дни московского «совещания» опять выступила на сцену пораженческая реклама! Стали писать небылицы о поведении наших солдат в Румынии *). Эта реклама была шита белыми нитками. Она понадобилась для контр-революционных заговорщиков, чтобы провести в жизнь реакционные меры, предложенные Корниловым и Калединым. Этим господам не терпится,—и уже появилась в газетах вчера, 19 августа, следующая телеграмма:

> Могилев, 17/VIII. В виду произвольного, постыдного оставления некоторыми частями на румынском фронте своих позиций, верховный главнокомандующий срочной телеграммой председателю министров снова категорически настаивает на необходимости проведения в жизнь тех мероприятий, о которых он докладывал на государственном совещании в Москве (ПТА).

*) Румыния была разбита германцами. На помощь ей были двинуты русские войска.

Но вчера же напечатана и другая телеграмма. В ней мы находим свидетельство о событиях не со стороны царских генералов, а со стороны центрального исполнительного комитета румынского фронта, черноморского флота и одесского округа. Эти организации (а не царские генералы) говорят о чрезвычайной самоотверженности солдат на румынском фронте и в заключение просят принять меры, чтобы:

> 1) официально, перед всей Россией была установлена доблесть и беззаветная храбрость солдат румынского фронта; 2) чтобы была прекращена травля в печати солдат, которые ежедневно тысячами гибнут в ожесточенных боях, защищая революционную Россию; 3) чтобы было обращено внимание на официальные сообщения из авторитетных источников, которые, подчеркивая доблесть офицерства, как бы замалчивают преданность солдат делу защиты революции и их высокий героизм, проявляемый в боях. Исполнинительный комитет указывает на могущие произойти пагубные последствия этого, ибо настроение в частях падает, а постоянные противопоставления офицера солдату не могут способствовать установлению единения между офицерами и солдатами. Не находя действительного отражения боев в официальных сообщениях и в печати, солдаты доискиваются причин тенденциозности изложения, что нередко способствует распространению тревожных слухов о действиях командного состава.

Как видите, в этом документе прямо указывается, что в официальных сообщениях о положении на фронте пишут неправду.

Кому же верить? Царским генералам или центральному исполнительному комитету румынского фронта? Вы скажете, что, конечно, нельзя верить царским генералам. Но Временное Правительство думает, как видно, иначе. Появилось сообщение, что военное министерство уже закончило выработку законопроекта в угоду требованиям Корнилова, и что проект этот скоро будет внесен на одобрение Временного Правительства. Очевидно, социалисты-революционеры Керенский, Савинков и другие больше верят генералам.

А московская эсеровская газета «Труд» поступила еще лучше: она скрыла от своих читателей телеграмму, неприятную для Корнилова, изобличающую генералов в неверном сообщении фактов. Очевидно, городской голова Руднев, записавшись рядом с Пуришкевичем и Милюковым в свиту Корнилова, действовал не без согласия редакции газеты «Труд».

2/IX—20/VIII.

„УПРАВА“ НА РИГУ.

Революция показала полное недоверие России к правительству царя. Николая II революция сбросила с пути русской истории. Язва распутинско-романовского двора вскрыта, освещена. Но залечена ли она? Разве распутинство ограничивалось только стенами царского дворца? Разве все высшие чины государственной власти не являются избранниками и ставленниками того самого глупого и предательского двора, который приблизил к себе Распутина, который открывал дорогу к высшим должностям только самым грязным и бездарным личностям?

Излечить язву самодержавия, оздоровить общественный организм в России возможно было только при условии полной ликвидации царско-распутинских ставленников. И революция тотчас принялась за это дело. В первые же дни, путем восстания народного, было ликвидировано наиболее ненавистное министерство—министерство внутренних дел. Полетели в пропасть губернаторы, градоначальники, полицеймейстеры, охранники, жандармские управления.

Все они были убраны с дороги восставшим народом. Но власть была захвачена буржуазией, и началось дело спасения царско-распутинской организации. Министерство щегловитовщины *) было только для вида подчищено Керенским. В других ведомствах сделано еще меньше.

И меньше всего было сделано для чистки царских конюшен в ведомствах самых важных для данного момента,—в военном и морском министерствах. Все верхи армии и флота, весь генералитет, поставленный на должности, избранный и возвышенный Распутиными и Романовыми, остался в целости. На место царского генерала Алексеева поставлен царский генерал Брусилов, потом такой же царский генерал Корнилов; перемещено может быть еще несколько десятков генералов—этим все и ограничилось. Высший командующий состав армии остался старым, романовско-монархическим. Могла ли питать доверие к этому составу страна, только что свергнувшая царя? Могла ли доверять армия? Конечно, нет.

Способна ли воевать армия, не питающая никакого доверия к своим командирам? Очевидно, нет. И бросать такую

*) То-есть министерство юстиции, во главе которого стоял Щегловитов.

армию, под такой командой в наступление значило—сознательно обрекать ее на тяжкие и бесплодные жертвы. Однако, развитие боевых действий уже само по себе могло бы помочь устранению недоверия хотя бы к отдельным лицам из командных верхов. А затем могли бы выдвинуться новые, талантливые командиры из низов, из числа лиц, преданных революции и заслуживших доверие армии. На это, повидимому, и рассчитывали наши империалисты, устроившие наступление 18 июня.

Оправдались ли их надежды? Нет. Вслед за коротким периодом успеха началось отступление в Галиции, начались поражения. Что же сделало правительство, чтобы спасти в этот критический момент престиж командного состава?

История великой Французской революции показала пример того, как возможно действовать в подобных случаях. Там тоже во главе армии стояли генералы, поставленные до революции. И они также проигрывали сражение за сражением,—как потом выяснилось, проигрывали сознательно. Что же сделали тогда французы? Они отрубали голову каждому генералу, проигравшему сражение,—и рубили до тех пор, пока генералы не научились побеждать.

У нас поступили наоборот: всю вину взвалили на солдат, восстановили смертную казнь для солдат, приняли меры к усилению власти генералов, поставленных царским правительством.

Но прошло немногим более месяца, как уже начались разоблачения относительно отступления в Галиции. Все чаще появляются сведения в печати о том, что отступление было продиктовано из штабов. Но солдаты не послушались и задержали немцев на русско-австрийской границе. Теперь —новое поражение русских войск. Не в Галиции, а под Ригой, в ближайшем расстоянии от революционного Петрограда.

Давно уже, еще в июне, дан лозунг «найти управу и на Петроград». Этот лозунг формулирован меньшевиком А. Потресовым; но он, конечно, с самого начала революции являлся затаенным желанием буржуазии. И вот наступил момент, когда, согласно этому лозунгу, нашли уже управу на революционную Ригу. И может быть близка очередь Петрограда.

Во время революции 1905 года царское правительство не постеснялось угрожать революционной России призывом германских войск для усмирения. Теперь царь удален, но та шайка, которая стояла в 1905 году за спиной царя, которая грозила

тогда призывом германских войск,—эта шайка продолжает фактически править Россией, несмотря на кажущийся переход власти к новым людям. И каждый из нас, после отдачи Риги германцам, должен поставить себе вопрос: какие еще сюрпризы против революции готовят эти избранники и ставленники Николая Романова, продолжающие держать в своих руках жизнь и судьбу миллионов русских граждан?

5/IX—23/VIII.

РЕСПУБЛИКА.

До сих пор Временное Правительство всех составов упорно отказывалось от признания республиканского строя. Не был он провозглашен и на московском совещании. Понадобилась корниловщина, понадобилось изгнание кадетов из правительства под давлением Советов, чтобы Временное Правительство признало наконец незаконность претензий на «престол предков» со стороны романовских выродков и всяческих проходимцев. Все это проливает достаточный свет на республиканизм кадетов, так быстро перекрасившихся в марте в республиканский цвет.

Но слово «республика» обязывает. Нельзя провозглашать республику и в то же время оставлять в силе классовую и сословную основу монархии.

В республике все граждане равноправны, и не может сохраняться никаких сословных привилегий,—не может оставаться особых сословий,—дворянского, купеческого, мещанского, крестьянского, казацкого и т. д. Все чисто сословные учреждения и организации подлежат немедленной ликвидации, а имущества их должны поступать в ведение бессословных (городских, волостных, сельских, земских, государственных) учреждений.

В особенности же необходима немедленная ликвидация чисто монархического дворянского сословия. Но дворянство было «опорой престола» не только как сословие, но и как класс. Ведь именно экономическому господству крупного землевладения соответствует в истории монархический строй. Оставлять помещикам их экономическую силу, оставлять им землю—это значит оставлять в силе основу монархии.

Поэтому необходимо немедленно об'явить, что:

1) дворянское сословие уничтожается;

2) все имущества, капиталы и учреждения дворянских обществ переходят в собственность государства и

3) помещичье дворянское землевладение ликвидируется, и земля немедленно переходит в заведывание крестьянских земельных комитетов.

18—5/IX.

СДВИГ.

Заговор Корнилова и соучастие в нем кадетских буржуазных элементов произвели сдвиг влево как среди социалистов-революционеров, так и среди меньшевиков. Это заметно и по московской газете «Вперед»: в ней вы можете теперь встретить заявления, о которых трудно было и мечтать месяц назад. Так например, вчера высказано определенное недоверие к политике Керенского.

> «Во имя призрачного, широкого базиса,—сказано в газете,—тянущийся за кадетами Керенский лишился из-за своей нерешительности, единственно реальной опоры—революционной демократии. Кормчий, не имеющий твердой решимости, он решился на создание на эти дни, до 12 сентября, директории из 5 лиц. Эта власть будет бессильна, ибо у нее нет опоры; временность лишает ее воли к творчеству».

Но еще более интересно, что газета чувствует необходимость отмежевываться от либерданов *), утопистов русской революции, в лице крайних оборонцев Плеханова-Потресова и революционных оборонцев Церетелли-Дана. Можно только приветствовать подобный сдвиг. Но достаточен ли он и прочен ли?

Пока еще вопрос о достаточности и прочности приходится оставлять под сомнением. Очень серьезный повод к сомнению дает отношение советских меньшевиков к вопросу о вооружении пролетариата. Это отношение—какое-то опасливое, недоброжелательное. Люди, возглавляющие демократию опорой революции, в вопросе о вооружении этой самой демократии не только не идут впереди массы, но и стараются придумывать бюрократические препятствия или сводить вооружение к минимуму.

---

*) Либердан—слово, образовавшееся из двух фамилий (Либер и Дан) наиболее свирепых меньшевиков того времени.

Отношение партии к вопросу о вооружении демократии— это пробный камень, по которому безошибочно можно судить о действительности и искренности демократизма политической партии. И остается пожелать, чтобы меньшевики и эс-еры поскорее расстались со своею боязнью вооружения пролетариата, чтобы они отделались от буржуазных предрассудков и стали на путь демократизма без всяких оговорок и недомолвок.

19—6/IX.

ПЕРЕГРУППИРОВКА.

Открытое выступление контр-революции и недостаточно энергичная борьба против нее дали толчек к перегруппировке общественных сил.

Выступление Корнилова обнаружило общую контр-революционность буржуазии и показало, что она быстро приближается к состоянию «сплошной реакционной массы». Здесь в этих слоях населения, безнадежное дело искать поворота влево; здесь могут люди только дальше об'единяться по всему фронту, от кадетов до бывшего «союза русского народа».

Вполне определенный процесс наблюдается и в пролетариате: здесь идет быстрое сплочение в одну классовую пролетарскую партию вокруг нашей партии или, как говорят враги пролетариата, «стихийный рост большевизма».

Наиболее пеструю картину, естественно, приходится наблюдать в промежуточном слое мелкой буржуазии и в мелкобуржуазных партиях, то-есть среди меньшевиков и эс-еров. О расколе среди меньшевиков, о разделении их фактически на два почти враждебные лагеря (меньшевиков-интернационалистов и либерданов) нам уже приходилось говорить. А о внутренней борьбе среди эс-еров пока были лишь неясные сведения; теперь и среди них внутренняя борьба вышла наружу.

Эс-ер Чернов выступил против эс-ера Керенского. Керенский не заставил себя ждать и ответил обвинением Чернова чуть ли не в недобросовестности. Это—на первый взгляд только личное,—столкновение является лишь отражением того, что линии политического поведения Керенского и Чернова разошлись под влиянием расхождения в самой эсеровской массе.

Интересен общий характер их спора: Чернов обвинил Керенского в действиях, изобличающих отступление от задач ре-

волюции; а Керенский снимает с себя вину и валит ее на Чернова. Оба таким образом стараются показать себя более левыми,—результат того, что в самой мелкой буржуазии начался сдвиг влево.

Об этом свидетельствует и конфликт обеих мелкобуржуазных партий (в лице Центр. Исп. Комитета) с Временным Правительством. Центр. Исп. Ком. потребовал от Керенского не включать кадетов в министерство. Керенский согласился на это лишь после того, как дело между ним и Ц. И. К. чуть не дошло до вооруженного столкновения (причем Керенский, по слухам, пытался действовать через «дикую дивизию»).

Вчера появилось новое известие, свидетельствующее о продолжении конфликта. Временное Правительство стремится с'узить борьбу против корниловщины, об'являет корниловщину уже ликвидированной и приглашает комитеты по охране революции прекратить свое существование. А Центр. Исп. Комитет считает дело неконченным и призывает эти комитеты продолжать энергично работать, в тесной связи с «комитетом народной борьбы против контр-революции», образовавшемся в корниловские дни при Ц. И. К. Таким образом, меньшевики и эс-еры из Ц. И. К. пока пошли в этом вопросе не за одно с соглашателями из Временного Правительства, а против их. На долго-ли?

Среди мелкой буржуазиии все явственнее обнаруживается расхождение, свидетельствующее о перегруппировке общественных сил. При этом неизбежны зигзаги и колебания вновь и вновь в сторону соглашательства с буржуазией. Но расхождение, раз начавшееся, пойдет и дальше.

20—7|IX.

ПРАВИЛЬНО.

В Рыбинске городская управа обратилась ко всем владельцам жилых помещений с требованием сообщить в течение 3 дней о всех свободных квартирах и комнатах. После 3 сентября все свободные помещения будут реквизированы.

Правильно! То, что решили сделать в Рыбинске, еще более необходимо произвести в Москве. Квартирная нужда здесь страшная. А рядом—особняки в 20, 30, 40 комнат, занятые одной семьей!

В Москве—дровяной голод; а особняки в 40 комнат будут поглощать гору топлива для удовлетворения одной семьи!

Буржуазия кричит: «все для войны!»,—а действуют по правилу: «от нас—ничего для войны!»

Война прекратила домостроительство. Она создала и квартирный и дровяной голод, и прямая обязанность буржуазии потесниться. Добровольно она этого не сделает.

Социалисты-революционеры, гласные Городской Думы! Городское хозяйство в ваших руках. Что же вы предприняли, чтобы заставить буржуазию потесниться?

23—10/IX.

ТОЖЕ „СОЦИАЛИСТЫ", ТОЖЕ „РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ".

После короткого перерыва в Москве вновь стала выходить эсеровская газета «Земля и Воля»,—на позор самим же социалистам-революционерам. «Земля и Воля» все еще, даже теперь, считает невозможным обойтись без коалиции с буржуазией, т.-е. без фактического подчинения рабочих и крестьян воле буржуазии.

Но еще любопытнее—выступление «бабушки» К. Брешко-Брешковской в № 131. Похвалив крестьян за то, что они умеют «жить и работать самостоятельно», «бабушка» всей силой своего гнева обрушивается на рабочих:

> «Привычка небрежного отношения к работе до того сильно привилась рабочему человеку у нас в России, что он и своего и чужого труда не жалеет, но не жалеет также и того, над чем работает. Эта привычка сказывается особенно теперь, когда ложно понятая свобода вызывает легкомысленное, пренебрежительное отношение к общественному имуществу, к общественному интересу во всех его видах.
>
> «Работоспособность понизилась во всех отраслях промышленности не из-за восьмичасового дня, а из-за нежелания сделать за 8 часов то, что можно бы сделать. Понизилась она по показаниям самих служащих и рабочих настолько, что скоро России грозит полный крах, за отсутствием всего необходимого в жизни современного государства.
>
> «Железные дороги и весь подвижной состав рушатся, что уже является первостепенной опасностью. А затем, недостаток в пище, одежде и во всем, что составляет предметы ежедневного и повсеместного потребления, как, напр.: хозяйственные орудия, инстру-

менты, не говоря уже о машинах всякого рода—ощущается все сильнее. У всех на глазах Россия беднеет с каждым днем, народ терпит все больше и больше лишений, просвещение в полном застое, и все ахают, стонут, вопиют, видя у себя под ногами пропасть».

Вспомнив вероятно свою молодость,—времена крепостного права.—«бабушка» требует:

«Теперь, когда мы видим, что в большинстве своем население относится пренебрежительно к свободе, так дорого стоившей предшественникам нашим, что оно ровно ничего не делает, чтобы воспользоваться новым строем и проводить работы, могущие улучшить условия жизни внутри, поднять благосостояние и умственное развитие народа—мы требуем, чтобы правительство, которое народ облек своим доверием, само упорядочило трудовое начало в России и обязало всех граждан без исключения теми работами и занятиями, какими оно найдет нужным. И мужчины и женщины, и старые и молодые—все обязаны стать на работы и службы им указанные, не споря ни о вознаграждении, ни о длине рабочего дня».

Рабочие, которые еще идут за социалистами-революционерами, должны в особенности запомнить это требование своей «бабушки»: обязанность работать, «не споря ни о вознаграждении, ни о длине рабочего дня», как работали их деды при крепостном праве.

25—12/IX.

ПОМНИТЕ О „ПРАВДЕ“.

В июле, в период роста и расцвета корниловщины, когда тюрьмы переполнялись арестованными революционерами, когда юнкера громили рабочую типографию и квартиры профессиональных рабочих союзов, была разгромлена, а потом закрыта и рабочая газета—«Правда».

С именем «Правды», у пролетариата связано дорогое воспоминание о героических годах борьбы против самодержавия. В 1912—1914 годах «Правда», созданная самим рабочим движением, подготовившим революцию 1917 года, была идейным центром этого движения. И в первые же дни революции «Правда» воскресла, как старое, освященное кровью, знамя петроградского пролетариата.

«Правда»—с этим именем связано что-то родное, интимное, как воспоминание о лучших днях боевой молодости. На

место «Правды», растоптанной полицейским сапогом контр-революции, возникали и закрывались другие газеты: «Солдат и Рабочий», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий Путь».

Может быть эти газеты велись и ведутся даже лучше, чем «Правда». И все же чувствуется, что чего-то не хватает. Недостает любимого имени, своего собственного имени!

При самодержавии нам часто приходилось жить нелегально, под чужим паспортом, с чужим именем. Как бы хорош ни был чужой паспорт, но все время чувствовалось, что ты гонимый, бесправный, лишенный собственного лица. Так теперь и с газетой. Разгромленная «Правда» живет нелегально! В этом—всечасное воспоминание, что корниловщина не изжита.

Вновь разрешены, закрытые на время, чисто корниловские, контр-революционные газеты: «Новое Время» и «Живое Слово». А «Правда» скитается с чужим паспортом, как в «худшие времена самодержавия»!

Ясно, что «Новое Время» и корниловцы для Временного Правительства свои люди, с которыми повздорили, а затем не прочь и помириться. А «Правда» и пролетариат—это враги, для которых у Керенских имеется только путь «плетей, нагаек и пулеметов», путь «крови и железа».

Помните о «Правде», товарищи!

26—13/IX.

ОКТЯБРЬ

СТАТЬИ ИЗ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА».

ХОРОШИ.

Кто, как ни либерданские министры-«социалисты» или их товарищи по партии, пустили в оборот сообщение о том, что буржуазные министры мешали работе правительства, устраивали саботаж? Это говорилось тогда, когда нужно было оправдать себя.

Теперь, на совещании, у них другая задача: доказать возможность коалиции с буржуазными министрами. И в один голос господа «социалисты» начинают уверять, что кадеты в правительстве ничему не мешали, не саботировали. Из этого следует, что если господа «социалисты» ничего хорошего не сделали, так только потому, что сами не хотели ничего сделать.

Хороши!

А бывший министр Зарудный сделал еще одно ценное разоблачение. Этот Зарудный прославился только тем, что покрыл своим авторитетом гнусное и лживое выступление прокурора Каринского против большевиков. Такому господину, как Зарудный, нельзя верить на слово. Но он, конечно, скорее соврет в защиту правительства, чем в обвинение его. И он заявил:

«За полтора месяца, когда я был министром, я не знаю, что сделало Временное Правительство для достижения мира, приемлемого для всех борющихся сторон. Я ничего не видел».

После Зарудного говорили бывшие министры Пешехонов и Церетелли и не опровергли его слов. Значит, министры-социалисты лгали, когда говорили, что они—сторонники скорейшего окончания войны. Значит, на словах они за мир, а на деле вели политику Милюкова, политику «войны без конца».

Хороши!

2/X—19/IX.

ЧЕГО ХОТЯТ?

В России сейчас идет ожесточенная борьба по всей линии двух главных классов: буржуазии (включая помещиков) и пролетариата (включая беднейшее крестьянство). Поэтому и в политике главное значение имеет борьба между большевиками и корниловцами (кадетами). Между этими двумя борющимися сторонами путается мелкая буржуазия (меньшевики и эс-эры), не зная, куда пристать: до корниловского восстания она шла с корниловцами, а после него совсем растерялась. Ею созвано теперь питерское совещание и любопытно послушать, как оценивает ее позицию главный орган корниловцев, газета «Речь».

«Речь», как говорится, рвет и мечет. Но она понимает что главный враг—не разношерстная эсэровская и меньшевистская публика, а большевики. Из номера в номер она печатает огромные передовицы против большевиков. И в последнем номере она дает следующую оценку положения дел на «совещании».

> «Такого разброда мнений, такой неустойчивости положительно нельзя было себе представить.
>
> Со дня на день и с часу [на час приходится откладывать заседания, чтобы попытаться еще раз сговориться по фракциям, еще раз переубедить друг друга, добиться назначения такого-то докладчиком вместо такого. А большевики стоят в стороне в позе Мефистофеля и, скрестив руки, ехидно улыбаются над бесплодными потугами. В конце-концов после двух-трех бессонных ночей, когда голова у всех затуманится и горло охрипнет, какой-нибудь компромисс будет найден. Но какой же авторитет, какое значение будет иметь такой вымученный компромисс?
>
> Увы, демократическое совещание оказалось торжеством большевиков. Они одни знают, чего хотят».

Корниловцы тоже знают, чего хотят. А мелко-буржузные партии действительно заблудились меж двух сосен.

3/X—20/IX.

ПРОТИВ САМОДЕРЖАВИЯ.

Политика мелкобуржуазных соглашателей, меньшевиков и эс-эров, привела к тому, что на место самодержавия Романова у нас создалось самодержавие Керенского. И даже наиболее упорные соглашатели начинают сознавать, что они проворонили

свободу, что они стали на путь бонапартизма. Это ясно видно из речей бывших министров Зарудного и Церетелли на питерском совещании.

Зарудный стоит за участие Керенского в правительстве, но не желает «ему одному доверить управление Россией»; он опасается, что Керенский пойдет по наклонной плоскости к полновластному распоряжению и диктатуре. Из слов Зарудного оказывается, что в корниловские дни министры не сами ушли, оставив всю власть Керенскому, а Керенский «намекнул» им, то-есть, в сущности, приказал уйти.

Признания Зарудного вынудили меньшевика Церетелли заговорить на ту же тему. Он признал, что получилось «непомерное усиление личного момента в управлении», что «этот личный момент политики, эти необ‘яснимые действия оторванной от широких общественных слоев власти—величайший вред для страны». То-есть Церетелли начинает понимать забытую им истину, что самодержавие вредно. И на том спасибо! Жаль только, что «понимание» у Церетелли, как и у Зарудного, исходит не из защиты революции, а из желания протащить кадетов в правительство.

— Пусть сама демократия пеняет на себя, если на высоте у ее представителя закружится голова,—продолжал Церетелли.

У Николая Романова голова не кружилась: он был от роду безмерно глуп. У Керенского ум средний. Но человек он истеричный. Голова у него закружилась, и результаты те же, что от Николая: полный произвол, крайнее непостоянство. Но Керенский есть Керенский; от него другого нельзя было ждать. Да и вообще давно указывалось психиатрами, что положение безответственного главы правительства быстро приводит людей к потере рассудка. Керенский разделяет лишь общую судьбу самодержцев. И приходится судить не столько Керенского, сколько тех, кто довел его до самодержавной власти и погубил его рассудок.

Это понимает Церетелли и спешит оправдать себя и своих товарищей. Из его об‘яснений видно, что виною тут является все тоже несчастное стремление соглашателей к каолиции во что бы то ни стало. Кадеты в июле не соглашались войти в правительство, зависимое от Советов; и вот, чтобы кадеты согласились войти, меньшевики и эс-эры вручили Керенскому вре-

менно самодержавную власть; а Керенский превратил временное в постоянное.

Можно думать, что даже многие партийные товарищи Керенского (социалисты-революционеры) начинают понимать, что от самодержавия Керенского не больше добра, чем от самодержавия Романова. По крайней мере в их центральном органе напечатана статья, в которой поведение Керенского подверглось очень почтительной, осторожной, но все же уничтожающей критике.

Эс-эры ставят Керенскому в вину:

1) укрывательство некоторых вдохновителей корниловского заговора;

2) непринятие своевременных мер против заговора;

3) что сам Керенский создал на московском совещании атмосферу доверия к Корнилову, уже зная о его заговоре;

4) что борьбу против Корнилова Керенский поручил «явным союзникам Корнилова—Савинкову и Филоненко»;

5) что для защиты от Корнилова правительство попросило специальный воинский отряд у самого Корнилова;

6) что Керенский вытребовал от Корнилова войска взамен посылаемых из Петрограда частей революционного гарнизона; и, наконец,

7) что этот подмен революционных войск корниловскими произведен лично Керенским, без обсуждения в правительстве.

Из всех этих обвинений ясно, что центральный орган самих эс-эров обвиняет Керенского в соучастии в корниловском заговоре.

3/X—20/IX.

БЕЗДОМНЫЕ.

Холодно, сыро. Как тени бродят по Москве с утра до ночи бездомные люди в поисках комнаты или квартиры. Многие ночуют на вокзалах; другие—кто где.

Студенты, приехавшие к началу учебного года, после бесплодных поисков комнаты или угла, возвращаются домой. Но у пролетария нет «дома», где он мог бы жить на родительских хлебах. Куда же ему деваться? Где приютиться?

А в Москве тысячи буржуазных особняков. Одна семья занимает 20—40 комнат. Многие дома и вовсе пустуют, а хозяева их прохлаждаются на теплых водах, как собаки на сене: сами не едят, и другим не дают. Необходимо распределение комнат по карточкам. Нужно заставить владельцев больших квартир и особняков потесниться.

Во многих городах городские думы подняли уже вопрос о реквизиции комнат в больших квартирах. А что сделала московская дума? Ничего! Положено под сукно, сдано в комиссию предложение нашей фракции о реквизиции комнат. А люди мрут от холода и тесноты. Уже на кладбищах, говорят, образовались «хвосты» из покойников. Покойники не чувствуют холода, им хорошо. Но неужели партия социалистов-революционеров, партия «Земли и Воли» на деле способна давать только землю на кладбище и волю на небесах?

Крестьяне! Ждите с землей! Рабочие! Ждите с хлебом, ждите с квратирой! Ждите и ждите—такова политика социалилистов-революционеров. И в результате на кладбищах хвосты, тоже «ждущие» очереди.

Социалисты-революционеры пошли еще дальше. Из Питера вынуждены бежать от безхлебья и безработицы; из-под Риги бегут от нашествия германцев. Как встречает этих несчастных «родина—мать»? Эсэровские муниципалы додумались только до одного: гнать! Их городской голова Руднев просит правительство запретить в'езд беженцев в Москву.

Что если и в других городах городскими головами избраны Рудневы? Оттуда тоже будут гнать. Беженцам и безработным Рудневы дают не помощь и приют, а волчий паспорт: не смей нигде жить, поезжай дальше! Вот на деле какова политика солиалистов-революционеров, добравшихся до власти. И все из-за того, чтобы не огорчить буржуазию, не нарушить соглашения с нею.

Социалисты-революционеры, заседающие в Московской городской думе, ставят все московское население перед опасностью самовольного захвата пустующих и полупустующих особняков. Кто будет виноват, если это случится? А какой гвалт об анархии поднимут все буржуазные газеты! Но бездомные люди, стоящие на краю гибели от холода, вряд ли испугаются газетного гвалта продажных писак.

Нужно разрешать кризис не беспорядочно, а организованно. Где в районных думах окажется не кадетско-эсеровское, а революционное большинство, там жилищный вопрос должен быть выдвинут в первую очередь.

4/X—21/IX.

ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

В меньшевистской одесской газете «Южный Рабочий», в статье «Поход против земельных комитетов» подведены итоги того, что делали за последние 2—3 месяца правящие эс-еры и меньшевики для борьбы за помещиков против крестьян,—что делала вся эта компания Керенских, Черновых, Авксентьевых, Скобелевых и Пешехоновых.

Поход против крестьян открыт был через министерство торговли и промышленности. Оно запретило земельным комитетам вмешиваться в какие бы то ни было лесные сделки. И вслед за этим в Витебской, Могилевской, Псковской и других губерниях начались аресты и привлечения к суду за исполнение постановлений земельных комитетов.

Затем Пешехонов запретил земельным комитетам заниматься распределением посевной площади. Вслед за Пешехоновым выступил Некрасов, почти лишивший комитеты денежных средств. А рядом с этими господами и за одно с ними действовал Корнилов, напуская на крестьян казаков. Таким образом, «коалиция» на деле превращалась в контр-революцию, усердными слугами которой были министры-«социалисты». Это стало настолько очевидным, что даже каменные сердца социалистов-революционеров дрогнули. В пензенской газете своей они обращаются к Керенскому с вопросом:

> —«Где тот предел, тот рубеж, до которого вы решили отступать? Вот уже шесть с половиной месяцев вы ведете беспрерывное отступление по всем революционным фронтам, сдавая позицию за позицией... Кто вам дороже: трудовой народ или буржуазия? С нами ли вы, или против нас?»

Пензенские эс-еры не замечают, что Керенский не отступал перед контр-революцией, а наступал против революции; он не сдавал позиций, а брал их, состоя в стане корниловцев. Недаром говорят, что мы пережили столько же корниловщину, сколько и керенщину.

Пережили, но к сожалению не изжили. И не изжили по вине тех же пензенских, одесских и всяких других меньшевиков и эс-еров, которые продолжают поддерживать керенщину: они лишь слегка поругивают ее,—больше для того, чтобы не потерять окончательно доверия рабочих, солдат и крестьян.

Всякие протесты против керенщины со стороны эс-еров и меньшевиков не имеют цены, пока протестующие не разорвали своей партийной связи с героями керенщины. Сознание этого приводит к новым и новым разрывам так называемых «об'единенных» с.-д. организаций. В Уфе из такой организации ушли, наконец, меньшевики-«оборонцы», и в Оренбурге—большевики. В резолюции по поводу своего освобождения из плена противоестественного об'единенчества наши оренбургские товарищи говорят:

«Общее собрание с чувством глубокого удовлетворения отмечает, что с сегодняшнего дня она (организация) перестает быть оторванной, предоставленной самой себе единицей, и вступает в общую, пролетарскую, международную семью».

7/X—24/IX.

МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ О КРАСНОЙ ГВАРДИИ.

В июне, при выборах в Московскую городскую думу, многие рабочие голосовали за список № 3, за социалистов-революционеров. От них надеялись получить «землю и волю».

С тех пор социалисты-революционеры, в руках которых находится Дума, успели показать себя. Они не хотели протестовать против введения Корниловым смертной казни для солдат. А городской голова—социалист-революционер—ездил, заодно с контр-революционерами, на поклон к Корнилову во время московского совещания.

Теперь заговор Корнилова поставил на очередь вопрос о рабочей красной гвардии для защиты пролетариата от контрреволюционных покушений буржуазии. Казалось бы, всякому искреннему демократу, а тем более социалисту и революционеру, можно только радоваться тому, что создается новая сила для охраны завоеваний революции. Но не так думает эсеровский «излюбленный человек» Руднев.

Сегодня в «Русском Слове» сообщено, что Руднев считает учреждение рабочей красной гвардии опасным. Для кого опас-

ным? Этого Руднев не говорит. Но вой, поднятый буржуазными газетами против вооружения рабочих, хорошо показывает, для кого именно опасно это вооружение. И Руднев оказывается солидарным именно с буржуазией, а не с демократией.

Сверх того, Руднев заявляет, что учреждение рабочей гвардии оскорбительно для армии. Для какой армии? Для революционной или для корниловской? Революционные солдаты и крестьяне могут только порадоваться, что их сила укрепляется с вооружением рабочих. А вот генералам и другим корниловским подручным это действительно не по сердцу. Как же понять, что г. Руднев, за партию которого голосовали и рабочие, оказывается не с рабочими, а против рабочих?

10/X—27/IX.

РЕВОЛЮЦИЯ УЧИТ.

Самодержавие держало в темноте рабочих, крестьян и солдат. За социал-демократическую пропаганду нас ждала многолетняя ссылка, а нередко и каторга. Только десятую часть правды могли высказывать рабочие газеты, да и те закрывались. За то шумела во-всю буржуазия: и в миллионах своих газетных листов, и в Государственной Думе она одурманивала народ в течение многих лет. Неудивительно, что в первые дни революции население доверчиво отнеслось к буржуазии, захватившей власть.

Но революция принесла возможность организоваться и говорить правду в защиту интересов крестьян, солдат и рабочих. С каждым днем, с каждым месяцем прояснялось политическое сознание населения. Гучкову и Милюкову пришлось убраться из правительства. Массы населения доверились меньшевикам и социалистам-революционерам, которые обещали повести дело так, чтобы и волки капиталисты были сыты, и овцы (народ) были целы.

Задача явно неосуществимая. Тем не менее соглашателям поверели, как это показали выборы в городские думы,—особенно в Питере и в Москве. В Москве социалисты-революционеры собрали в июне больше половины голосов. В думе у них 110 гласных из 200. В Москве тогда за большевиков было подано один голос из десяти, а в Питере один из пяти.

Но время шло, политическое сознание народа прояснялось. И в августе на выборах в Питере наша партия получила уже третью часть голосов. А еще через месяц, 24 сентября, в Москве мы получили еще больше.

Несмотря на все гонения против нас, несмотря на то, что меньшевики и социалисты-революционеры заполнили нашими товарищами все тюрьмы, закрывали наши газеты, запрещали демонстрации, не пускали в казармы,—сознательность солдат и рабочих все увеличивалась.

И результаты выборов 24 сентября в Москве показали, что эсеровские гласные в думе уже не представители московской демократии, а самозванцы на две трети. Политическая добросовестность должна бы уже подсказать им обязанность сложить свои полномочия.

Московские выборы показали полный крах политики соглашательства и обмана,—политики мелко-буржуазных партий. Эти партии сходят со сцены. Усилилась партия пролетариата, но усилилась и партия буржуазных корниловцев-кадетов.

Не только у пролетариата, но и у буржуазии классовое самосознание сделало шаг вперед. Исчезают партии соглашателей, а растут партии непримиримых врагов,—пролетариата и буржуазии. Близится бой между этими двумя классами. Будет буря,—мы поспорим и поборимся мы с ней!

10/X—27/IX.

С КЕМ ОНИ ОБ'ЕДИНИЛИСЬ.

Рабочие, солдаты, беднейшее крестьянство об'единяются в одну революционную партию, под знаменем интернационалистов (большевиков). А с кем об'единились меньшевики и социалисты-революционеры?

Они все время ратуют за соглашение с буржуазией; среди буржуазии ищут они «живых сил», которые спасут дело революции в России. И, наконец, нашли. Наконец об'единились с московскими капиталистами, ввели в свое правительство несколько крупно-буржуазных министров: Смирнова, Третьякова, Кишкина, Коновалова.

В № 171 «Известий Моск. Совета Рабочих Депутатов» сообщается о том, что представляет из себя одна из этих «живых сил», новый член правительства Смирнов. Это—один

из двух совладельцев Ликинской мануфактуры. Они остановили свою фабрику, потому что будто бы нет топлива. Они выбросили рабочих на голод и безработицу. Правительственная комиссия обнаружила, что Смирнов сказал неправду: у него имеется для топлива торф на 6 месяцев, да дров запасено громадное количество. Хлопка и другого материала хватит на несколько месяцев. Машины в полной исправности. Фабрика работает на три четверти на оборону, а одну четверть—для вольной продажи. И на складе у фабрики оказалось один миллион пятьсот тысяч аршин материи.

Что же? Или непомерно высокая плата рабочим заставила Смирнова остановить работу? Нет. Слушайте: у Смирнова рабочие получали только по 78 коп. в день; Смирнов их держал по несколько семейств в одной конуре. И еще обнаружено вот что: чтобы показать, что топливо подвозить не на чем, Смирнов заморил своих лошадей голодом, хотя кормов у него в волю. Заморил лошадей; захотел заморить и людей, чтобы рабочие смирились. Смирнов показал, как фабриканты следуют лозунгу своего вождя Рябушинского: смирить рабочих путем голода.

И вот теперь этот изверг, моривший лошадей и людей, скрывший полтора миллиона аршин материи в то время, когда солдаты и их семьи ходят в рваных рубахах,—этот зверь в человеческом образе попал в «живые силы страны». Его пригласили в правительство, с ним об'единились меньшевики и социалисты-революционеры будто бы для спасения революции, а на самом деле затем, чтобы задушить революцию, придушить рабочих, солдат и крестьян. Об'единились уже после того, как знали, что за птица этот Смирнов. А другие капиталисты,—Третьяков, Кишкин, Коновалов,—чем они лучше Смирнова, если идут за одно с ним?

Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Запомните хорошенько про Смирнова и рассказывайте всем про то, с кем теперь об'единились меньшевики и социалисты-революционеры, кого они призвали в свои товарищи, чтобы вести одну общую политику. Подумайте, к чему может привести Россию правительство Смирнова и Керенского!

Скажите: для того ли мы делали революцию, чтобы попасть под власть Смирнова, Третьякова, Керенского и других подобных?

Что же теперь делать?

11/X—28/IX

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

Наши противники много шумели и возились вокруг об'единения всех социал-демократических фракций; они не мало пролили слез по поводу политической раздробленности пролетариата.

Эта политическая раздробленность, действительно, представляла собою большое зло. Но как устранить его? Просто ли механическим об'единением разнородной и разношерстной публики, об'единением революционного пролетариата с соглашательскими, опортунистическими элементами так называемой интеллигенции? Этот путь предлагали наши противники — меньшевики и так называемые «об'единенцы». Но из их попыток ничего не вышло. В августе они устроили своей с'езд, создали «об'единенную» организацию. Но с первых же дней у них начались раздоры, расколы, расхождения.

Мы шли другим путем, мы отказывались об'единяться с оборонцами и соглашателями, но зато старались об'яснить пролетарским массам истинные пути и цели пролетарской борьбы.

И пролетариат в огромном большинстве своем пошел по этому пути. Рабочие с каждым днем все больше и больше отходили от соглашательской политики и об'единялись в одну пролетарскую собственную партию; они отбросили от себя соглашательские, полубуржуазные элементы. Это показали перевыборы в советы рабочих депутатов в Питере и в Москве; это подтвердили питерские городские выборы в августе. И еще сильнее это обнаружилось на московских выборах 24 сентября.

На этих выборах меньшевики и «об'единенцы» получили ничтожное количество голосов: пролетариат почти весь отвернулся от них.

Число, голосов поданных за социалистов-революционеров, уменьшилось против июньских выборов чуть ли не в десять раз. Это показывает, что и от эс-еров рабочие уходят в свою единую, пролетарскую партию интернационалистов. Все-таки эс-еры собрали порядочное количество голосов, тысяч около сорока; в этом числе не мало и голосов пролетарских. Приходится пожалеть о том, что многие еще рабочие идут не в свою партию, а в чужую, не пролетарскую.

В самом деле, что представляют собой эс-еры? В их партии об'единились люди с прямо противоположными целями и

интересами. Правые эс-еры почти ничем не отличаются от кадетов и тянут руку буржуазии и помещиков, а левые эс-еры стоят на стороне рабочих и крестьян. Об'единение правых и левых эс-еров—это нелепое об'единение тьмы и света, огня и воды. Это должны были почувствовать и правые и левые; раскол был неизбежен и он начался уже, как ни старались эс-еры замять его.

Этот раскол означает отхождение пролетарских элементов партии от элементов буржуазных. Через партию социал-революционеров буржуазия оказывала влияние на пролетариат, подчиняла политику рабочих интересам буржуазии и помещиков. Откол левых эс-еров означает освобождение эсеровских рабочих из-под идейного влияния буржуазии. И когда этот раскол окончательно завершится, тогда исчезнут постепенно и все основания к тому, чтобы рабочим из-числа бывших эс-еров итти врозь с своими же братьями,—остальными рабочими: их место будет в рядах единой пролетарской партии.

К этому ведет сама жизнь, ведет неудержимо.

Но московские выборы обнаружили и еще один факт, в высшей степени важный: за партию пролетариата голосовало 80 процентов солдат. В этой солдатской массе большинство принадлежит к беднейшим крестьянам. Крестьяне начинают терять веру в политику соглашений с буржуазией и об'единяются с рабочими в одну партию.

К этому также ведет неудержимо сама жизнь.

В лице единой партии пролетариата, соединившегося с деревенской беднотой, создается та сила, перед которой не устоит буржуазия.

11/X—28/IX.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

Царское правительство, властвуя над народом против воли народа, развело бесчисленное количество жандармов, охранников и прочей подобной сволочи. Революция одним махом смела эту нечисть.

Некоторое время Россия прожила свободно и не тужила. Но по мере того, как Временное Правительство теряло доверие

страны, оно стало чувствовать потребность в восстановлении тайной политической полиции. Некоторое время роль царской охранки выполняла контр-разведка. А теперь опубликовано об учреждении «управления по делам общественной полиции министерства внутренних дел».

Рядом с «милицией» опять «полиция».

Расход на новое полицейское учреждение производится «по смете на содержание департамента полиции». Начальнику полиции назначено жалованье 15.000 р., его помощнику—12.000 р. и т. д.; специально на «сотрудников»—20.000 р., а всего пока 408.000 р. в год.

Но ясное дело, что это только начало. На что другое, а на шпиков и провокаторов у Временного Правительства деньги всегда найдутся. Новое шпиковое учреждение сразу стало любимым детищем Керенских; не успели учредить его, как уже ассигновали дополнительно «на устройство библиотеки и столовой» для шпиков 15.000 р.

Во главе этого учреждения не мешало бы поставить Бурцева, а в подручные дать ему Алексинского: разве можно допустить, чтобы правительство не оценило их заслуг и обидело бы их, не увенчав достойным концом их политическую карьеру?

12/X—29/IX.

ЭТО ЕСТЕСТВЕННО.

Временное Правительство восстановило старый департамент полиции, снесенный революцией. На полицейских чиновников, на шпиков и провокаторов оно, пока что, назначило 400.000 р. в год, да еще на устройство для них столовой и «библиотеки» 15.000 р. Сытно будут жить шпики и провокаторы в голодной России!

Либерданы (меньшевики и эс-еры) из Ц. И. К. разработали проект восстановления охранных отделений по всей России. Кадетская газета «Русские Ведомости» негодует на это, но сама же спешит с проектом ввести опричнину, которая рыскала бы во всей России с метлами и песьими головами, или в голубых мундирах, и вела бы войну против внутренних врагов.

Предлогом для введения опричнины наши либералы выставляют рост беспорядков погромного характера. Войскам либе-

ралы не доверяют. «Необходимо,—говорят они,—сформирование особых отрядов для борьбы с беспорядками,—отрядов, аналогичных ударным баталионам на фронте».

Спасибо за признание: до сих пор нас уверяли, будто ударные баталионы формировались для военных действий; теперь либералы признаются сами, что это попытка восстановить старых жандармов под новым названием.

Итак, восстановление старого порядка и царской полиции идет с двух концов: внизу—ударные баталионы уже созданы для армии и проектируются подобные же баталионы для тыла. А сверху—восстановлен шпиковский и провокаторский аппарат в лице нового департамента полиции, и проектируется восстановление охранных отделений по всей России. Этому нечего удивляться. Ведь в течение 7 месяцев Временное Правительство стремилось все время только к одному,—к спасению старого порядка во всем, в чем возможно.

Революция принесла свободу солдату, а Временное Правительство постаралось урезать ее декларацией прав военнослужащих, смертными казнями и корниловщиной.

Революция очистила тюрьмы от политических заключенных, а правительство вновь заполнило их. Революция поставила на очередь передачу помещичьих земель крестьянам, а правительство изо всех сил старается помешать этому. Революция фактически прекратила войну, а правительство восстановило эту проклятую бойню и нечего не сделало, чтобы приблизить заключение мира.

Революция принесла рабочим свободу организаций, а правительство пытается наложить на них свою буржуазную лапу,—в первую очередь на фабрично-заводские комитеты. Революция принесла свободу печати, а правительство закрывает рабочие и солдатские газеты, издает законы против печати.

Революция дала фактическую силу советам рабочих и солдатских депутатов. А правительство при содействии предателей из меньшевиков и эс-еров, захвативших в свои руки Центральный Комитет Советов, старается уничтожить всякую власть Советов, заменить их буржузными и полубуржуазными совещаниями.

Революция требует обложения налогами буржуазии, а правительство печатает бумажки, обесценивает рубль и этим понижает заработную плату рабочих.

И так во всем. Правительство, созданное революцией, оказалось правительством контр-революции. Немудрено, что рабочие, солдаты и крестьяне перестают ему верить, не поддерживают его. И правительству контр-революционной буржуазии, вместе с предателями из лагеря меньшевиков и эс-еров, только и остается, что итти по пути царского правительства: заводить жандармов, шпиков и провокаторов, готовить тюрьмы и виселицы для народа.

17—4/X.

УЧИТЕСЬ У БАКИНЦЕВ!

Город Баку—центр нефтяной промышленности для всей России. Бакинский пролетариат издавна славится своей революционной энергией. Перед революцией 1905 года он часто выступал застрельщиком забастовочной борьбы. После 1905 года, когда уже по всей России царила реакция, в Баку, как говорится, была республика в течение двух-трех лет.

В начале нынешней революции о бакинских рабочих почти не было слышно. Значит ли это, что бакинский пролетариат молчал? Совсем нет! И сейчас, когда в Баку разразилась всеобщая забастовка становится ясным, что бакинский пролетариат вновь, как в 1905 году, становится в первом ряду пролетариата.

Передо мной № 146 «Известий Совета рабочих и военных депутатов бакинского района». Я приведу некоторые сведения и документы из этой газеты. Слушайте, товарищи-рабочие всей России и учитесь у бакинских рабочих.

Второй день забастовки, Центральный Стачечный Комитет извещает:

Товарищи! Первый день забастовки во всех районах проведен нами дружно, организованно и стройно. Везде и всеми соблюдался полный порядок и сохранялось полное спокойствие. Распоряжения нашего Центрального Стачечного Комитета исполнялись всеми беспрекословно в полном сознании необходимости крепкой стачечной дисциплины. Ваши враги поражены вашей стойкостью и организованностью. Симпатии общества и его сочувствие все больше склоняются в вашу пользу. Так сохраним и укрепим наш боевой порядок и впредь. В этом залог нашей победы. Да здравствует победа!

Центральный Стачечный Комитет.

Обязательное постановление.

Исполнительного Комитета Совета Раб. и Воен. Деп. и Центрального Стачечного Комитета.

Подлежат немедленному аресту все, замеченные в появлении в нетрезвом виде на улице, а также и те, кто будет изобличен в продаже спиртных напитков.

Районным Стачечным Комитетам.

Центральный Стачечный Комитет постановил привлечь инженеров и техников к охране промыслов и заводов. Управляющие и заведывающие и их семейства должны пользоваться, как телефонами, так и светом совершенно беспрепятственно, и на этой почве не должно быть никаких трений.

В Стачечном Комитете.

Президиум комитета сконструировался. Председателем (26 голосами) избран т. Джапаридзе. Товарищами председателя—Васин и Чураев, казначеем—Рабинович, секретарями—Маневич, Давит и Беккер. В состав Стачечного Комитета, кроме Исполнит. Комит. Совета и избранных по районам представителей, войдут по 1 представителю политических партий, по 3 представителя от солдат, матросов, казаков и совета профес. союзов; по 2 чел. от союзов моряков, нефтепромышленных рабочих, конторских служащих, заводских и промысловых служащих, металлистов и согласительной комиссии. Затем было постановлено обратиться с возванием—листовкой ко всем рабочим по поводу самочинных выступлений.

От Центрального Стачечного Комитета.

Во время забастовки театры и кинематографы должны быть открыты в обычном порядке. Кафе-шантаны за время забастовки должны быть закрыты. Рестораны 1 разряда и клубы могут быть открыты только до 11 часов вечера, при чем всякие игры и пьянство строго воспрещаются. В случае каких-либо беспорядков или торговли вином, зеведения будут закрыты.

Ко всем промысловым, заводским и районным комиссиям Совета Рабочих Депутатов Балаханского района.

В дни забастовки продолжать сбор железа и переработку его. Центральный Стачечный Комитет, печатая настоящее

об'явление, предлагает всем стачечным органам оказать необходимое содействие отделу по сбору железа.

Центральный Стачечный Комитет бакинского нефтепромышленного района об'являет, что работы в военном порту, согласно постановлению конференции, должны производиться беспрепятственно.

Комиссия по учету нефти при Центральном Стачечном Комитете просит т.т. рабочих и служащих промыслов всемерно содействовать немедленной откачке нефти на нефтепроводы, а также тт. служащих и рабочих нефтепроводов не задерживать приемку указанной нефти и откачку ее в Черный город.

О средствах передвижения во время забастовок.

1) Для обслуживания стачки и необходимых продовольственных нужд, все автомобили переходят в распоряжение Центрального Стачечного Комитета.

2) Центральный Стачечный Комитет через правление союза шофферов распределяет имеющиеся автомобили и дает разрешение для пользования ими.

3) Правление союза шофферов устанавливает суточные дежурства автомобилей в распоряжение Центрального Стачечного Комитета.

4) Выезды (фаэтоны) разрешаются только Стачечными Комитетами, при чем должны обслуживаться общественные нужды.

18—5/X.

ПОСРАМИЛИ БОЛЬШЕВИКОВ.

В Киеве подходит к концу судебный процесс о большевиках-гренадерах (солдатах и офицерах). В начале процесса буржуазные газеты широко рекламировали его, чтобы посрамить большевиков, а затем вдруг прикусили язык. В киевской газете «Гол. С.-Д.» находим любопытные сведения о ходе процесса.

На суде выяснилось, что «все обвинения в отказе от наступления и в самовольном уходе с позиции вздорны и ни на чем не основаны; и если кое-кому следует сесть на скамью подсудимых, то во всяком случае не тем, кто на ней сидит».

Главный обвиняемый, штабс-капитан Дзевалтовский, шел всегда впереди солдат в бою и делил с ними все лишения. Все

обвинения против Дзевалтовского и других обвиняемых рассыпаются в прах. «Бодро настроены все подсудимые. Не видно понурых или растерянных лиц».

Обвиняют на суде эс-еры и меньшевики. «Чего только не было в их показаниях! И лжебольшевики, и шкурники, и городовые, и жандармы»,—но все это оказалось плодом фантазии. Часть подсудимых арестована только за то, что они были членами полкового совета, а часть—по доносам офицеров. Один солдат арестован только за то, что высказывался против ротного командира-немца, переговаривавшегося с неприятелем из окопов по-немецки.

Для ареста вызывали по списку: Иванов! Александров! Но Ивановых было 2, а Александровых 3. Кого же арестовать из них? Меньшевик комиссар Киренко отвечал: «Да который нибудь»! И теперь судят случайно вышедших вперед одного Иванова и одного из Александровых.

Вчера телеграф принес известие, что т. Дзевалтовский и другие оправданы, на улице им была сделана сочувственная манифестация. Вот как описываются события в день приговора в газете «Русские Ведомости»:

> «В течение целого месяца в Киеве рассматривалось дело 78-ми солдат гвардии гренадерского полка во главе с капитаном Дзевалтовским, обвиняемых в неисполнении боевого приказа об отходе на позиции, чем обвиняемые способствовали нашей катастрофе под Тарнополем. Вчера процесс закончился. На разрешение военных присяжных постановлено 303 вопроса, на которые ответили: «Не доказано» или «Нет, не виновен». Все подсудимые оправданы.
>
> Заключительный момент процесса происходил в исключительных условиях. Здание суда было переполнено массой публики, громко выражавшей свое одобрение подсудимым. Просьбы председателя суда разгрузить зал и прекратить шум не были исполнены. На площадь перед зданием суда прибыли некоторые воинские части с оркестрами и плакатами с большевистскими лозунгами. Пока происходило совещание присяжных, оркестры играли Интернационал и Марсельезу. Неслось громкое «ура».
>
> Чтение оправдательного вердикта встречено оглушительными аплодисментами и криками «ура» и пением революционных гимнов. Большевики смешиваются с подсудимыми, поздравляют их и целуются. Вышедшего из суда Дзевалтовского встречают музыкой. Дзевалтовский провозглашает «ура» в честь Ленина и Зиновьева. Дзевалтовского подхватывают на руки и несут с музыкой к зданию коммерческого института, где происходит заседание Совета рабочих

депутатов; здесь происходит шумное чествование оправданных солдат. Дзевалтовский снова возглашает «ура» в честь Ленина и Зиновьева и произносит речь о необходимости перехода всей власти к Советам».

19—6/X.

С ЭТИМ НЕ ШУТЯТ.

Буржуазная печать использует успех германцев на Эзеле, как использовала раньше прежние подозрительные «успехи»,— для борьбы против революции.

Между тем в кронштадтской газете «Пролет. Дело» (№ 66) находим следующее сообщение:

> «Немцы угрожают Петрограду, а в это время, как нам достоверно известно, Временное Правительство стремится обезоружить ряд укрепленных пунктов, стоящих на пути к Петрограду, требует снятия с укрепленных мест пушек (которые можно установить в другом месте только через полгода), открывая теперь путь немцам к Питеру. Все это делается для того, чтобы выполнить свои контрреволюционные планы, чтобы разоружить революцию и ее центры. Мы не указываем мест и обстоятельств, чтобы не подвергнуться обвинениям в разглашении военной тайны, так как Временное Правительство сделало из этого тайну, хотя об этом по всей вероятности знает тот, от кого будто бы это скрывают».

Может быть, обезоруживает подступы к Питеру не Временное Правительство, а царские генералы. А может быть все это—лишь слухи. Во всяком случае факт требует расследования

С этим не шутят.

19—6/X.

ЗА ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ.

Во главе правительства у нас стоят социалисты-революционеры, кормящие крестьян завтраками насчет земли. Впрочем, кормят крестьян не только завтраками, но и пулями. Мы все время указывали, что вожди эс-еров дадут крестьянам землю только на кладбище, а волю на небесах. Теперь послушайте, что написано в кронштадтских «Известиях» (№ 159):

> Кронштадтский С. Р. и С. Д., заслушав 29 сентября доклад делегатов из Казани об избиении крестьян солдатами, при чем было ранено около 150 человек и убито 15 человек, заявляет, что

в этой ужасной расправе всецело виновато Временное Правительство, которое всей своей политикой помогает помещикам и капиталистам грабить народные массы, что вызывает массовое недовольство на почве голода и недостатка продуктов, вызывает аграрные волнения, которые подавляются вооруженной силой власти; натравливает на беззащитных крестьян обманутые солдатские массы. Кронштадтский Совет протестует против политики Временного Правительства, которая является политикой гражданской войны, политикой насилия, ничем не отличающейся от расправ царских холопов.

Кронштадтский Совет предлагает послать специальную делегацию, которая на месте выяснит причины этого ужасного избиения и об'яснит участвовавшим в этом избиении войскам всю контр-революционность их расправы, полезной врагам трудового народа, помещикам и капиталистам.

Кронштадтский Совет предлагает своей делегации обратиться за помощью и содействием в Петроградский Совет Р. и С. Д. и других городов по пути, и в Казанский С. Р. и С. Деп.

В делегацию избраны товарищи Колюшкин, Халапсин и Титов.

Буржуазные газеты размазывают кучу слов о всякой обиде, нанесенной капиталисту или помещику. А о том, как было убито 15 и ранено 150 крестьян, мы в этих газетах что-то ничего не видим!

Интересно, что разгромленные казанские крестьяне обратились за помощью не к Черновым, Керенским и Либерданам, а в революционный Кронштадт. Это показывает, кому начинают верить крестьяне, и в ком они уже изверились.

Крестьяне становятся на правильный путь.

19—6/X.

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС.

Война прекратила домостроительство в городах. А население растет. Скачут вверх цены на квартиры и комнаты. Но еще хуже то, что многие остаются вовсе без приюта: ни за какие деньги не найдешь квартиры. Необходимо принимать меры; надо заставить потесниться буржуазию. Для этой цели создаются разные проекты. Познакомимся с одним из них.

В № 8 эсеровского журнала «Самоуправление» напечатан проект Н. Брянского о налоге на роскошь в пользовании жилищем. Налогу подлежат домовладельцы, квартиранты и комнатные жильцы, у которых на каждого члена семьи приходится более 15 квадратных аршин пола. Налог прогрессивно увеличивается для лиц, занимающих большие квартиры.

По проекту Н. Брянского для Петрограда размер налога растет следующим образом:

Если на человека приходится 20 аршин, то, примерно, платится в год 10 к. с аршина, то-есть 2 р. с человека. Если же приходится 40 аршин, то с аршина платится в пять раз больше, то-есть 50 коп. или 20 р. с человека. Если приходится 80 аршин, то налог с аршина в 13 раз больше, т.-е. 104 р. с человека. Если на человека приходится 180 аршин, то с аршина платится в 50 раз больше, т.-е. с человека 900 р. в год. Если же на человека приходится 500 аршин, то с аршина платится в 200 раз больше, то-есть с человека 10.000 р. в год.

Как видит читатель, этот налог прямой (не может перелагаться на другое лицо) и вполне справедливый. Если буржуй, занимающий хоромы в 500 аршин на члена семьи, вздумает жаловаться, что 10.000 р. в год с человека платить тяжело, то ему можно будет всегда ответить:

Потеснитесь, и налог будет меньше.

Перед городскими думами остро стоит вопрос о введении новых налогов: городские кассы пусты. Налог, предложенный Н. Брянским, дал бы возможность не вводить новые налоги на бедноту.

Проект налога на роскошь в жилище исходит, как я сказал, от эс-ера и напечатан в эсеровском журнале. Но редакция журнала сама же спешит возразить, что «и теоретическое обоснование предлагаемого т. Брянским налога, и практическое его применение могут быть приняты только с большими оговорками». А с какими именно «оговорками»—не сказано.

Таким образом, в вопросе об этом налоге мы видим новое повторение того, что постоянно наблюдается у эс-еров: в низах у них хорошие планы, хорошие желания, а верхи сейчас же осаживают партию: не смей!

Это мы видим и в вопросе о земле (ждите второго пришествия!) и в вопросе о замене постоянного войска всенародной милицией (долой красную гвардию!) и во всем прочем. Хороши на словах, а на деле пуще всего вожаки эс-еров боятся огорчить помещиков и буржуазию.

Та же участь, очевидно, суждена и проекту налога, предложенного эс-ером Н. Брянским. Но мысль налога хороша, и ее нужно использовать. Необходимо всесторонне рассмотреть вопрос и начать агитацию в массах за скорейшее введение

налога на роскошь в жилище. В Москве этот вопрос должен быть немедленно обсужден не только на рабочих собраниях, но и в районных думах.

Введение этого налога встретит, конечно, противодействие и оттяжки, как со стороны нашей эсеровской думы, так и со стороны правительства эс-ера Керенского. Перед этим нельзя останавлививаться. Без борьбы не обойдешься, и нельзя ее откладывать.

20—7/X.

БУРЖУАЗИЯ ГОТОВИТСЯ К НАСТУПЛЕНИЮ.

За последнее время крупная промышленная буржуазия лихорадочно перестраивает фронт своих профессиональных организаций, приводя его в боевую готовность. Буржуазия силится наверстать то, что не было сделано в первые месяцы революции.

Недавно в Москве, под председательством министра Третьякова, состоялось собрание фабрикантов и заводчиков, на котором было положено основание новой организации буржуазии: «Всероссийский союз союзов». Главным руководителем этого союза приглашен бывший царский министр Кривошеин. В организационное бюро входят крупнейшие промышленники: министр С. А. Смирнов, Г. А. Крестовников, С. А. Морозов, С. И. Четвериков, Л. Л. Рабенек и др., а также прислужники капитала в лице Ю. И. Поплавского, А. С. Зернова и др.

Союз включает в себя все главнейшие промышленные организации, как-то: об-во фабрикантов и заводчиков промышленного района, всероссийское общество кожевенных заводчиков, всероссийское об-во суконных фабрикантов, общество хлопчато-бумажных фабрикантов, всероссийское общество льнопромышленников, общество красильно-апретурных фабрикантов, общество меховой промышленности и др.

Цель этого «союза союзов»—борьба с рабочим классом путем широко проводимых локаутов. Для начала «союз» располагает капиталом в 50 миллионов рублей, который составился из взносов промышленников, при чем, по уставу, каждое предприятие, входящее в «союз», вносит двадцатикратную сумму убытка от одного дня забастовки. Так, например, если один день

забастовки данного предприятия дает убыток в 2 тысячи рублей, то предприниматель обязан внести в фонд «союза» 40 тысяч рублей.

Все участники союза под угрозой крупной материальной ответственности обязаны подчиняться всем постановлениям правления союза и не входить ни в какие отдельные соглашения с рабочими помимо и без ведома «союза». Если в каком-либо из предприятий рабочими будет об'явлена забастовка, то по постановлению «союза союзов» могут быть закрыты и другие предприятия. Итак, буржуазия развертывает фронт и готовится к наступлению на рабочих, а вместе с тем, конечно, и на революцию.

В виду этого приобретает особый смысл то обстоятельство, что буржуазия, благодаря предательству социалистов-соглашателей:—меньшевиков и соц.-рев., уже захватила ныне один из главнейших форпостов борьбы—центральную государственную власть, которую она,—это не подлежит ни малейшему сомнению,—в ближайшее время самым решительным образом использует в своих классовых интересах.

Буржуазия готовится дать бой рабочему классу. Товарищи—рабочие! Близится час,—это будет последний и решительный бой.

24—11/X.

СРЕДИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

Самодержавие давило не только пролетариат, но и мелких хозяев, а отчасти и среднюю буржуазию. Для борьбы за буржуазную свободу наиболее энергичные буржуазные деятели искали себе опоры в рабочих и крестьянах; ради своих классовых, буржуазных целей они об'явили себя социалистами, чтобы успешнее вовлекать в свою борьбу рабочих и крестьян. Такие буржуазные деятели иногда в молодости и сами верили, будто они социалисты; и такими «социалистами» кишмя кишела так называемая социалистическая интеллигенция.

Пришла революция. И немедленно же должна была обнаружиться буржуазная природа значительной части социалистической интеллигенции. Но буржуазная часть ее по старой привычке оставалась еще в рядах социалистов; а рабочие и кре-

стьяне продолжали без разбора верить «заслуженным, старым борцам революции».

Быстрее всего очищение от буржуазных элементов произошло среди нас, большевиков: наша «нетерпимость» повела к скорому выделению тех, кто стал на буржуазную точку зрения. Наша партия стала определенно пролетарской; и она втягивает в себя почти весь революционный пролетариат.

Это оказалось тем легче сделать, что еще до революции наша партия отгородилась начисто от опортунистов-ликвидаторов, проводивших буржуазное влияние на пролетариат. В партии меньшевиков, наоборот, после революции произошло слияние буржуазных и пролетарско-революционных элементов. Это слияние дало им кратковременный успех, достигнутый ценой подчинения революционно-пролетарских элементов элементам буржуазным (либерданским). Но после краткого успеха среди меньшевиков началось неизбежное разложение и падение.

Такое же неизбежное разложение началось и среди социалистов-революционеров. О нем давно уже поговаривали. Но в самые последние дни произошло и открытое проявление раскола. Буржуазные элементы партии, выступили с протестом против Центрального Комитета партии, обвинили его в близости к большевизму, и образовали «организационный совет». Они не об'явили еще о выходе своем из партии; но начало расколу уже положено.

Интересно сопоставить, сравнить правых социалистов-революционеров с левыми.

Правые считают вредным «двоевластие», влияние Советов Раб. и Солд. Депутатов на правительство; они обвиняют левых в «германофильствующем» интернационализме; они обвиняют свой Центральный Комитет в стремлении к миру ценой национального позора; они против права на самоопределение наций, входящих в состав России и т. д. Кадеты в своей газете «Речь» говорят по поводу этого воззвания (ультиматума) правых эсеров:

«Разве основные требования партии народной свободы не совпадают целиком с тем ультиматумом, который заслуженная группа эс-еров пред'явила своему Центральному Комитету, в котором колдует все тот же Чернов?»

Кадеты на этот раз говорят правду: требования правых эс-еров совпадают с требованиями буржуазной кадетской партии. Правые эсеры—это те же кадеты; они тянут в сторону

буржуазии, они хотят вести буржуазную политику. Они—враги рабочих, враги крестьянской бедноты. Они за помещиков и за буржуазию против рабочих и против крестьян. И партия социалистов-революционеров терпела и терпит в своей среде таких людей!

В числе этих господ, этих врагов пролетариата и крестьянства на первом месте стоит «бабушка» К. Брешко-Брешковская, которая на-днях в московской газете «Земля и Воля» требовала, чтобы рабочие не смели спорить с хозяевами о длине рабочего дня и о величине заработной платы. А рядом с разными «бабушками», желающими для рабочих восстановить крепостное право (ведь только при крепостном праве рабочим не приходится «спорить» с хозяевами) в той же партии еще остаются и рабочие! И, например, недавняя—петроградская конференция вынесла резолюцию с требованиями, очень близкими к требованиям нашей партии.

Конференция высказалась за «однородную» (то-есть без коалиции с буржуазией) власть, ответственную «перед центральными органами революционной демократии».

Эта власть прежде всего должна издать закон «о переходе всей земли со всем инвентарем в ведение земельных комитетов», то есть не ждать с землей до Учредительного Собрания, как проповедывали раньше эс-еры, играя в руку помещикам. Далее власть, по мнению конференции, должна немедленно ввести рабочий контроль над производством, об'явить закон о 8-ми часовом рабочем дне, обложить максимальным налогом имущие классы, ввести твердые цены на товары, нужные для деревни, обновить в армии командный состав, издать закон об армейских организациях, немедленно предложить всеобщее перемирие; прекратить преследование «левых социалистических партий и их печати», и признать право на самоопределение народов, входящих в состав России.

Как видите, требования петроградской эсеровской конференции очень близки к нашим, большевистским требованиям. Но какая же цена этим требованиям, если требующие продолжают оставаться в составе партии Керенского, Авксентьева, «бабушки», Минора, Руднева и других, ведущих прямо противоположную политику, политику кадетов, политику врагов пролетариата и крестьянства?

Оставаясь в одной партии с «бабушкой», эс-еры, принявшие почти большевистскую резолюцию, делают нехорошее дело.

Они завлекают рабочих и крестьян в партию, в которой политику ведут Керенские и Авксентьевы, враги рабочих и крестьян.

Например, левые эс-еры требуют не ждать с землей до Учредительного Собрания; и рабочие, согласные с этим, подают голос за эс-еров, укрепляют власть Керенских и Авксентьевых. А Керенские и Авксентьевы стараются спасти землю для помещиков. И выходит, что левые эс-еры агитируют на словах в пользу крестьян, а на деле работают в пользу помещиков.

Как называется такая политика?

Но,—возразят может быть левые эс-эры,—мы не хотим уходить из партии, потому что предпочитаем, чтобы ушли «бабушки», а партия осталась бы в наших руках. Это тем более удобно, что Центральный Комитет нашей партии не в руках «бабушек», а в руках тех, против кого с ненавистью выступают эти «бабушки».

«Речь» уверяет, будто в Центральном Комитете эс-еров «колдует Чернов». Но Чернов, во-первых, вряд ли поддержит резолюцию питерской конференции. А во-вторых, очевидно, не он «колдует», если Керенский смог высадить его из министерства в угоду помещикам. И по поводу выступления «бабушек» отвечает в центральном органе эс-еров не Чернов, а В. Зензинов,—очевидно, от лица Центрального Комитета. Он говорит:

«В рядах нашей партии не может быть места никому, кто работает над разрушением ее организационного единства,—все равно, придут ли эти разрушители справа или слева».

Как видите, представитель Центрального Комитета эс-еров озабочен не политическим, не идейным, а только организационным единством партии: пусть будут в партии какие угодно буржуазные элементы, пусть они ведут какую угодно политику, враждебную рабочим и крестьянам,—лишь бы только они не разрушали организационного единства партии.

Такова, очевидно, позиция Центрального Комитета эс-еров. Эта позиция отдает всю партию на произвол случайных элементов, пожелавших использовать партию в каких угодно политических целях. Эта позиция дает опору политике всяческих буржуазных и даже авантюристских «бабушек».

Нет, если левые эс-еры, если, например, большинство последней их питерской конференции не желают только обманывать рабочих резолюцией, близкой к нашим требованиям, если они не хотят играть в руку врагам рабочих и крестьян; если

они хотят, чтобы им верили,—то они должны прежде всего,—извиняюсь за выражение,—послать к чертовой бабушке все буржуазные элементы партии или же должны сами отколоться от партии, в которой эти элементы играют на деле руководящую роль.

Мы думаем, что сама жизнь неизбежно приведет левых эс-еров к признанию нообходимости разрыва с буржуазной половиной своей партии. И чем скорее придут они к этому признанию, тем меньше успеют повредить рабочим и крестьянской бедноте.

25—12/X «Спартак» № 9.

„ПАРТИЯ ПОРЯДКА".

В Москве сейчас происходит так называемый «с'езд общественных деятелей». Председательствует на нем герой болванок, камергер и помещик Родзянко, бывший председатель недавно закрытой наконец Государственной Думы. Уже это одно показывает, что за вороны слетались.

Любопытно описание этой публики, данное в бывшей корниловской газете «Русское Слово». Кстати сказать, эта газета всегда держит нос по ветру, а сейчас стала на распутье и принюхивается. Поэтому и в описании с'езда черных воронов видна нерешительность: и хвалить боятся, и ругать не смеют.

Кто же такие эти господа «общественные деятели»? Даже «Русское Слово» вынуждено признать, что на с'езде под видом «демократов» сидят «знакомые лица правых земцев, промышленников, крупных помещиков». А по партиям с'езд об'единил господ, начиная с кадетов (и даже чуточку левее) и кончая «крепкостойкими» помещиками. Автор статьи не смеет назвать крепостников крепостниками,—и говорит поэтому «крепкостойкие».

Итак, на с'езде об'единились кадеты и черносотенцы. И один из ораторов вызвал бурные аплодисменты, когда сказал;

— «Теперь в России есть две партии: партия развала и партия порядка. У партии развала вождь Керенский».

На этом с'езде «партии порядка», по свидетельству даже сотрудника «Русское Слово», «недовольство, мрачность, злость и ненависть» ко всему, творящемуся сейчас в России, «все еще

велики»; «по прежнему почти рычание проходит сдержанной дрожью по собранию, когда упоминается революционная демократия».

Зато не рычание, а горячие аплодисменты вызывают здесь перебежчики и ренегаты, в роде известного «матроса» Баткина или сотрудника «Русских Ведомостей» бывшего «старого революционера» А. С. Белевского. Еще бы не хлопотать этим господам! Ведь способность пролетариата к самоорганизации этот Белевский приписывает «проклятому колдовству» революционеров, и он же призывает крепостников и кадетов «направить острие своего оружия против анархической диктатуры пролетариата».

В конце своей речи этот же старый ренегат сделал ценное признание:—«Нас называют корниловцами,—сказал он:—мы не шли за Корниловым . . . но поскольку Корнилов искренне желал спасти Россию,—этому желанию мы сочувствовали» (зал долго восторженно апплодирует). Известны цели Корнилова, известны и средства, какими он хотел действовать: его программа, таким образом, является приблизительно и программой «партии порядка».

Каково же сейчас настроение этой партии черных воронов? По свидетельству «Русского Слова»—настроение бодрое, оптимистичное. Они находят, что часть демократии «умнее», то-есть, скажем мы, склонна об'единяться с черными воронами «партии порядка», для борьбы против рабочих, солдат и крестьян.

Черные вороны радуются, далее, что эс-еры и либерданы высадили из правительства социалиста-революционера Чернова и ввели в него Кишкина, Смирнова, Третьякова,—подручных Рябушинского. Черные вороны надеются, что еще немного,—и им удастся повернуть правительство еще больше направо,—очевидно, при содействии «поумневших господ из демократии».

Черные вороны партии порядка смотрят вперед с надеждой, потому что «соглашатели» уступают черным воронам позицию за позицией.

27—14/X.

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ СОЮЗА.

У нас сообщалось на-днях о возникновении нового боевого органа буржуазии—«Всероссийский союз союзов». Основная и единственная цель «союза»—борьба с рабочим классом.

«Союз» располагает крупными средствами. Он стремится мобилизовать силы буржуазии и вобрать в себя все ее профессиональные организации.

В настоящее время «союз» решил вмешаться в конфликт кожевников. Это первое практическое выступление «союза». Предпринимателям кожевникам гарантирована широкая материальная поддержка. Более того, «союз» обещал им самую деятельную поддержку и во Временном Правительстве. Там, ведь, теперь у промышленников свои люди сидят: Смирнов, например, состоит и в «союзе» и во Временном Правительстве, также и Третьяков.

«Союз» требует от предпринимателей, чтобы они не входили в частные соглашения с рабочими. Буржуазия строится в боевой порядок и готовится к бою.

Не подлежит сомнению, что товарищи-рабочие под натиском врага еще теснее сомкнут свои ряды, ибо право найма и увольнения, за которое сейчас, так мужественно и так дружно (ни одного штрекбрехера в рядах рабочих!) борются кожевники, есть основное требование всего рабочего класса.

27—14/X.

СРЕДСТВА РАЙОННЫХ ДУМ.

Для того, чтобы районные думы в Москве могли проявить широкую и плодотворную творческую работу, необходимы два условия: во-первых, энергичная работа самого населения,—особенно в тех случаях, когда требуется единовременный труд многих лиц на самое короткое время (например, для выяснения малонаселенных домов и квартир и т. п.); а во-вторых—значительные денежные средства.

В ближайшее время средства районных дум будут очень незначительны. Центральная Городская Дума отпустила по 10.000 р. в месяц на район,—этого едва хватит на оплату труда Управы, наем квартиры и приглашение самых необходимых со-

трудников. Не развернешь широкой деятельности и на те 5.000 р., которые могут быть выданы дополнительно.

Никаких обязательных налогов или сборов не дано права взимать районным думам. Да и в центральных думах русских городов до сих пор главным источником доходов были не налоги и сборы, а доход с предприятий: с трамвая, водопровода и т. д.

На всякое предприятие необходимо предварительно затратить средства, которых нет. Таким образом и этот источник средств закрыт для районных дум, не говоря уже о том, что извлечение такого дохода и принципиально далеко не всегда допустимо.

Центральная Дума может, если пожелает, передать в заведывание районных дум отдельные свои учреждения, а вместе с ними—передаст, может-быть, в руки районных дум те суммы, которые на эти учреждения расходуются; но этими средствами районные думы не могут располагать свободно.

Что же остается делать районным думам для развития своей деятельности?

В некоторых районах имеются налицо городские земли, до сих пор бывшие бездоходными, или дававшие ничтожный доход. Для примера можно бы указать на обширные пустыри в Калужском районе (у Крымского моста и т. п.). Но и здесь потребуются и затраты, и согласие Центральной Думы.

Некоторыми гласными поднимался вопрос: не пред'явить ли требование, чтобы налоги и сборы расходовались в том районе, где они взимаются. Это предложение нужно отвергнуть: ведь, самые доходные кварталы—это центр (например, сбор с недвижимых имуществ, с торговых помещений и т. п.), а расходы главные—не в центре (школы, больницы и т. п.).

Остается еще «добровольная складка». Что разумели под добровольной складкой составители правил для районных дум? Если филантропические пожертвования, то об этом говорить не стоит. Но возможна добровольная складка в некоторых, исключительных случаях, в интересах самих вносящих средства, причем районная дума выступит в роли об'единяющего и руководящего центра.

Принимая во внимание умение пролетарского населения окраин действовать солидарно, придется сказать, что этот источник доходов нужно подвергнуть внимательному обсужде-

нию,—тем более, что при солидарности масс и самая «добровольность» может оказаться понятием весьма относительным: при единодушии населения добровольную складку возможно превратить в обязательный сбор, единовременный или периодический. Не следует лишь допускать при этом разрозненных, непродуманных действий; необходимо единство действий всех 11 пролетарских дум.

Во всяком случае организация «добровольных складок» это— одна из тех областей, где потребуется активность самого населения района.

За всем тем, остается неизбежной централизация главной массы городских доходов, и, следовательно, получение главной массы средств для районных дум из центральной городской кассы.

Придется, следовательно, постоянно принимать меры воздействия на Центральную Думу,—придется постоянно требовать от нее денег и следить за тем, чтобы она не давала лишних денег буржуазным районам и не обделяла окраины. Но сейчас и в ближайшем будущем у Центральной Думы будет постоянно один, к сожалению, резонный, ответ: денег нет, городская касса пуста.

Придется, следовательно, районным думам оказывать поддержку Центральной Думе в изыскании новых источников дохода и в принятии мер к сокращению расходов. Иногда придется оказывать здесь и давление.

В частности, в области сокращения расходов, нужно помнить, что старые, чисто буржуазные думы много расходовали на благоустройство центра, в ущерб окраинам,—например, в области уличного освещения и т. п. Районным думам придется, таким образом, добиться в некоторых областях городского хозяйства не только сокращения, но и перемещения расходов из центра на окраины.

30—17/X.

ЖИЛЬЕ ДЛЯ ВСЕХ.

Московский городской голова Руднев в газете «Труд» разъясняет, что для чиновников, эвакуированных из Петербурга, будут реквизироваться жилые помещения по расчету не более 3 квадратных сажен на человека и 9 кв. сажен на семью. Три квадратных сажени—это 1 комната, не очень большая; а 9 кв. сажен—три такие комнаты. Это, при нормальных условиях, не много.

Но в Москве сейчас отчаянное положение с квартирами и комнатами; многие москвичи подолгу остаются без жилья, кочуя по знакомым, где день, где ночь. Другие набиты в квартиру, как сельди в боченок. Иной раз целая семья почла бы за счастье иметь для себя одну комнату в 3 кв. сажени.

Почему же такая привилегия только для петербургских чиновников? Почему такое пренебрежение к москвичам?

Реквизировать нужно, но реквизировать для всех одинаково, а не ставить петербургских чиновников в дворянское положение по сравнению с москвичами.

31—18/X.

НОЯБРЬ

СТАТЬИ ИЗ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА»,

«МОСКВЫ В ОКТЯБРЕ» И «КОММУНАРА».

ГОРОДСКИЕ ФИНАНСЫ.

Отовсюду идут одни и те же вести: городские кассы пусты. Нет средств на самые необходимые расходы. Расходы сильно возросли благодаря дороговизне, а доходы не увеличились; нельзя ввести ни одного нового налога, нельзя увеличить ни одного старого городского налога: всюду думы встречают рогатку в лице старого, царского закона («Городового положения»), ограждающего интересы буржуазии. Революция снесла царский трон, но никак не может снести царских законов, выгодных для имущих слоев населения.

Одним из налогов, дававших значительный доход в городскую кассу (около 10 процентов всего дохода), был до революции сбор с недвижимых имуществ, иначе называвшийся оценочным сбором. Думы имели право взимать не свыше одного процента со стоимости имущества или 10 процентов с его чистой доходности. Уже давно этот сбор взимался в максимальном размере. Но думы были домовладельческие, и домовладельцы ограждали себя с другого конца: они оценивали дома много ниже их действительной стоимости.

За время войны прекратилось городское домостроительство; стоимость денег упала почти в 10 раз; а стоимость и доходность домовладений во много раз увеличились, несмотря на законы (очень плохие), ограждавшие будто бы квартирантов от взвинчивания цен на квартиры. О том, какая идет спекуляция с перепродажей домов по все более высоким ценам, не раз писалось даже и в буржуазных газетах*).

*) В газете «Труд» 17 октября сообщается, что при перепродаже домов в Москве теперь платят в 6—7 раз больше, чем в 1915 г.

Сам по себе оценочный сбор не может считаться, в нормальное время, демократическим налогом, так как он является налогом косвенным: домовладельцы перекладывают уплату налога на квартирантов. Но если цены на квартиры закреплены по закону, если домовладелец лишен права повышать их по своему произволу, то временно, в таких исключительных условиях, как теперь, можно и должно повысить оценочный сбор, взимать не 10, а 20,30 или более процентов с доходности.

Между тем сбор взимается в старом размере, по старой оценке. И если доходность успела повыситься в 10 раз, то этот старый размер составляет уже не 10, а только один процент с дохода.

Все демократические слои населения платят увеличенные налоги. Только домовладельцы—такие счастливчики, что обязаны платить все меньший процент. Да и этот, ничтожный для них, налог они, как показывают отчеты, почти перестали вносить, так сказать, «революционным путем».

Все безобразие такого положения сознают и признают не только социал-демократы-большевики, но даже и правящая партия социалистов-революционеров. Городские думы, например, московская, где эс-еры в большинстве, продолжают, однако, питать почтение к царскому «Городовому положению» и не решаются ни на какую иную меру, как только обращаться с просьбами к Временному Правительству; нельзя ли, дескать, хоть чуточку подправить гнусный царский закон?

В эсеровском журнале «Самоуправление» (№ 10) сообщается по этому поводу следующее.

Налоговые ставки в городах на 1917 год остались старые, так как «все еще не издан закон, расширяющий финансовые права городов. Закон этот, постоянно изменяемый то в одну, то в другую сторону, уже несколько раз был накануне своего распубликования и в настоящее время все еще преобразовывается».

Казалось бы, вовсе нет надобности столько потеть над простой отменой устаревшего и явно вредного царского закона,—тем более, что во главе правительства стоят «социалисты» и «революционеры». Но эта партия (социалистов-революционеров) имеет удивительное свойство: у нее всегда два лица, две программы, две тактики: она и за передачу земли крестьянам, и за аресты крестьян, берущих помещичью землю; она и за

отмену, и за введение смертной казни; она и за повышение, и против повышения налогов на буржуазию.

Эс-еры-министры ограждают по царски буржуазию от повышения налогов, а те же эс-еры из «Самоуправления» плачутся:

> «Такая медлительность в издании этого закона стоила нашим городам не один десяток миллионов, так как теперь, когда этот закон, наконец, появится, он, вероятно, предоставит право вводить новые налоги и повышать старые только с 1918 года».

А от платежа за 1917 год буржуазия спасена: не спасена только городская беднота, для которой успели вчетверо повысить трамвайную плату.

Но если эсеровско-либерданское правительство сумело спасти домовладельческую буржуазию от платежа налогов за 1917 год, то в чем порука, что не спасут и в 1918 году: ведь они крепко стоят на том, что наша революция буржуазная, и, очевидно, понимают это так, что все нужно делать для кармана буржуазии.

Итак, нет никакого ручательства в том, что Временное Правительство даст возможность повысить оценочный сбор на 1918 год. У городских дум есть, в таком случае, другой, даже по царскому закону, законный путь: произвести переоценку городских недвижимых имуществ. Правда, переоценка—дело очень длинное и дорогое. Но можно бы ее произвести упрощенным порядком.

Ведь причина повышения стоимости и доходности недвижимых имуществ одна, общая для всех владений: прекращение домостроительства и падение курса бумажных денег. Следовательно, допустима общая, огульная переоценка, то-есть повышение оценки одновременно для всех владений.

При повышении нужно только иметь в виду, что старая купеческая дума не мирволила мелким домовладельцам городских окраин, и для владений более мелких процент повышения оценки должен быть меньше.

Итак, московская, например, городская дума даже на вполне законном основании могла бы увеличить доход от оценочного сбора, но... но мы знаем, что большинство в нашей думе эсеровское, и что эс-еры умеют хорошо говорить. И потому лучше отложить в сторону маниловские бесплодные мечтания о том, что наша дума что-то сделает.

Впрочем, может быть и сделает: сделает то, что рекомендует их журнал «Самоуправление» в том же № 10 на странице 26. Там сказано:

«Остается пойти также и по пути сокращения расходов, а это достижимо... лишь путем сокращения штатов и окладов, получаемых городскими рабочими и служащими».

2/XI—20/X.

САМОДЕРЖАВИЕ КАПИТАЛИСТОВ.

Часто забывают, что кроме царского, политического самодержавия, имелась и имеется на свете самодержавная экономическая власть хозяина капиталистического предприятия. Хозяин у себя на фабрике—самодержец вроде царя: захочет—помилует, а не захочет—выбросит рабочего и его семью с фабрики, обречет на все ужасы безработицы, вплоть до голодной смерти.

Внутренний распорядок на фабрике устанавливается также самодержавной волей хозяина. И в многолетней борьбе между капиталом и трудом хозяева шаг за шагом отстаивают свое самодержавие. Они обычно являются сторонниками «невмешательства» рабочих и государства в отношения между хозяином и рабочим. Они с яростью протестуют против законодательного сокращения рабочего дня и тому подобное.

Наша революция, свергнув политическое самодержавие Николая, быстро перекинулась и в область экономических отношений. Фабрично-заводским комитетам удалось во многом ограничить экономическое самодержавие хозяина.

Но вот подняла голову контр-революция, поддержанная правящими партиями меньшевиков и эс-еров, и последовал предательский циркуляр Скобелева о восстановлении хозяйского самодержавия. Против такого контр-революционного «вмешательства» политической власти в классовую борьбу ни меньшевики, ни эс-еры не протестовали.

Теперь, по предложению большевиков, московский Совет Рабочих Депутатов становится на путь такого же вмешательства, но только не в пользу фабрикантов (как сделал министр Скобелев), а в пользу рабочих. И тотчас раздался вой меньшевиков и эс-еров. Меньшевики кричат о пагубности вме-

шательства и умывают руки; а эс-еры прямо об'являют в Совете войну,—войну за капиталистов против рабочих.

Нам могут сказать, будто эс-еры и меньшевики выступают против «декретов» Совета только потому, что эти декреты идут вразрез с политикой правительства и являются поэтому декретами революционными, первым (для Москвы) шагом борьбы за захват всей власти Советами. Пусть так.

Но меньшевики и эс-еры забыли, как видно, что в первые месяцы революции у нас было «двоевластие», что рядом с властью правительства стояла власть Советов. И, например, циркуляр Скобелева был тоже «революционным» (вернее контрреволюционным) актом по отношению к Советам, так как был издан без их согласия и подрывал их авторитет. Таким образом, меньшевики и эс-еры не протестуют против подрыва власти Советов, но готовы вопить благим матом, когда Советы наносят удар буржуазии и ее правительству.

Против борьбы с имущими классами—в общем это постоянная позиция эс-еров и меньшевиков. Вспомним, как старались эс-еры спасти помещичье землевладение, оттягивая отобрание земли у помещиков «до Учредительного Собрания». Вспомним, как в начале революции меньшевики боролись против лозунга о восьмичасовом рабочем дне.

Крестьянство перешагивает через эс-еров в вопросе о земле, а пролетариат пренебрег меньшевистскими криками в вопросе о восьмичасовом рабочем дне. И теперь, в вопросе о регулировании экономической борьбы путем декретов Совета, пролетариат перешагнет через головы меньшевистских и эсеровских прислужников капитала.

А если правительство Керенского вступит в конфликт с Советами, если оно резко выступит за хозяев против рабочих, то тем хуже будет для этого правительства.

7/XI—25/X.

ПРОТИВ ПЬЯНСТВА.

Враги революции, заговорщики и погромщики всегда стараются заглушать алкоголем ум и совесть народа. Трезвая Россия завоевала свободу. И только пьяную Россию возможно станет вновь заковать в кандалы царской, буржуазной, помещичьей и чиновничьей власти.

Сейчас, когда происходит переход власти от буржуазии к народу, особенно важно помешать черносотенным заговорщикам отравлять народ спиртом и всякими подобными напитками.

Дело борьбы против пьянства повсюду должны взять в свои руки сами рабочие организации. Борьба должна быть беспощадная.

Нужно обыскать всех, кто торгует тайно алкогольной отравой, арестовать их, а посуду, орудия и материалы конфисковать. Готовый напиток уничтожить.

Рабочим известны также все чайные, трактиры и другие заведения, где идет тайная торговля алкоголем. Все такие заведения должны быть временно закрыты, а владельцы, производящие такую торговлю, арестованы и помещение реквизировано.

Необходимо усилить охрану всяких казенных и других складов спирта. В аптеках служащие должны отказывать в отпуске препаратов со спиртом, если есть подозрение, что они покупаются с целью опьянения.

И, наконец, всякого нетрезвого рабочего товарищи-рабочие должны всячески убеждать, стыдить, а неисправимым пьяницам грозить бойкотом.

Не допускайте пьянства и погромов! Не позволяйте темным силам делать их темное дело!

8/XI—26/X.

БЕРЕГИТЕ КАЗНУ!

Вся власть в России переходит в руки Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Они становятся распорядителями всего государственного хозяйства. Для спасения революции необходимо, чтобы новая власть имела деньги на государственные расходы.

И прежде всего необходимо прекратить это печатание без конца бумажек: оно ускоряет рост дороговизны, заставляет скрывать товары, толкает людей делать ненужные запасы, порождает безтоварье.

Чтобы казна не иссякла, нужно увеличить государственные доходы и сократить расходы.

Увеличить доходы—это не так скоро возможно сделать. Но сильно сократить расходы может всякий Совет Рабочих и

Солдатских Депутатов, взявший в свои руки власть в городе. Можно сократить многие расходы, не ожидая распоряжения правительства.

Для этого необходимо сейчас же занять казначейство и контору государственного банка, а также дворянского и крестьянского земельных банков.

Затем вынести решение: ни один расход не может производиться без разрешения Совета.

А затем в первую очередь запретить следующие расходы:

1) Оплату купонов по всем государственным, городским и земским займам, а также по закладным листам дворянского и крестьянского земельных банков.

2) Запретить выдачу жалованья чиновникам, не нужным для народа,—особенно тем, должности которых уже уничтожены или подлежат уничтожению (земским начальникам, директорам и инспекторам народных училищ и т. п.), а также чиновникам учреждений, эвакуированных из мест, занятых неприятелем.

3) Всем высшим чиновникам, получающим более 750 р. в месяц, запретить выдавать больше 750 р., а если у них казенные квартиры, то делать вычет за квартиру. Тоже и военным чинам.

4) Прекратить выдачу пенсий тем, кто получает более 200 р. в месяц впредь до рассмотрения заслуг, за которые назначена пенсия.

5) Отчислить в запас всех солдат, которые в это время окажутся в своей губернии.

6) Прекратить выдачу из казны денег монастырям, архиерейским домам и вообще духовенству всех вероисповеданий.

7) Отсрочить на год уплату денег за все квартиры, нанимаемые казенными или городскими и земскими учреждениями у частных лиц (если дом заложен, то домовладелец получает соответственную отсрочку своих платежей).

8) Уничтожить ненужные должности и учреждения (например, комитеты по делам печати, кадетские корпуса, военные суды).

9) Обратить внимание, чтоб не было лишних расходов по бывшему удельному ведомству, по Красному Кресту (бывшему ведомству учреждений им. Марии и проч.). Черносотенных заправил удалить.

10) Пересмотреть все статейные списки арестованных, за что арестован. Кого возможно освободить и сократить расход на высших тюремных чинов. Тюремных инспекторов, если они сохранились, удалить.

11) Обратить особенное внимание на сокращение военных расходов и расходов по военным заказам. Где возможно, обязать предприятия немедленно перейти к выработке предметов, полезных для деревни.

12) Обратить внимание на всякое казенное имущество и запасы. Что не нужно, продать, чтобы не гнило бесполезно, как гниют у Земского Союза миллионы аршин мануфактуры.

В настоящей статье мы наскоро и в общих чертах наметили только главнейшие предметы, по которым возможно сокращение или прекращение расходов. В каждом городе Советы сами должны обсудить подробности. А в случае ошибки, дело будет исправлено правительством.

Лучше недорасходовать, чем перерасходовать.

8/XI—26/X.

ХОД СОБЫТИЙ *).

В 1917 году, до октябрьских дней, Москва не видала революционной уличной борьбы. Февральскую революцию вынес на своих плечах Петербург. А в Москве, можно сказать, было в те дни только празднование революции. Поэтому до октября Москва сильно отставала от Питера в смысле революционного настроения. И теперь толчек к борьбе дан был питерскими событиями.

Организованных сил здесь, казалось, было очень мало. В Совете Рабочих и Солдатских Депутатов большевики преобладали, благодаря лишь перевесу числа рабочих над числом солдат.

Но Совет Солдатских Депутатов существовал самостоятельно, имел свой отдельный президиум, и здесь преобладали контр-революционеры. Солдатская масса как-будто была в большинстве настроена хорошо. Но она была дезорганизована и

---

*) В Москве. Статья М. Ольминского в сборнике «Москва в октябре 1917 г.». Москва 1919 г. Изд. Отдела изд. и кн. торг. Моск. Сов. Раб. и Кр. Депутатов.

безоружна. А в руках контр-революционеров имелось и оружие и организованные юнкерские части.

Тем не менее действовать было необходимо, чтобы поддержать питерцев.

В большевистском «Социл-Демократе» от 26 октября появилось подробное сообщение о том, что только что произошло в Питере. А в передовой статье указывалось, что «наступили решительные дни», что петербургские рабочие и солдаты разбили противника, но что это только первый шаг гражданской войны: буржуазия не уступит без боя, она всюду попытается выступить против рабочих с оружием.

В этом смысле, в том же номере газеты были помещены особые воззвания к солдатам, крестьянам, железнодорожникам и почтово-телеграфным служащим.

В среду, 25 октября, в соединенном заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов избран Военно-Революционный Комитет для организации поддержки Петербургу. За избрание голосовало 394 депутата, против—106 (меньшевики и беспартийные) и воздержалось 25 (об'единенцы). Тем не менее, меньшевики и об'единенцы вошли в Комитет, но не для борьбы в рядах пролетариата, а за тем, чтобы отстаивать замену Революционного Комитета «общедемократическим органом».

Эс-еры отказались участвовать в голосовании.

В состав Комитета вошли: от большевиков Усиевич, Муралов, Ломов и Смирнов, от меньшевиков—Тейтельбаум и Николаев и от об'единенцев—Константинов.

В пятницу 27 октября в «Известиях» было напечатано об'явление Военно-Революционного Комитета следующего содержания:

«Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга во главе с Петербургским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции Временным Правительством. Долг московских солдат и рабочих—поддержать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов избрал Военно-Революционный Комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей. Военно-Революционный Комитет об'являет: 1) весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-Револю-

ционного Комитета. 2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-Революционного Комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

В противовес контр-революционному Совету Солд. Деп. была 26 октября созвана конференция представителей всех частей московского гарнизона: 116 голосами против 18 она постановила выразить доверие В.-Рев. Комитету.

Вслед за тем в Комитет послали своих представителей Ц. Бюро профессиональных союзов Москвы, Ц. Исп. Ком. Всерос. Союза железнодорожников и эс-еры-«интернационалисты».

При таком составе В.-Рев. Комитет не мог быть особенно дееспособен,—особенно в виду присутствия меньшевиков, которые в своем заявлении писали, что входят в Комитет «не для того, чтобы содействовать захвату власти Советами», а чтобы «возможно безболезненно изжить все последствия этой попытки захвата и авантюризма большевистских вождей».

Очевидно, в расчете на пестрый состав Комитета командующий войсками полковник Рябцев пред'явил ультиматум,—немедленно упразднить Комитет, вывести из Кремля большевистский караул и возвратить взятое из арсенала оружие.

В ответ В.-Рев. Комитет предложил пополнить свой состав новыми контр-революционными представителями: от Совета Кр. Деп., бывшего в руках эс-еров, от городской думы, земства и т. п. Но эс-еры и буржуазия, успевшие сорганизоваться в Комитет общественной безопасности, отказались участвовать в каких бы то ни было переговорах впредь до исполнения Рябцевского ультиматума.

Об этом отказе контр-революционеров вступать в переговоры рассказано в меньшевистской газете «Вперед» от 28-го октября. И в том же номере газеты напечатано воззвание меньшевистских организаций; в нем вся вина за кровопролитие взваливается на большевиков и сообщается о выходе меньшевиков из Военно-Революционного Комитета.

Своим уходом меньшевики, конечно, облегчили работу В.-Рев. Комитета; они продолжали агитировать против него печатно и устно, но рабочие и солдаты уже не слушали их.

Пока в В.-Рев. Комитете шли дипломатические переговоры и препирательства, Москва спешно готовилась к бою.

Рябцев стянул к центру юнкеров и казаков (которые скоро отказались действовать и были заперты во дворе Але-

ксандровского училища). К юнкерам присоединились белогвардейцы,—преимущественно студенты и гимназисты,—а также черносотенное офицерство. Отказалась воевать против народа лишь 1-я юнкерская школа, состоявшая из бывших солдат-боевиков. Зато школы, состоявшие из бывших студентов, проявляли особенно зверское настроение.

Кремль находился в руках большевистского караула; солдат уверили, будто В.-Рев. Комитет отказался от борьбы, и обманутые солдаты сдались без выстрела. Тем не менее многие из них были тут же расстреляны. А о захвате Кремля контрреволюционеры кричали, как о победе, чуть не о разгроме большевиков.

Весь центр города, кроме части Тверской улицы, был в руках юнкеров; в их же руках—вокзалы, трамвайная электрическая станция, телефон (кроме Замоскворецкого). В.-Рев. Комитет сразу оказался почти отрезанным от районов, и районы, плохо связанные между собою, вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы, не зная, что делается в центре.

Отрезанность центра от районов (связь кое-как поддерживалась только через Страстную площадь) подвергала его ежеминутной опасности разгрома. Юнкерские броневики появлялись на самой Советской (бывшей Скобелевской) площади. Бывали моменты, когда казалось, что центру только и остается, что бежать. Это сильно отражалось на настроении членов В.-Рев. Комитета, делало их склонными к переговорам о перемирии и уступкам.

Совсем иное настроение наблюдалось в районах. Правда, в первый день вооруженной борьбы, в пятницу, замечалась вялость. Заводы работали, так как В.-Р. Комитет сделал крупную ошибку, не призвав к всеобщей забастовке. Солдаты неохотно выступали из казарм. В красную гвардию записывалась только рабочая молодежь, да и для той нехватало оружия.

Кажется, в субботу встали фабрики и заводы. Рабочие кварталы оживились. Юнкеров стали теснить от окраин к центру, и быстро создалось настроение победы. Поэтому весть о перемирии была встречена с неудовольствием.

Перемирие было заключено в воскресенье, 29-го вечером, на сутки. Была установлена нейтральная полоса, и с утра 30-го должна была собраться комиссия для выработки прочного соглашения.

Контр-революционеры надеялись выиграть время в ожидании подкреплений. С юга к ним шли казачьи полки, а по Брянской дороге—ударники.

Через несколько часов после начала перемирия прибыл на Брянский вокзал первый отряд ударников. Юнкера тотчас осмелели и произвели нападение у Никитских ворот. В это время, согласно условиям перемирия, юнкера считали, что район их господства в центре Москвы определяется следующими границами:

Ушаков переулок, часть Остоженки, Полуектов пер., Пречистенка, Мертвый пер., Старо-Конюшенный, Кривоникольский, Б. Молчановка, проход через церковный двор и переулок, Хлебный пер., Никитский бульвар, Калашников пер., Ср. и Б. Кисловки, Воздвиженка, Моховая, Охотный ряд, проезд Театральной пл. и гост. Тестова, сквер у Кремлевской стены, проезд у Метрополя, Третьяковский проезд.

С возобновлением военных действий положение контр-революционеров становилось с каждым часом хуже, а к рабочим и солдатам прибывали силы и росла уверенность в неминуемой и полной победе. Скоро в руках юнкеров остался почти только Кремль, откуда они и стреляли во все стороны.

В руках В.-Рев. Комитета с самого начала находилась почти вся московская артиллерия. Но ее не пускали в дело, чтобы не производить лишних разрушений в городе. Только после долгих колебаний,—когда пришлось выбирать между жертвой людьми и жертвой кремлевскими зданиями,—начался обстрел Кремля из орудий.

Положение контр-революционеров было уже безнадежно, и обстрел Кремля явился только предлогом к тому, чтобы прикрыть капитуляцию красивой фразой: 2 ноября председатель Комитета общественной безопасности В. Руднев обратился к В.-Рев. Комитету с предложением сообщить его условия для прекращения военных действий. Руднев мотивировал это обращение желанием будто бы спасти «исторические памятники и святыни» и прекратить «избиение мирных жителей».

В.-Рев. Комитет принял предложение. Были выработаны условия, и того же 2 ноября в 9 часов вечера за подписью Усиевича был издан «Приказ всем войскам Военно-Революционного Комитета». В приказе сказано:

«Революционные войска победили. Юнкера и белая гвардия сдают оружие. Все силы буржуазии разбиты на голову и

сдаются, приняв наши требования. Вся власть в руках Военно-Револ. Комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний, новой, рабочей, солдатской и крестьянской революции! Враг сдался. В.-Рев. Комитет приказывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией. Войскам не расходиться до особого приказа В.-Рев. Комитета».

Приказ этот и, вообще, весть о договоре с юнкерами произвели в районах очень неприятное впечатление. Памятником этого является «протест Красной Гвардии» в «Социал-Демократе» от 4 ноября (№ 200). В протесте между прочим сказано:

«Освобождая юнкеров от ареста, В.-Р. Комитет дает им возможность снова восстать против народа. Мы... требуем, чтобы все арестованные юнкера и прочая буржуазная сволочь были преданы властному революционному суду».

Для этого требования было достаточно оснований. Сдавая оружие и прощаясь друг с другом перед раз'ездом из Москвы, юнкера, не стесняясь, говорили:

— Через месяц встретимся на Дону.

В дальнейшем все усилия руководителей были направлены на то, чтобы удержать солдат от самовольной расправы с юнкерами и офицерами.

Юнкера и офицеры, как известно, отплатили тем, что, вскоре с'ехавшись на Дону, стали подвергать массовому расстрелу солдат и рабочих Красной армии, попадавших в их руки.

Неполная победа в Москве получилась исключительно благодаря действиям В.-Рев. Комитета. И если победа все-таки была, то мы обязаны ею всецело стихийному под'ему массы, а также стойкости и энергии районных руководителей, бывших все время с массой и шедших с нею в ногу.

Октябрьскими днями Москва была крещена в революцию. И что самое важное, это небывало резкое, наглядное расслоение в эти дни на линии, отделяющей буржуазные и полубуржуазные слои от пролетариата и крестьян (солдат): октябрьские дни в Москве прояснили классовое сознание так, как не смогли бы прояснить его десятки лет пропаганды и агитации.

ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

В четверг 26 октября, поздно вечером по Б. Полянке проскакали к центру казаки. Прошли колонны юнкеров. Это командующий войсками Рябцев стягивал силы для нападения на Кремль и на Военно-Революционный Комитет.

В пятницу с утра откуда-то издали уже доносились выстрелы.

Штаб Замоскорецкого Военно-Революционного Комитета поместился возле Калужской площади, в очень тесной квартире.

В штабе тесно; трудно протолкаться. Все время приходят, уходят. Доходят тревожные вести: из-за Даниловки идут казаки; юнкера поставили орудия на Воробьевых горах; Крымский мост не свободен; солдат мало; в красногвардейцы идет только молодежь,—почти мальчики; электрическая трамвайная станция в руках юнкеров; в Коммерческом Институте засели студенты белогвардейцы; на крышах буржуазных домов пулеметы; из окон стреляют в рабочих,—и прочее подобное.

Большинство этих сведений оказалось ложными слухами. Но первые дни эти слухи требовали большого расхода сил. Отовсюду просьбы—пришлите 30, 40, 100 человек. А людей нет, оружия еще меньше.

Настроение нервное. Вдруг раздается частая пальба под самыми окнами. Все вскакивают. В соседней комнате кто-то разбивает окно во двор, собираясь прыгать со второго этажа. Но перестрелка скоро стихает. Кто напал? Казаки? Юнкера?

Нет, это мальчик-красногвардеец побаловался, выстрелил вверх, а в ответ пошла паническая стрельба куда попало. К счастью, почти благополучно. Только одного солдата задели. На дворе на-скоро перевязывают: пуля прошла вдоль поясницы, оставив борозду на коже.

Комитет продолжает распределять силы. Главная беда: мало оружия.

Улицы спокойны, движение обычное: только у ворот кое-где кучки обывателей, прислушивающихся к далеким выстрелам.

В субботу уже оживленнее. Около штаба непрерывная толпа: пошел за оружием более солидный рабочий. Чаще встречаются солдаты. Офицеры прогуливаются свободно. Позже у них стали отбирать оружие,—больше для того, чтобы хоть чем-

нибудь вооружить красногвардейцев. Арестовали только группу казачьих офицеров.

Коммерческий Институт занят нашими после перестрелки. Студентов отвели в арестный дом. Их человек 70. Где возиться с ними? Отпустили.

На Серпуховской площади остановилась трамвайная платформа с железными стенками. Оттуда показалось знакомое лицо:

— Поедемте!

— Нет, я в штаб.

За железными стенками, оказалось, полно народа. Платформа умчалась по Б. Полянке. Вскоре узнаем: юнкера выбиты, электрическая станция в наших руках.

Вообще, трамвайщики выделялись в эти дни энергией и смелостью.

Силы прибывают. О казаках не слышно. А между тем, они имеются где-то за Даниловкой. Очевидно не хотят итти против рабочих. Посылают к ним грузовик с 6—8 человеками.

— Сдавайте оружие!

— Нам казачья воинская честь не позволяет этого. А ружья вон в той казарме.

Грузовик быстро нагружается винтовками. Садятся и два казака, едут прямо в штаб. Казаки пьют чай, жалуются, что к ним не посылали агитаторов, а они ничего не знают. Просят посоветовать, как выручить их товарищей, которых юнкера заперли после их отказа сражаться с рабочими.

Связи с соседними районами не было. Пробрался кто-то окольными путями из Хамовников: там солдаты еще колебались. Послали к ним агитаторов из Замоскворечья,—то же окольным путем, чуть ли не через Воробьевы горы.

Поднялись Хамовники. Крымская площадь в наших руках, освободился Крымский мост.

Пальба все усиливается. Чаще к треску винтовок присоединяется длительный треск пулеметов. Намечаются попытки юнкеров, во что бы то ни стало пробиться в Замоскворечье. Вдоль Саратовской железной дороги в помощь им идут два сибирских казачьих полка. Нужно не допустить, нужно спешить,—и вдруг досадная отсрочка: перемирие!

Однако, юнкера скоро нарушают его. К прежним звукам присоединяется буханье орудий: из Хамовников пытаются разгромить штаб-квартиру юнкеров,—Александровское училище.

Попрежнему оживленная перестрелка около Каменного и Москворецкого мостов. Но центр внимания—Пречистенка и Остоженка. Юнкера хотят пробиться этим путем. Через Крымский мост все чаще идут подкрепления из Замоскворечья. Юнкерские пулеметы трещат на храме Христа-Спасителя. Наш снаряд падает где-то совсем близко, и юнкера спешат очистить колокольню.

У нас узнают, что где-то близ Пречистенки стоят крупные орудия без дела, в руках юнкеров. У них нет снарядов, у нас—тоже. Тем не менее решено отбить орудия. Чуть не трехсаженные пушки перевезены на Калужскую площадь.

Буржуазному обывателю невдомек, что из этих чудовищ нечем стрелять. Да говорят, что если бы было чем, то в городе нельзя: от одного сотрясения воздуха рушились бы ближайшие дома. Ничего этого не знает обыватель: он косится на эти орудия с трепетом.

Штаб расширил помещение. Появились кучи пулеметных лент; винтовок больше, чем нужно. Ящики с патронами грозят провалить пол,—так их много. Оказывается, они сложены вплотную к горячей печке. Спешно переносят.

Деловитые пулеметчики отправляются на позиции, на Остоженку. Замелькали матросы среди солдат. Появились и офицеры: получают приказ и куда-то спешат.

А казаки по Саратовской дороге все ближе. Они теперь уже не так страшны. Все же нужно принять меры. Посылается им навстречу легковой автомобиль. В нем, кроме большевика-шоффера, большевик из казаков и один из арестованных казачьих офицеров, предупрежденный, что его товарищи остаются заложниками; этот офицер обязан беспристрастно рассказать казакам о фактическом положении дел в Москве.

На другой день автомобиль возвращается, товарищ докладывает: встретили сначала враждебно, потом дали обязательство не приближаться к Москве, пока не выяснятся результаты борьбы.

Члены В.-Рев. Комитета уже несколько ночей не спали. Сваливаются со стула и тут же засыпают на полслове. Иногда остается один человек. Придет важное известие, нужно принять решение, он будит товарища и может быть через пять минут сам сваливается. Осунулись, почернели.

Из других районов мало вестей. Доходит несколько экземпляров бюллетеня Городского района. Везде мы берем верх.

Сомнения в конечной победе не остается, но конца еще не видать. Путь в центр через Таганскую площадь свободен.

Решено использовать типографию Сытина на Пятницкой улице. Рабочие там — меньшевики. За деньги соглашаются работать, но с тем, что не они захватывают типографию, а комитет. Собирается редакция. Выпускают «Листок Социал-Демократа», декреты о земле, о мире и, помнится, разные листки от В.-Рев. Комитета.

2-е ноября. Вечер. Автомобиль по Садовой ежеминутно окликается патрулями; осматривают пропуски; близ Сухаревки улица перерезана окопами, оставлен узкий проход.

В Центральном Военно-революционном комитете та же картина нечеловеческой усталости от бессонных ночей; с трудом узнаешь близких знакомых, которых не видел всего несколько дней.

Вошел Вл. И. Смирнов, ездивший на переговоры с юнкерами. Первые слова его:

— Не очень ругайте нас за глупость: мы подписали договор о прекращении военных действий; юнкера сдают оружие, а мы гарантируем им личную безопасность.

На возвратном пути по Садовой, повторение тех же фраз:

— Юнкера сдают оружие!

19—6/XI 1918 г.
«Коммунар», № 25.

ЗАНЯТИЯ В ВОЙСКАХ.

До сих пор делалось так, что командные должности занимались только офицерами. Теперь на должность командующего войсками московского военного округа назначен солдат Н. Муралов. На-днях, в московском гарнизоне и в частях, прибывших в Москву на помощь революции, будут произведены выборы нового командного состава. Наверное, многие солдаты пройдут на должности, которые раньше занимались офицерами.

Таким образом, старое деление на офицеров и солдат постепенно теряет свой смысл. Вместе с тем получают новое значение и занятия в войсках.

До сих пор солдат проходил всю солдатскую науку в несколько месяцев, а на службе состоял несколько лет. И занятия для старых солдат состояли в довольно-таки бессмысленном

повторении все одного и того же. Целью занятий было не расширение военных познаний солдата, а муштровка, чтобы воинская часть не расползалась и не теряла дисциплины.

Теперь занятия получают совсем другое значение. Всякий солдат может ожидать, что его выберут в командиры. Всякий солдат должен поэтому стремиться знать как можно больше в военном деле. Старых солдат уже не нужно держать на повторении одного и того же, а нужно дать им знание всей военной науки. Занятия, конечно, будут происходить по группам: одни знают уже больше, а другие меньше, и попадут они в разные группы.

Но как бы ни был способен солдат, сколько бы он ни изучил военных наук,—он должен оставаться в составе своей части. Не должно быть выделения в особые школы или училища.

В школы прапорщиков людей выделяли для того, чтобы оторвать их от солдат, поставить на барскую ногу и подготовить к положению бар-офицеров, верных капиталу и враждебных народу. Всякие школы прапорщиков, юнкерские училища, а тем боле кадетские корпуса должны быть закрыты. А для подготовки людей, знающих военное дело, должны быть введены занятия во всех частях и для всех солдат.

Должны быть учреждены курсы и лекции для всех. Товарищи-солдаты каждого полка и даже роты должны сами взяться за организацию этого дела. Не ждите указки сверху и помните, что палки над солдатами теперь нет: что сами солдаты решат на своем собрании, то и будет.

А если армия придет в расстройство, если не будет в ней занятий и порядка, то враги народа, только что побежденные в Москве и в Питере, опять поднимут голову, возьмут верх и вернут старый порядок, старые унижения, старую нищету для солдат, крестьян и рабочих.

20—7/XI.

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ЗАДАЧ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ.

Все воюющие страны, а Россия в особенности, разорены войной в конец. Разорены потому, что одна часть рабочей силы взята в армию, а другая часть почти целиком работает на

армию. А для нужд населения производилось совсем ничтожное количество товаров.

Все железо идет на военные надобности. Почти то же — с кожей, мануфактурой и прочим. Производство для целей войны было расширено до последнего предела. Между тем уже почти год, — с конца 1916 года, — крупные военные действия на русском фронте прекратились. Расходование снарядов и других предметов сократилось. А заводы все работали и работали.

По общему признанию, запасов военных предметов заготовлено огромное количество. Их хватит еще чуть ли не на такую же войну, как нынешняя. Производить их нет больше надобности. Но раз заведенная машина продолжает работать по-старому, давая огромные барыши капиталистам, разоряя и обездоливая всю страну, обрекая население на голод и холод.

От капиталистов почти безнадежно ждать, чтобы они приступили к демобилизации промышленности. Не менее трудно ожидать также, чтобы за это дело взялась новая народная власть. Комиссары народного правительства готовы бы сделать все, что в их силах. Но вы знаете, что чиновники бастуют и саботируют, что вся буржуазная интеллигенция бросает палки в колеса народному правительству. Людей в правительстве мало, а хлопот без конца. Таким образом, фабрично-заводским комитетам необходимо принять самим на себя заботу о демобилизации промышленности.

Помните, товарищи-рабочие, что каждый из вас сейчас, работая над предметами, годными только для военной надобности, с каждым днем более способствует обнищанию и разорению России и, следовательно, копает яму самому себе.

Необходимо немедленно переходить к производству предметов мирного времени. Никто не сможет лучше самих рабочих определить, какие именно предметы мирного времени может производить ваш завод, вашими машинами, из имеющихся на заводе или поступающих на завод материалов.

И нужно немедленно добиваться, по соглашению с хозяевами или без их согласия, чтобы предприятие сократило выполнение военных заказов и перешло к производству предметов, необходимых мирному населению города и деревни.

Нет спора, — дело это нелегкое. Но перед трудностями здесь нельзя опускать руки. Иначе — смерть. Смерть не от вражеского снаряда, а от голода и холода. Одно не лучше другого.

Ведь уже прошлым летом крестьянам негде было купить ни топора, ни сошника, ни косы, ни замка. Нечем было пахать, нечем косить. Что же будет, если и к будущей весне заводы не перейдут к производству товаров, нужных в хозяйстве? Ведь нечем будет обрабатывать землю! Не на чем будет подвозить продукты к станции, если не будут производиться шины, шкворни, подковы, гвозди и прочее. Не будет вьюшки, чтобы закрыть трубу. Не будет кожи ни для хомута, ни для вожжей. Не будет веревки. Ни сапог, ни рубахи, ни шапки.

Как же возможно станет жить? Волкам и другому зверю будет вольготно, а людям—смерть.

В ваших руках, товарищи-рабочие, теперь спасение России и вас самих. Вы вместе с солдатами смирили буржуазию. С ними вместе вы теперь—хозяева России. А если сами хозяева не позаботятся о ней, то кому же заботиться?

23—10/XI.

ДЕКАБРЬ

СТАТЬИ ИЗ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА».

ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ МЕЛОДИИ И ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЕ РЫЧАНИЕ.

Так называемая «интеллигенция» встретила враждебно, со скрежетом зубовным, победу рабочих и крестьян над буржуазией. Многие рабочие до глубины души потрясены этим.—Как, спрашивают они,—превратились в наших врагов те самые интеллигенты, которые раньше несли нам проповедь борьбы за освобождение, которые расплачивались за это многими годами тюрьмы, ссылки, изгнания, каторги?

Попытаемся уяснить себе этот вопрос.

Прежде всего нужно помнить, что далеко не вся масса служащих и «интеллигентов» была на стороне народа даже и во время самого лютого самодержавия. Был только один короткий период времени осенью 1905 года, когда протест против самодержавия охватил широкие круги интеллигенции. Но достаточно было самодержавию сделать самую ничтожную уступочку буржуазии, дать Государственную Думу, как масса интеллигенции изменила делу свободы, повернулась спиной к народу.

Когда-то студенчество поставляло из себя массу революционеров, а в 1905 г. студенты чуть не поголовно считали себя социал-демократами. После же 1905 г. вплоть до революции в феврале 1917 г. партийные работники вынуждены были признать студенчество безнадежной средой для пропаганды. Если и появлялись среди студентов небольшие кружки партийных социал-демократов, то они поневоле спешили порвать общение со всей студенческой средой и итти к рабочим.

Уже этот массовый уход интеллигенции от революции показывал, что для интеллигенции, за редкими исключениями, бур-

жуазия является классом близким, родным, если не совсем своим.

Всякий рабочий, всякий низший служащий легко мог убедиться в этом по самому, казалось бы, мелкому факту. Загляните в любое учреждение, в любую контору. Вы сразу убедитесь, что служащие (средние и высшие) ближе к буржуазии, чем к простому человеку.

Вот в прихожей учреждения случайно столпились и служащие, и рядом—швейцары, прислуга, рабочие. Входит новый служащий,—хоть простой писец. Посмотрите: он обходит всех служащих и здоровается с ними за руку; а швейцара, рабочего или прислугу он как будто не замечает, точно это не люди, а мебель.

На этом мелком примере вы сразу убедитесь, что имеется какое-то деление, унаследованное от крепостного права, когда были господа и рабы, и когда рабов меняли на собак, не считая их за людей. Так оно и осталось до наших дней. Ведь когда пало крепостное право, множество мелких помещиков разорилось,—пошло на службу и составило главный кадр служащих. Позже их потомки пополнялись бывшими крестьянами и мещанами, но старая, крепостническая закваска осталась и овладела служащими, вышедшими из народа.

На-днях я прочел в газете «День», газете, которая называет себя социалистической, в которой пишут многие интеллигенты социал-демократы (оборонцы) о победе рабочих и солдат следующее:

> «В крови и грязи затоптана свобода. Владычествует хам, вооруженный винтовками, пулеметами и пушками». (Передовица 12 ноября.)

Хам! Даже и слово-то то самое, которое употребляли в старину помещики по отношению к крепостным крестьянам. Тогда хамами были все крестьяне, а теперь—и крестьяне, и рабочие, и солдаты.

От других интеллигентов (тоже из числа бывших социал-демократов) приходится слышать, будто на Руси сейчас идет пугачевщина, будто поднявшие голову крестьяне, рабочие и солдаты—это не люди, а орангутанги (порода обезьян).

Опять старое-престарое, чисто крепостническое отношение к народу. Кстати сказать, ведь и среди помещиков во времена крепостного права было не мало людей образованных,

осуждавших крепостное право и, по выражению Щедрина, распевавших «дворянские мелодии» о свободе. Помещик поэт А. С Пушкин писал:

Увижу ль я, друзья, народ освобожденный,
И рабство, павшее по манию царя?
И над отечеством свободы просвещенной,
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Но когда «заря взошла», когда действительно подошло дело к отмене крепостного права, тогда, по выражению Щедрина, дворянские мелодии о свободе тотчас превратились в «дворянские рычания».

В этом роде и теперь. Интеллигенция, как никак остававшаяся «барином» и «барыней», от интеллигентских мелодий о свободе перешла к интеллигентскому рычанию о «хамах», как только увидала, что ее положению «барина» и «барыни» грозит опасность.

Сейчас злоба дня—саботаж чиновников и служащих по отношению к новому, народному правительству. До некоторой степени мы здесь имеем дело с борьбой буржуазных и мелкобуржуазных партий против пролетариата.

Но одной партийной борьбой нельзя об'яснить того, что саботаж принимает такой широкий и упорный, можно сказать, стихийный характер: ведь среди чиновников и служащих огромный процент беспартийных. Не могла бы так быстро вырасти и профессиональная солидарность, если бы суть дела не лежала глубже,—в классовом положении, в том, что высшие и средние служащие по своему положению и по всему своему душевному складу ближе к буржуазии и к крепостнику-помещику, чем к пролетарию и к крестьянину: с хозяином и помещиком они «здравствуйте за ручку», а крестьяне и рабочие для них «хамы». Как же им потерпеть, чтобы в стране «владычествовали хамы»?

Вот в этой-то крепостнически-буржуазной психологии и лежит разгадка того, что против народа так дружно поднялась интеллигентская масса, что так быстро об'единилась она, начиная от правого социалиста-революционера и кончая монархистом-черносотенцем.

Очевидно, эту психологию нельзя разбить убеждением. Ее можно только сломить упорным и неуклонным укреплением народной власти.

4/XII—21/XI.

ДЕЛА ДЕНЕЖНЫЕ.

Буржуазная политическая власть свергнута. Рабочие, солдаты и крестьяне победили в открытом бою. Но этим борьба не кончена. Буржуазия сильна своим капиталом, которым она и продолжает бороться.

Но сверх того победа над буржуазией создала новые, чрезвычайные трудности для новой власти,—не в силу злой воли капиталистов, а вследствие денежной паники, вследствие того, что публика бросилась брать деньги из банков и сберегательных касс.

Капиталисты держали свои деньги не в шкатулках, а в банках. Банки выдавали по их требованию, сколько нужно, для расплаты с рабочими, для уплаты за сырье, топливо и т. п. Но и в банках наличных денег всегда было немного, приблизительно на один день расхода: банк расплачивался тем, что получал за день. Значит, если два-три дня никто не несет денег в банк, а все требуют, то банк уже не может платить.

Именно такое положение и создалось в Москве в ноябре: никто не несет в банки денег, а все берут их. Все банки бросились за деньгами в московскую контору государственного банка. Но и этот банк раньше выдавал частями банкам то, что получал от них. А теперь ничего не получает и касса его истощается.

В самое короткое время московская контора государственного банка выдала около двухсот миллионов рублей,—главным образом на расплату с рабочими. Но ясно, что дело так продолжаться не может,—и если публика не понесет денег обратно в банки, то вся промышленная жизнь остановится.

Трудно сказать наверное, имеется ли тут со стороны капиталистов злонамеренная цель разорить государственный банк или этой цели нет. Фабрично-заводские комитеты во всяком случае должны контролировать, куда деваются деньги, поступающие в кассу предприятия за товары,—должны требовать, чтобы эти деньги не прятались, а употреблялись на предприятие.

Однако, денежные трудности есть еще и другие. Ведь правительству нужны огромные деньги на содержание армии и на другие расходы. При самодержавии и при буржуазном прави-

тельстве эти средства добывались частью займами, частью печатанием без конца бумажек.

Печатание бумажек без конца—это для народа, для рабочих и крестьян хуже всякого, самого скверного, самого несправедливого налога, прямого или косвенного. Потому что от лишних бумажек быстро растет дороговизна всего.

Новое народное правительство должно как можно скорее прекратить вовсе печатание новых бумажек. Но где же взять ему тогда денег на расходы? Деньги на расходы могут быть получены только путем увеличения доходов от налогов, сборов, пошлин, предприятий и т. п. Народ должен итти на огромные жертвы, и это обойдется ему дешевле, чем дороговизна.

Снились ли вам, читатель, два года назад те цены, которые стоят теперь? Но цены будут итти вверх все быстрее, если не прекратить печатания бумажек. Сапоги стоили 10 руб., теперь их не купить и за 100 руб.; а скоро нельзя будет купить и за десять тысяч рублей, если не перестать печатать бумажки.

Необходимо увеличить как можно скорее налоги и сборы, а также сократить расходы. Экономию крупную можно сделать только кончив войну и распустив армию. Но во многом можно с'экономить и раньше. Наш комиссар при московском казначействе натолкнулся на многие ненужные расходы. Например, до сих пор выплачивалось жалование губернаторам и чиновникам польских губерний, занятых немцами в 1915 году. Нужно, чтобы везде, где власть перешла к Советам, немедленно назначались комиссары в казначейство, чтобы не тратились зря деньги. Но главное, опять-таки, не в сокращении расходов казны, а в новых доходах.

Мы, социал-демократы, стоим за прогрессивно-подоходный налог. Он отчасти введен еще при самодержавии. Теперь крайне необходимо повысить этот налог до последней возможности и как можно скорее. И все-таки этим не заткнешь всех дыр. Нужно всячески думать о новых источниках дохода, а также о том, чтобы казенные предприятия не приносили убытка.

7/XII—24/XI.

О ДЕМОБИЛИЗАЦИИ, ДИСЦИПЛИНЕ И КРАСНОЙ ГВАРДИИ.

Товарищей солдат очень волнует вопрос о демобилизации. Спрашивают друг друга:

— Когда же отпустят людей срока службы 1900 года?

На сколько мне удалось выяснить, дело это обстоит следующим образом.

В тылу имеются войска, которые на первый взгляд кажутся лишними и без нужды обременяют казну.

Но так кажется только на первый взгляд. На самом же деле, во-первых, мир еще не заключен. И чтобы заключить справедливый мир, необходимо иметь наготове боевую силу. Но боевая сила нужна еще и против контр-революционеров, которые собираются с Урала и с Дона, из казачьих областей, двинуться против крестьян и против рабочих.

И, наконец, третья причина, почему демобилизация поневоле идет медленно, заключается в необходимости поддерживать внутренний порядок в стране. Необходимо охранять народ и свободу и от контр-революционеров, которые всюду кишмя кишат, и также от воров, грабителей, хулиганов и других уголовных элементов.

Охрана населения и казенного имущества от воров и грабителей требует много народа для занятия караульных постов. И вот в этом-то деле, в деле охраны порядка, сами солдаты, а также рабочие и крестьяне могут многое сделать, чтобы ускорить демобилизацию.

Прежде всего о самих солдатах. Несомненно, во многих местах их имеется больше, чем нужно для занятия караулов.

Но, к сожалению, всюду имеются не только такие солдаты, которые честно несут службу, но и такие, которые уклоняются от дела. И вот сами солдаты прежде всего должны принять меры, чтобы уклоняющихся вернуть к делу. Сами солдаты должны заставить всех своих товарищей, угрозой наказания и принуждения, действительно нести службу.

Товарищи-солдаты должны знать и помнить, что всякий солдат, который не несет службы, а только считается солдатом, замедляет демобилизацию, препятствует тому, чтобы добросовестные солдаты вернулись скорее в родной дом, к родной семье.

Но кроме солдат, должны помочь демобилизации и товарищи-рабочие, усиливая свою красную гвардию.

Все сознательные рабочие, старые и молодые, должны помнить, что если буржуазия вернет себе власть, то рабочим от нее пощады не будет: не только отнимут у рабочих все права, удлинят рабочий день, сократят плату, но и прямо будут расстреливать тысячами и арестовывать десятками тысяч.

Рабочие должны быть всегда готовы к защите себя. Они должны все обучаться военному делу, записываясь в красную гвардию. И вот, когда красная гвардия будет сильнее, когда она будет в состоянии сама и защищать свободу и охранять порядок от грабителей,—только тогда возможно будет приступить к более широкой демобилизации армии.

Иные думают, будто красная гвардия нужна только в больших городах. Это грубая ошибка. Красная гвардия должна быть организована не только в каждом городе, на каждом заводе но и в каждой волости, в каждой деревне.

Уже приходят вести, что в деревнях усилились разбои и грабежи. Кто же защитит деревенских жителей? Конечно, на чужую помощь нечего расчитывать; жители деревни должны сами организовать красную гвардию из числа трудовых, беднейших крестьян (но не из числа кулаков и богачей).

Сейчас многие солдаты, увольняемые в запас, желают унести с собою в деревню свои винтовки и патроны. Но это опять-таки возможно будет сделать с пользой только тогда, когда в деревнях организуется красная гвардия. Винтовки и патроны должны выдаваться не в руки любого солдата, уволенного в запас, а только в руки деревенской красной гвардии. Ведь и среди солдат не мало людей из буржуазии. Выдавать винтовки запасным без разбора значит часто давать оружие в руки буржуазии против рабочих и против солдат.

Далее, если выдавать винтовки солдатам, то многие поспешат продать их. У буржуазии денег много, и она скупит оружие, чтобы направить его потом против рабочих и крестьян.

Наконец,—нечего греха таить,—ведь и среди солдат имеются люди, склонные к грабежу и разбою. Человека не угадаешь. И многие винтовки, если их выдавать без разбора, попадут в руки разбойничьих шаек.

Вот почему товарищи-солдаты не должны требовать себе винтовок при увольнении в запас. А должны писать в деревню

и говорить своим землякам при всяком случае, чтобы те скорее организовали в деревнях красную гвардию. И этим организациям красной гвардии оружие будет отпущено.

Итак, товарищи, чтобы наладить скорее демобилизацию и вооружить народ для защиты свободы, необходимо всем солдатам дружнее нести службу, а рабочим и крестьянам поскорее организовать всюду красную гвардию.

12/XII—29/XI.

СОДЕРЖАНИЕ.

МАРТ
(ст. из «Правды»).

АПРЕЛЬ
(статьи из «Социал-Демократа»).

МАЙ

(статьи из «Социал-Демократа»).

ИЮНЬ

(статьи из «Социал-Демократа»).

И Ю Л Ь
(статьи из «Социал-Демократа»).

А В Г У С Т
(статьи из «Социал-Демократа»).

С Е Н Т Я Б Р Ь
(статьи из «Социал-Демократа»).

О К Т Я Б Р Ь
(статьи из «Социал-Демократа»).

НОЯБРЬ

(статьи из «Социал-Демократа», «Москвы в Октябре» и «Коммунары»).

ДЕКАБРЬ

(статьи из «Социал-Демократа»).

ЦЕНА 2 РУБ.

6

